Я. ШУЛЬГИН

ОЧЕРК
КОЛЛИВЩИНЫ

А 165/726

801-93
11272-0

ОЧЕРКЪ

КОЛІИВЩИНЫ

ПО

НЕИЗДАННЫМЪ и ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ

1768 и БЛИЖАЙШИХЪ ГОДОВЪ.

Составилъ

Я. ШУЛЬГИНЪ.

§1-26нд

Оттискъ изъ „Кіевской Старины".

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.

1890.

ОЧЕРКЪ

КОЛІИВЩИНЫ

ПО

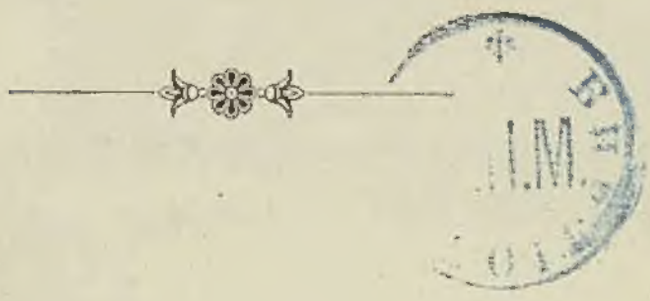
НЕИЗДАННЫМЪ и ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ

1768 и БЛИЖАЙШИХЪ ГОДОВЪ.

Составилъ

Я. ШУЛЬГИНЪ.

Оттискъ изъ „Кіевской Старины".



КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4.

1890.

Дозволено цензур. Кіевъ, 25-го октября 1890 г.

2007051339

Оглавленіе

стран.

Введеніе. 1

Глава 1-ая. Ватажки и военная организація гайдамакъ . . . 9

Максимъ Желѣзнякъ. 11
Семенъ Неживый 36
Яковъ Швачка 57
Иванъ Бондаренко 73
Гайдамацкіе загоны 84

Глава 2-ая. Крестьяне кіевщины и брацлавщины, какъ главные дѣятели колівщины 103

Глава 3-ая. Участіе въ колівщинѣ лѣвобережцевъ, гайдамакъ степей и запорожцевъ 141

Глава 4-ая. Мѣры правительства Рѣчи Посполитой противъ коліевъ 158

Глава 5-ая. Отношеніе къ колівщинѣ современныхъ ей русскихъ дѣятелей 178

ОЧЕРКЪ КОЛІИВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.

Люблинская унія 1569 года была серьезнымъ шагомъ польскаго королевства на пути стремленій его къ ассимилированію съ своимъ народомъ населенія всего великаго княжества литовскаго, въ составъ котораго входила и южная Русь. Выгоды, которыя давалъ польскій государственный строй, предпочтительно передъ строемъ великаго княжества литовскаго, шляхетскому сословію, неминуемо должны были оторвать отъ всей массы литовскаго и южнорусскаго народовъ не только земянъ, но и важныхъ магнатовъ, членовъ недавней рады литовской,—и они пошли на встрѣчу польскому королю и шляхтичамъ, задумавшимъ подъ видомъ уніи двухъ равноправныхъ государствъ дать повсюду преобладаніе полонизму; изъ нихъ особенно охотно пошли на встрѣчу полякамъ въ данномъ случаѣ паны южной Руси, которая въ значительной своей части была королемъ безцеремонно отдѣлена отъ Литвы и присоединена къ польскому королевству. Послѣ такого разъединенія въ народныхъ массахъ великаго княжества литовскаго, послѣ утраты ими высшаго сословія, и Литва, и особенно литовская Русь не могли уже больше имѣть защитниковъ своей народности, законовъ, обычаевъ и вѣры въ сеймѣ вновь возникшей Рѣчи Посполитой, ибо только шляхтичи и имѣли право быть тамъ послами. Положимъ, личные инстинкты могли иногда побуждать нѣкоторыхъ изъ бывшихъ земянъ и пановъ рады литовской отстаивать ихъ народность, но все же такое отстаиваніе, еслибъ оно было поведено основательно, не могло не идти въ разрѣзъ съ собствен-

ными ихъ интересами, ибо имъ въ такомъ случаѣ пришлось бы защищать и кинутый строй великаго княжества литовскаго, благопріятный крестьянству и усиленію верховной власти. Оттого то на первыхъ порахъ послѣ люблинской уніи находились еще между магнатами старой рады литовской люди, готовые защищать и поддерживать свою народность и вѣру, но все же при условіи оставленія въ сторонѣ сущности политическихъ порядковъ. Таковъ былъ, напримѣръ, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, извѣстный ревнитель православія и русскаго просвѣщенія. Но чѣмъ дальше, такихъ дѣятелей среди южнорусскаго панства мы встрѣчаемъ все меньше и меньше; въ качествѣ же защитниковъ православія на сеймахъ стали выступать люди вродѣ сперва брацлавскаго, а потомъ кіевскаго воеводы Киселя, о которомъ имѣли полное основаніе говорить въ народѣ, что „у него русскія кости, но только сбросшія польскимъ мясомъ“. Съ конца же XVII вѣка и Киселей не стало.

Не диво, поэтому, что поспольство бывшей литовской Руси, не имѣя средствъ къ защитѣ своихъ утраченныхъ правъ и изнемогая подъ гнетомъ грубо крѣпостническихъ порядковъ польскаго королевства, въ составъ котораго ввели большую ея часть тотчасъ послѣ уніи, отдѣливъ отъ Литвы,—не диво, говоримъ, что поспольство это при такихъ условіяхъ долго только тѣмъ и могло выражать свой протестъ, что оставляло цѣлыми толпами своихъ помѣщиковъ-шляхтичей. Но, конечно, такой пассивной защитой своихъ правъ цѣлый народъ не могъ ограничиваться сколько-нибудь продолжительное время. Изъ бѣглыхъ хлоповъ скоро южно-русскій людъ превратился въ козаковъ, проживши извѣстное время вдали отъ мѣстъ своей родины на границѣ южныхъ степей, находившихся подъ вѣчной грозой татарскихъ набѣговъ. Отбиваясь тамъ отъ враговъ и продолжая заниматься земледѣльческимъ трудомъ, они именно стали земледѣльцами-воинами, или, какъ тогда говорилось, козаками. Возникло, такимъ образомъ, мало по малу цѣлое новое сословіе, члены котораго нерѣдко съ неблагопріятнаго для шляхтичей опаснаго юга шли жить и въ предѣлы остальной Рѣчи Посполитой, гдѣ козачество сперва не было извѣстно. Чѣмъ дальше, контингентъ этого на-

родившагося въ странѣ сословія все больше и больше разростался, ибо козаками оказывались и мѣщане, занимавшіеся рыбной и иной торговлей по Днѣпру и въ другихъ неогражденныхъ отъ нападеній хищниковъ мѣстахъ; оказывались ими и всякіе ранѣе незакрѣпощенные люди, не внесенные заблаговременно въ сословные кадры Рѣчи Посполитой. Само собою разумѣется, члены такого вновь возникшаго класса людей не могли отказываться отъ привычной для нихъ свободы даже въ случаяхъ поселенія въ городахъ Рѣчи Посполитой, далекихъ отъ степей, а потому всякія попытки старостъ и дѣдичей втиснуть ихъ въ среду поспольства, лишеннаго при польскомъ строѣ даже человѣческихъ правъ, они должны были встрѣчать отпоромъ. Когда же случаевъ давать такой отпоръ стало становиться слишкомъ много, тогда протесты отдѣльныхъ лицъ начали превращаться въ протесты коллективные—и отсюда-то ведутъ свое начало козацкія возстанія. Собственныя желанія козаковъ увеличить численность своего сословія путемъ привлеченія къ себѣ хлоповъ и стремленіе этихъ послѣднихъ путемъ перехода въ козаки избавиться отъ крѣпостническихъ условій существованія—все это естественно должно было установить ту солидарность между этими двумя народными группами, результатомъ которой явилась всегдашняя готовность ихъ къ взаимной поддержкѣ и защитѣ. Козацкое знамя стало, такимъ образомъ, знаменемъ всего южно-русскаго народа, и борьба, которая велась козаками съ Рѣчью Посполитой, мало по малу стала борьбой не за интересы одного козацкаго сословія, но за всю Русь, за ея вѣру и народность. Богданъ Хмельницкій выступаетъ удачнымъ образомъ именно за интересы всего южно-русскаго народа, и если подчасъ ему доводилось, прибѣгая даже къ смертной казни, проповѣдывать несчастнымъ хлопамъ истину „нехай кожный зъ свого тишыться, нехай кожный свого глядыть“ и вслѣдъ затѣмъ загонять ихъ къ панамъ, то это были моменты временные, слѣдовавшіе за случайными неудачами козаковъ на войнѣ и за побѣдами Польши [1]), но никакъ нельзя думать, что и стремленія великаго козацкаго вождя были въ духѣ приведенной истины. Послѣ него отчетли-

[1]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій т. III, стр. 37.

вость цѣлей козацкой борьбы съ Польшей спуталась; среди сложныхъ политическихъ условій существованія въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. козачество много металось изъ стороны въ сторону, по крайней мѣрѣ на правомъ берегу Днѣпра, отошедшемъ по Андрусовскому договору (1667 г.) снова къ Польшѣ. Ни Дорошенко, ни Палій съ Самусемъ и другими не были въ состояніи вернуть козачеству силы и значенія, какія имъ были пріобрѣтены при Хмельницкомъ, и въ концѣ концевъ козачество на правомъ берегу Днѣпра исчезло, не докончивъ своей задачи вызволенія себя и поспольства южной Руси изъ-подъ гнета полонизма и церковной уніи. Результатомъ борьбы была въ концѣ концевъ „руина“ Украины и брацлавскаго воеводства.

Но жизнь южно-русскаго народа, въ предѣлахъ даже истерзанныхъ войною областей, не прекратилась окончательно во время руины. Мало-по-малу области эти, хозяевами которыхъ, въ силу Прутскаго договора Петра I съ Турціей, считали себя поляки, стали заселяться русскимъ крестьянствомъ, стекавшимся сюда и съ запада—изъ Волыни, Подоліи и Червоной Руси, и съ востока—изъ гетманщины. Тяжелыя экономическія и общественныя условія въ той и другой сторонѣ заставляли ихъ идти въ опустѣлый край съ благодатною землей. Но здѣсь ихъ вновь должны были сдавить рамки польскаго общественнаго строя. Земли, ими заселенныя, въ большинствѣ случаевъ были во владѣніи шляхтичей. Шляхтичи же эти, какъ только стихъ шумъ войны, тотчасъ явились въ свои помѣстья и немедленно предъявили поселившимся тамъ крестьянамъ условія, при соблюденіи которыхъ они могли пользоваться панскими землями. Условія эти на первыхъ порахъ были довольно выгодны для крестьянства, но въ концѣ концевъ, послѣ льготныхъ лѣтъ, все же они должны были дать въ результатѣ прочный крѣпостническій строй. Вмѣстѣ съ тѣмъ не могло не начаться вновь и гоненіе на православіе въ пользу уніи. Давній порядокъ шляхетско-католической Рѣчи Посполитой, такимъ образомъ, вновь получалъ господство въ южной Руси,—а поэтому крестьянству послѣдней вновь должны были понадобиться защитники, которые могли бы хоть

отчасти замѣнить козачество, исчезнувшее на правомъ берегу Днѣпра. Такіе защитники и явились.

Съ легкой руки польскихъ мемуаристовъ обыкновенно этихъ новыхъ защитниковъ русской народности и православія величаютъ *гайдамаками*, а все движеніе, ими вызванное и тянувшееся хронически въ теченіе всего XVIII вѣка, — *гайдамачествомъ*. Основаніе для этого существуетъ, но все же въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ кличкой не вполнѣ точной, перенесенной съ понятія болѣе узкаго на гораздо болѣе широкое и даже не однородное. На самомъ дѣлѣ гайдамаками называли издавна своего рода отщепенцевъ грубо сбитаго общественнаго польскаго строя, людей, для которыхъ и пребываніе въ козачествѣ могло быть стѣснительнымъ—и въ силу разнузданности ихъ инстинктовъ, и въ силу несочувствія ихъ идеаламъ козачества; иначе, конечно, къ нему они могли бы пристать. Самое названіе „гайдамака“, въ основѣ котораго лежитъ турецкій глагольный корень „гада“, должно было издавна означать, соотвѣтственно смыслу корня, людей, приводившихъ общество въ смущеніе, безпокойство, движеніе [1]). Особенно много шло въ гайдамаки забужанъ и поднѣстрянъ, отличавшихся по свидѣтельству Костомарова приверженностью къ буйству и неповиновенію. Шайки ихъ въ томъ краѣ назывались еще въ XVII столѣтіи ватагами левенцевъ и вполнѣ были аналогичны *опришкамъ* Червоной Руси, въ составъ которыхъ тоже входили непокорные хлопы, а часто и свободные карпатскіе горцы. Силами этихъ, подчасъ вполнѣ разбойничьихъ, шаекъ во времена Хмельницкаго воспользовался народный герой Нечай [2]). Но въ теченіе долгаго времени они не фигурировали на историческомъ поприщѣ того времени: массы хлоповъ и козаковъ затирали ихъ своею численностью. Тѣмъ не менѣе ихъ не убывало; съ конца же XVII вѣка ряды ихъ даже стали значительно пополняться. Такъ, послѣ крестьянскаго возстанія 1702 года многіе изъ крестьянъ Подоліи и Брацлавщины, гдѣ былъ центръ этого движенія, уходили въ *левенцы* или гай-

[1]) Антоновичъ. Изслѣдованіе о гайдамачествѣ стр. 10.

[2]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Т. II, стр. 216—217.

дамаки, зная, что поляки, усмирившіе возстаніе, готовятъ имъ лютыя казни. Къ тѣмъ же гайдамакамъ уходили и впослѣдствіи въ теченіе XVIII вѣка, всѣ тѣ, которые такъ или иначе бывали виноваты передъ своими панами, т. е. участники мелкихъ и крупныхъ крестьянскихъ движеній. Весьма естественно, конечно, при такомъ составѣ гайдамачества, что имъ съ одной стороны были близки къ сердцу бѣды своей братіи, остававшейся въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, и они всегда готовы были имъ оказать помощь въ борьбѣ съ поляками, съ другой—не менѣе естественно и то, что главнымъ источникомъ ихъ пропитанія могъ быть только разбой и грабежъ. Непринимаемые въ Запорожье, гдѣ повидимому свободные запорожцы въ XVIII вѣкѣ вовсе не вольны были увеличивать своихъ рядовъ бѣглыми хлопами, какъ это было раньше, они влачили вполнѣ нелегальное существованіе, ютясь на границахъ татарскихъ степей въ предѣлахъ Бугогардовской паланки и находясь подъ вѣчнымъ опасеніемъ быть оттуда изгнанными.

При такихъ же условіяхъ существованія и при полномъ отсутствіи организаціи, гайдамаки никоимъ образомъ не могли бы быть преемниками козачества сами по себѣ. Новыми борцами за православіе и русскую народность собственно стали непосредственно сами крестьяне Украины и Брацлавщины. Сами себя при этомъ они никогда не называли гайдамаками, а козаками. Настоящіе же гайдамаки, левенцы, были только ихъ ревностными пособниками, какъ бывали таковыми въ теченіе всего XVIII вѣка и запорожцы, съ которыми иные польскіе мемуаристы также смѣшивали гайдамакъ и возставшихъ крестьянъ южной Руси.

Было нѣсколько моментовъ въ теченіе всего XVIII вѣка, когда народный протестъ со стороны самого крестьянства значительно обострялся. Проф. Антоновичъ указываетъ на 1734, 1750 и 1768 года, какъ на такіе моменты [1]).

Имѣя въ виду въ настоящей статьѣ заняться послѣднею изъ трехъ названныхъ вспышекъ крестьянскаго движенія на

[1]) Антоновичъ. Изслѣд. о гайдамачествѣ стр. 100.

Украинѣ въ XVIII вѣкѣ, не можемъ не отмѣтить, что до сихъ поръ возстаніе именно 1768 года считалось наиболѣе уяснепнымъ, благодаря нѣсколькимъ польскимъ мемуарамъ, относящимся къ нему. Между тѣмъ такое заключеніе не совсѣмъ справедливо. Мемуаристы, пишущіе не всегда только о томъ, что ими лично видѣно и слышано, но и томъ, что видѣно и слышано другими, не всегда достовѣрными свидѣтелями, легко впадаютъ въ ошибки, или искажая самые факты, или давая имъ невѣрное освѣщеніе. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ движенію 1768 года, сохранившему за собой названіе колівщины, все это, какъ увидимъ, именно имѣло мѣсто. Въ такихъ случаяхъ, конечно, лучшимъ ремедіумомъ для возстановленія истины должны являться документальныя данныя объ изслѣдуемой порѣ. Къ такого рода даннымъ въ работѣ нашей мы и постараемся прибѣгнуть и при помощи ихъ, гдѣ это необходимо, исправить и пополнить и свѣдѣнія мемуаристовъ, и заключенія нѣкоторыхъ изслѣдователей интересующаго насъ вопроса, построенныя на односторонне подобранныхъ документальныхъ данныхъ, сдѣлавшихся извѣстными сравнительно раньше.

Ходячія мнѣнія о колівщинѣ — будто центральнымъ ея пунктомъ, затмевавшимъ все остальное, была уманская рѣзня, будто все движеніе сводилось на одну партизанскую войну при отсутствіи въ рядахъ возставшихъ всякой организаціи, будто кровавыхъ дѣлъ въ это движеніе было больше, чѣмъ во всѣ предъидущія народныя движенія, при чемъ звѣрство природы малорусскаго крестьянина вполнѣ дѣлами такими доказано, и, наконецъ, будто движеніе это было очень значительно,—все это именно заключенія на основаніи польскихъ мемуаровъ. Съ другой стороны, утвержденіе нѣкоторыхъ изслѣдователей, будто колівщина была только возстаніемъ для защиты вѣры, а другихъ — будто русское правительство не только сочувствовало этому возстанію, но даже само его и вызвало—все это есть результатъ заключеній, на основаніи односторонне подобранныхъ документальныхъ данныхъ. Не трудно замѣтить, наконецъ, что недостатокъ и неточность матеріаловъ не могли повлечь за собой вполнѣ невѣрныхъ рѣшеній и вопроса о томъ, какъ себя

держали по отношенію къ коліивщинѣ запорожцы, и вопроса о томъ, кто такіе были такъ называемые гайдамаки.

Въ настоящее время есть значительная возможность избѣгнуть ложныхъ заключеній на основаніи мемуаровъ и поспѣшныхъ выводовъ изслѣдователей, пользовавшихся слишкомъ однородными документами. Какъ ни мало пока издано матеріаловъ, относящихся къ интересующей насъ порѣ, но все же кой-что издано. Сверхъ того, отъ времени до времени всплываютъ на верхъ и документы, еще ждущіе своего изданія.

Къ числу послѣднихъ принадлежитъ, напримѣръ, книга, заключающая въ себѣ рядъ показаній гайдамакъ и крестьянъ, судившихся за возстаніе 1768 года передъ польской военно-судной коммиссіей, засѣдавшей въ Кодиѣ. Книгой этой, обрѣтенной покойнымъ М. А. Максимовичемъ и принадлежащей въ настоящее время профессору Антоновичу, мы между прочимъ имѣли возможность пользоваться при нашихъ занятіяхъ движеніемъ 1768 г. и извлечь изъ нея много мелкихъ культурныхъ и даже политическихъ свѣдѣній, придающихъ, какъ намъ кажется, событіямъ коліевщины болѣе опредѣленный характеръ, чѣмъ они могли имѣть на основаніи данныхъ, извѣстныхъ польскимъ мемуаристамъ.

Въ виду сказаннаго списокъ источниковъ даннаго движенія теперь нѣсколько шире, чѣмъ былъ прежде.

Вотъ этотъ списокъ.

1) Bunt hajdamaków na Ukrainie r. 1768 opisany przez Lippomana i dwoch bezimennych wydany z rękopisma przez Eduarda Raczynskiego. Poznań 1854. Одинъ изъ помянутыхъ безъименныхъ авторовъ, именно послѣдній —есть *Тучапскій*.

2) Уманская рѣзня. Записки Вероники Кребсъ. Перев. съ предисл. И. М. Ревы.

3) Уманская рѣзня. Записка піара *Павла Млодановскаго*.

4) Pamętnik do historyi polskiej przeż Adama Moszczynskiego. Poznan. 1863.

5) Описаніе бѣдствія, постигшаго Умань и всю Украину въ 1768 г. Переводъ съ польской рукописи, хранящейся въ институтѣ Оссолинскихъ въ Львовѣ подъ № 163. Кіев. Ст. 1882. кн. 3.

6) Записки о Южной Руси. П. Кулиша Т. I и II.

7) Сказаніе о Бондаренкѣ по народнымъ преданіямъ. Кіев. Ст. 1882, кн. 3.

8) Манифестъ импер. Екатерины II 9 іюля 1768 г. Кіев. Ст. 1882 г., кн. 5.

9) Матеріалы для исторіи колівщины или рѣзни 1768 г. Н. И. Костомарова. Кіев. Ст. 1882, кн. 8.

10) Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи на Украинѣ 1768 г. Кіев. Стар. 1882 г. 9 и 10 кн. и 1883 тоже 9 и 10.

11) Нѣсколько документовъ къ исторіи гайдамачины А. Скальковскаго. Кіев. Стар. 1885 г. кн. 10.

12) Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. 1, тт. II и III. При нихъ изслѣдованіе объ архимандритѣ Мельхиседекѣ Значко-Яворскомъ Ѳ. Г. Лебединцева.

13) Тоже, ч. 3-я, т. III. При немъ изслѣдованіе о гайдамачествѣ (1700—1768) профессора Антоновича.

14) Тоже, ч. 4-я, т. II. При немъ изслѣдованіе о крестьянахъ Ю.-З. Россіи (1700—1798) профессора Антоновича.

15) Наѣзды гайдамакъ на Западную Украину въ XVIII столѣтіи (1733—1768). Соч. А. Скальковскій. Одесса. 1845 г.

16) Исторія Новой Сѣчи его же, тт. I—III, изд. 1885 г.

17) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. I. Статьи: Извѣстія о гайдамакахъ; Сказаніе о колівщинѣ; Объясненіе нѣкоторыхъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ.

18) Исторія Россіи Соловьева, тт. XXVI и XXVII.

19) Нѣкоторые неизданные матеріалы изъ Архива кіевскаго губерн. правленія.

20) Книга военно-судной Коднепской коммиссіи.

ГЛАВА I-я.

Ватажки и военная организація гайдамакъ.

Къ числу вопросовъ, нуждающихся въ разрѣшеніи для характеристики колівщины, принадлежитъ между прочимъ вопросъ—была ли у коліевъ какая-либо организація, или же они

составляли только разбойничьи шайки, дѣйствовавшія безъ плана, руководившіяся однимъ стремленіемъ къ наживѣ.

Изъ цѣлаго ряда характеристикъ дѣятельности отдѣльныхъ ватажковъ возстанія, приводимыхъ нами въ настоящей главѣ, думаемъ, нетрудно усмотрѣть, что общій планъ дѣятельности у коліевъ былъ, что планъ этотъ состоялъ въ намѣреніи завладѣть кіевскимъ воеводствомъ или по крайней мѣрѣ значительною частью его путемъ дѣйствія болѣе или менѣе значительными силами въ четырехъ углахъ этого района: 1) близъ Умани, 2) близъ Чигирина и вообще въ Придніпровьи, 3) близъ Бѣлой Церкви и 4) въ виду Радомысля на границѣ кіевскаго Полѣсія, причемъ ватажки Желѣзнякъ, Неживый, Швачка и Бондаренко были завѣдующими тѣми силами, которыя были направлены къ завладѣнію означенными пунктами. Планъ этотъ выполнялся съ достаточнымъ упорствомъ, хотя, конечно, крайняя непривычка къ строевой дисциплинѣ крестьянскаго люда, наполнявшаго ватаги названныхъ ватажковъ, не могла не быть подчасъ помѣхой для точнаго стремленія къ намѣченной цѣли. Далѣе довольно очевидно, что изъ всѣхъ названныхъ четырехъ ватажковъ Желѣзнякъ считался главой возставшихъ. Онъ называлъ себя полковникомъ войска запорожскаго, тогда какъ Швачка, Неживый и Бондаренко постоянно титулуются только куренными атаманами этого войска. Сверхъ того, тотъ же матеріалъ заставляетъ думать, что отмѣченный выше планъ былъ составленъ не при самомъ возникновеніи движенія въ апрѣлѣ 1768 г., и что до размѣщенія главныхъ силъ въ указанныхъ четырехъ углахъ кіевскаго воеводства сперва коліи соединенными силами подъ предводительствомъ Желѣзняка прошли по нѣкоторой части Кіевщины.

Наконецъ при характеристикахъ менѣе важныхъ ватажковъ довольно отчетливо намѣчается то обстоятельство, что именно эти ватажки, параллельно съ дѣйствіемъ главныхъ силъ и участіемъ ихъ въ правильныхъ сраженіяхъ и осадахъ, вели партизанскую войну. Небольшіе отряды ихъ были аналогичны татарскимъ загонамъ, дѣйствовавшимъ большею частью въ виду главныхъ силъ; они наносили разореніе врагу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще не была организована оборона.

Все только что сказанное, конечно, требуетъ подробныхъ подтвержденій. Послѣднія и заключаются, какъ думаемъ, въ предлагаемыхъ ниже характеристикахъ отдѣльныхъ ватажковъ, крупныхъ и мелкихъ, причемъ однако при составленіи этихъ характеристикъ мы не задавались цѣлью выяснить только военную сторону дѣла, а стремились очертить дѣятелей движенія 1768 года всесторонне, насколько то дозволяли имѣющіяся данныя.

Максимъ Желѣзнякъ.

Максимъ Желѣзнякъ. этотъ „główny watażka“ и „principał haidamacki“ [1]) въ Кодненской книгѣ выступаетъ не часто. Ни самъ онъ не подпалъ суду военно-судной коммиссіи, засѣдавшей въ Кодиѣ, ни цѣлая масса крестьянъ и гайдамакъ, бывшихъ съ нимъ,—поэтому и въ судебныхъ бумагахъ, которыми мы пользуемся, не можетъ онъ занимать видпаго мѣста. Изъ тѣхъ же немногихъ гайдамакъ его ватаги, которые подпали кодненскому суду, въ нашихъ документахъ попадается только четыре лица [2]),—но они всѣ не изъ видныхъ и притомъ только одинъ изъ нихъ побывалъ съ своимъ ватажкомъ въ Умани и другихъ мѣстахъ, гдѣ Желѣзнякъ былъ наиболѣе развернувшись. Тѣмъ не менѣе и въ тѣхъ немногихъ документахъ, гдѣ у насъ идетъ рѣчь о Желѣзнякѣ, все же есть рядъ свѣдѣній, пригодныхъ для уясненія личности „glownego watażki“, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и для обрисовки характера движенія 1768 года.

Извѣстенъ путь, пройденный Желѣзнякомъ въ самомъ началѣ возстанія съ соединенными силами возставшихъ. Вышелъ онъ съ своей ватагой въ концѣ апрѣля 1768 г. изъ Мотронинскаго лѣса (въ нынѣшнемъ чигир. у.) и послѣдовательно побывалъ въ Медвѣдовкѣ (мѣстечко чигир. у. при рр. Тясминѣ и Медвѣдовкѣ къ ЗСЗ отъ у. города), Жаботинѣ (мѣстечко черк. у. при р. Жабянкѣ или Вязлѣ на ЮЮЗ отъ у. гор.), Смѣлой, Черкассахъ, Корсунѣ, Каневѣ, Богуславѣ, Каменномъ Бродѣ (с. звенигород. у. при р. Гниломъ Тикичѣ къ З. отъ Лисянки),

[1]) Кодненская книга. Стр. 34, 80.
[2]) Ibidem 34, 54, 80, 536.

Лисянкѣ (м. звенигор. у. при впаденіи р. Лисянки въ Гнилой Тикичъ, къ СЗ отъ у. города) и наконецъ Умани. Кровавыя расправы съ панами и жидами, производившіяся Желѣзнякомъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ, польскими мемуаристами описаны не съ равномѣрною полнотою, такъ какъ не изо всѣхъ мѣстъ мемуаристы могли имѣть свѣдѣнія отъ очевидцевъ, а тѣмъ болѣе не во всѣхъ мѣстахъ могли быть люди грамотные настолько, чтобы лично могли записать видѣнное. Наиболѣе грамотныхъ очевидцевъ рѣзни, произведенной Желѣзнякомъ, было въ Умани, въ этомъ центрѣ польскаго просвѣщенія и культуры тогдашней Украины, не успѣвшей еще вполнѣ оправиться послѣ руины,—поэтому то уманскія дѣянія Желѣзняка намъ наиболѣе и извѣстны. Что же до дѣлъ его въ другихъ мѣстахъ, то при описаніи его похода много вниманія удѣлено еще развѣ его пребыванію въ Лисянкѣ, гдѣ въ то время тоже укрывалось много поляковъ. Поэтому свѣдѣнія о походѣ Желѣзняка издавна надо было наполнять хотя бы по народнымъ преданіямъ. Обращаясь затѣмъ къ нашимъ матеріаламъ въ Коднепской книгѣ, мы находимъ въ нихъ свѣдѣнія именно о нѣсколькихъ такихъ пунктахъ Желѣзняковскаго маршрута, которымъ не посчастливилось у мемуаристовъ: мы узнаемъ изъ немногихъ имѣющихся у насъ дѣлъ кой-что о пребываніи Желѣзняка и его ватаги въ Корсунѣ, Богуславѣ, Каменномъ Бродѣ и Бояркѣ.

О пребываніи и дѣяніяхъ Желѣзняка въ Корсунѣ мы извлекаемъ данныя изъ заключающагося въ Коднепской книгѣ дѣла объ убійствѣ уніатскаго попа с. Завадовки (с. черкасскаго у., при рч. Грузькой къ СЗ отъ Городища), Николая Фалипковскаго. Къ дѣлу этому былъ привлеченъ сыномъ покойнаго, Семеномъ Фалипковскимъ, „благочестивый“ попъ того же села Иванъ Старшевскій. Показаніями на судѣ и попа Старшевскаго, и его обвинителя, Семена Фалипковскаго, воспроизводится цѣлая бытовая картина той смутной поры, такъ что едва ли было бы основательно ограничиться извлеченіемъ изъ нея только того, что непосредственно касается Желѣзняка. Но разъ желательно не разрывать картины событій въ нашемъ документѣ, намъ необходимо хотя бы въ немногихъ чертахъ указать, въ какомъ положеніи

была Украина относительно религіозныхъ дѣлъ предъ появленіемъ Желѣзняка и вообще предъ началомъ коліивщины; иначе въ дѣлѣ о Фаликовскомъ и Старшевскомъ не все будетъ ясно.

Начало шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка было временемъ полнаго расцвѣта той политики по отношенію къ православію и уніи на Украинѣ, основаніе которой еще въ концѣ XVII столѣтія такъ удачно для сторонниковъ искорененія православія было положено львовскимъ епископомъ Іосафомъ Шумлянскимъ. Борьба велась въ это время уніатами, такъ сказать, безъ объявленія войны врагу. Отъ тѣснимыхъ православныхъ не требуютъ въ это время общаго согласія на унію, но противъ нихъ ведутся безконечныя мелкія преслѣдованія, и всякое неповиновеніе уніатскому ли священнику или такому же епископу перетолковываютъ какъ нежеланіе повиноваться подлежащей власти, вполнѣ игнорируя вѣроисповѣдную рознь между пастырями уніатами и пасомыми—православными. Даже слова *унія, дизунія, схизма* совершенно почти исчезаютъ изъ административнаго лексикона первой половины XVIII вѣка. Въ документахъ той поры часто трудно распознать—когда дѣло идетъ о православномъ и когда объ уніатскомъ духовенствѣ [1]). И успѣхъ такой политики былъ очень замѣтный: числившихся въ уніи было теперь гораздо больше, чѣмъ при прежней открытой борьбѣ съ православіемъ. Положеніе духовенства было при этомъ очень тягостно, если оно открыто заявляло себя православнымъ. Прежде всего для священниковъ православныхъ самое назначеніе ихъ въ тотъ или другой приходъ было крайне затруднено. Нужно было согласіе владѣльца или его повѣреннаго, что носило названіе *презента* и что только и давало право священнику пользованія извѣстнымъ количествомъ пахатной земли за опредѣленный впрочемъ взносъ владѣльцу земли. Затѣмъ по полученіи презента необходимо было еще получить отъ уніатскаго декана или протопопа *абсолюцію*, или дозволеніе держаться православія. Наконецъ, послѣ абсолюціи отъ уніатскаго декана, или протопопа,

[1]) Проф. Антоновичъ. Монографіи по исторіи Зап. и Ю.-Зап. Россіи. Очеркъ состоянія правосл. церкви въ Ю.-З. Россіи съ половины XVII до конца XVIII в. стр. 295.

ставленикъ долженъ былъ еще быть рукоположенъ переяславскимъ епископомъ, между тѣмъ всякія сношенія съ Переяславомъ и духовенства, и мірянъ, состоявшихъ въ переяславской епархіи, были затруднены отчасти произволомъ пограничныхъ властей, отчасти сеймовыми постановленіями. „Не всякій, конечно, изъ искателей прихода или священства (которое помимо чести и дохода манило свободою отъ панщины лицъ несвободнаго сословія),—читаемъ въ предисловіи Ѳ. Г. Лебединцева къ II и III томамъ 1-й части Архива Ю.-З. Россіи—не всякій, конечно, могъ устоять предъ такими чрезвычайными затрудненіями и рѣшительными препятствіями, и потому многіе изъ ставленниковъ, или аколѣтовъ, рѣшались на принятіе священства изъ рукъ уніатскаго архіерея, готовые жъ священники давали присягу и согласіе на унію, причемъ большая часть, какъ кажется, разсчитывала на то, что, живя въ православномъ приходѣ, можно служить по православному, въ бытность же поляковъ и уніатовъ можно по нуждѣ и уніатомъ прикинуться, если не удастся какъ-нибудь обмануть своихъ надсмотрщиковъ [1]). Изъ актовъ III тома 1 ч. Арх, Ю.-З. Россіи видно, какого рода обманы первобытной наивности приходилось пускать въ ходъ пастырямъ. Иной изъ нихъ „точію за крайнюю нужду именовался унѣятомъ, служенія жъ божественныя въ церквѣ хотя съ опасностью, однакъ отправлялъ было по прежнему своему порядку по чину святія восточнія церкви; если жъ было случатся поляки или унѣяти, при коихъ слѣдовало ему служить по унѣятскому, то онъ было въ то время нарочно упьется и тѣмъ откажется, что не готовъ на служеніе [2]). Иной же при пріѣздѣ опасныхъ ревизоровъ скажетъ дьячку тянуть подолѣе херувимскую пѣснь, чтобы незамѣтно было, какъ при перенесеніи святыхъ даровъ онъ пропускаетъ имя папы [3]). А за иного мнимаго уніата наконецъ свидѣтельствуютъ прихожане—будто онъ служитъ по-уніатски [4]).

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р. ч. 1. т. II. Предисловіе стр. LXI.

[2]) Ibidem т. III актъ № LXXVII, стр. 498.

[3]) Ibidem. Предисл. стр. LXII.

[4]) Ibidem. Т. III актъ № XXXVIII, стр. 283.

Все это практиковалось нерѣдко еще и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Но если пора эта была порой полнаго угнетенія православія на Украинѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ она была порой зародившагося упорнаго противодѣйствія православныхъ крестьянъ и духовенства полякамъ и уніатамъ. Годы 1761—1765 были годами, когда игуменъ Мотронинскаго монастыря, расположеннаго близъ Жаботина въ Мотронинскомъ лѣсу, Мелхиседекъ Значко Яворскій, состоявшій, по назначенію переяславскаго архіерея Гервасія Линцевскаго, правителемъ украинскихъ церквей, принадлежащихъ къ переяславской епархіи, самымъ ревностнымъ образомъ помогалъ украинскимъ крестьянамъ и сохранять православіе, и отдѣлываться отъ насильно навязанной и навязываемой имъ уніи. Скрытая борьба прежнихъ десятилѣтій, благодаря энергичному игумену, должна была замѣниться открытой—и всѣ вѣроисповѣдныя отличія унитовъ и дизунитовъ выступили теперь наружу. Число возвращавшихся изъ уніи въ „благочестіе“, какъ тогда говорилось, было очень значительно, и длилось такое возстановленіе православія до тѣхъ поръ, пока вновь не начались всякаго рода преслѣдованія со стороны уніатовъ. За дѣло преслѣдованія усердно принялись три лица: уніатскій митрополитъ Володкевичъ, имѣвшій резиденцію въ Радомыслѣ, его оффиціалъ Мокрицкій и бывшій послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ Вороничъ, тогдашній региментарь украинской партіи, т. е. начальникъ тѣхъ польскихъ войскъ, которыя отдѣлялись обыкновенно на защиту Украины и Подолія. Только страхъ довести до полнаго ожесточенія нужныхъ для зарождавшейся вновь панщины хлоповъ заставилъ по крайней мѣрѣ наиболѣе крупныхъ польскихъ пановъ на Украинѣ, какъ напримѣръ князя Сапгушко, остановить хоть отчасти поднятое на „шизму“ гоненіе [1]). Да наконецъ и утвержденная на сеймѣ 1767 года вѣротерпимость должна была вести за собой, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, ослабленіе уніатскихъ непстовствъ. Но и безъ этого ослабленія гоненій народныя массы Кіевщины и особенно Смѣлянщины рѣшились сами вернуть права своей вѣрѣ во что бы то ни стало. Уже въ 1767 г., до открытія сейма,

[1]) Арх. Ю.-З. Р. Ч. I т. II акты №№ XXI и XXII

крестьянскія громады названной выше мѣстности вновь стали подавать донесенія архіерею Гервасію съ просьбою о принятіи ихъ по прежнему въ вѣдомство переяславской епархіи. Въ это время началось, такимъ образомъ, новое присоединеніе, продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока и епископъ Гервасій, и игуменъ Мельхиседекъ не были навсегда разлучены съ Украиною [1]). Возбужденіе крестьянъ въ эту пору было такъ велико, что, по заявленію Гервасія малороссійскому генералъ-губернатору графу Румянцеву, „обратившіеся въ унію священники не имѣли другого средства къ своему спасенію, особенно въ началѣ 1768 г., какъ только искать себѣ защищенія въ Переяславѣ“ [2]), гдѣ, конечно, обращались въ православіе. Въ Кодненской книгѣ мы находимъ яркую иллюстрацію такого положенія священниковъ. Такъ, священникъ слободы Яновки въ старостве бѣлоцерковскомъ Матвій Сухачъ, судившійся въ Кодиѣ по подозрѣнію въ содѣйствіи гайдамакамъ въ 1768г. и за православіе, пересказалъ на судѣ, какъ онъ тотчасъ послѣ начала рѣзни 1768 г., будучи уніатскимъ дьякомъ въ родномъ селѣ Насташкѣ и состоя уніатомъ съ дѣда и прадѣда, *для спасенія отъ гайдамакъ*, съѣздилъ въ Переяславъ и получилъ тамъ посвященіе быть православнымъ пастыремъ. Послѣ этого, по словамъ Сухача, „powracilismy do Nastaszki y tak przyiętą Blahoczestyą bylismy wolnemi od haydamakow“ [3]). Но въ назначенный ему приходъ Сухачъ не поѣхалъ, видя, что никто изъ поповъ не знаетъ, чего держаться—уніи или дизуніи, и ожидалъ общаго поворота въ ту или другую сторону. Если же въ концѣ концовъ онъ остался православнымъ, то, судя по его показаніямъ, случилось это больше какъ-то независимо отъ него. Въ дѣло его вмѣшался протопопъ села Гусачевки, Василій Зражевскій, ревностный православный. Протопопъ этотъ при содѣйствіи какихъ-то „moskal'ей“ и по настоянію жителей Яновки водворилъ его въ Яновской церкви, освятивъ ее по православному чину—и Сухачъ остался православнымъ среди православной паствы. Это не помѣшало ему потомъ на судѣ въ Кодиѣ

[1]) Ibidem. Предисловіе стр. XCII.

[2]) Переписка гр. П. А. Румянцева. Кіевъ. Ст. 1882 кн. 9 стр. 114.

[3]) Кодненск. кн. стр. 112.

признаться, что по его мнѣнію, унія выше дизуніи! [1]). Но кромѣ поповъ, по необходимости мѣнявшихъ унію на православіе, были конечно—замѣтимъ мимоходомъ—и попы, по силѣ убѣжденія въ правотѣ православія стоявшіе такъ же высоко, какъ и многіе селяне. Названный только что Василій Зражевскій, протопопъ села Гусачевки, былъ именно одинъ изъ такихъ столповъ православія. Благодаря его разъѣздамъ по селамъ вмѣстѣ съ другими православными священниками въ 1767 и 1768 годахъ было возвращено православнымъ много церквей въ Бѣлоцерковщинѣ [2]). Очевидно, Василій Зражевскій присталъ именно къ тому движенію въ пользу православія, которое было особенно сильно въ смѣлянскомъ ключѣ чуть не въ самый моментъ появленія Желѣзняка.

Обращаясь за симъ къ указанному выше дѣлу объ убійствѣ уніатскаго попа Фалипковскаго [3]), въ которомъ выступаетъ и Желѣзнякъ, перескажемъ прежде всего коротенькую біографію антагониста Фалипковскаго, священника Ивана Старшевскаго. Мы при этомъ увидимъ, какъ отмѣченное на предъидущихъ страницахъ положеніе православія и уніи въ Украинѣ отражалось на судьбѣ отдѣльныхъ лицъ и особенно на судьбѣ тогдашняго духовенства.

Родился Иванъ Старшевскій въ селѣ Вакулинцахъ богуславскаго ключа. И отецъ его, и дѣдъ, и прадѣдъ—всѣ были попами. Въ годъ суда, въ 1771 г., ему было 33 года. До 15 лѣтъ учился онъ въ мѣстной школѣ, должно полагать въ с. Вакулинцахъ; потомъ же отецъ его, при безразличномъ отношеніи къ уніи и дизуніи, тогда обычномъ, отвезъ его въ Переяславъ въ тамошнюю семинарію. Въ семинаріи Старшевскій пробылъ пять лѣтъ, поучившись одинъ годъ даже въ поэтикѣ. По возвращеніи изъ Переяслава, молодой Старшевскій сперва жилъ при родителяхъ, не имѣя опредѣленныхъ занятій. Когда же прошелъ такимъ образомъ годъ, отецъ отдалъ Ивана къ священнику Любинскому, инструктору „русской консисторіи“, для

[1]) Ibidem стр. 113.

[2]) Ibidem стр. 111.

[3]) Ibidem стр. 98—107 и стр. 122—135.

приготовленія въ священники (na kapłanstwo). Съ годъ опять длилось это приготовленіе, а потомъ Иванъ Старшевскій женился на дочери деренковскаго попа (Деренковецъ с. черк. у. при р. Роси къ В. отъ Корсуня), Евдокіи, и, получивши посвященіе изъ Радомысля, былъ назначенъ въ приходъ отца своего въ Вакулинцахъ, гдѣ долженъ былъ состоять всего только викаріемъ. Самостоятельный же приходъ тогдашній уніатскій оффиціалъ Примовичъ далъ ему только спустя полтора года. Приходъ этотъ нашелся для него въ мошенскомъ ключѣ, въ с. Березняки (черк. у. при р. Тясьминѣ къ Ю. отъ Смѣлой). Тамъ Старшевскій священствовалъ затѣмъ четыре года. Мы видимъ, такимъ образомъ, что послѣ обученія въ православной семинаріи, желая добиться прихода и средствъ къ жизни, Иванъ Старшевскій безъ всякаго стѣсненія и на священство приготовляется у уніата, „инструктора русской консисторіи", и самое священство получаетъ отъ уніатскаго оффиціала. Указанное выше намѣренное игнорированіе духовными и свѣтскими властями вѣроисповѣдныхъ различій унитовъ и дизунитовъ и почти полное отсутствіе возможности сноситься украинскому духовенству съ Переяславомъ и тамошнимъ архіереемъ—все это естественно вызвало и встрѣчаемое нами въ Старшевскомъ безразличное отношеніе къ вопросамъ религіознымъ или вѣрнѣе іерархическимъ.

Но вотъ въ 1767 г., какъ уже было сказано и какъ это подтверждаетъ Страшевскій въ своихъ показаніяхъ на судѣ въ Кодиѣ, между попами польской Украины начались учащенныя сношенія, результатомъ которыхъ было усиленіе „благочестія" и между попами. На своихъ тайныхъ совѣщаніяхъ они, очевидно, пришли къ заключенію, что сохраняя унію, имъ не сдобровать. И въ самомъ дѣлѣ, сельскія громады въ это время то и дѣло присягали въ Переяславѣ быть вѣрными „схизмѣ", какъ выражался Старшевскій о православіи, и то и дѣло отнимали у уніатскихъ ставленниковъ ключи отъ церквей, а ихъ самихъ гнали изъ селъ и приходовъ, замѣняя ихъ попами благочестивыми, получившими посвященіе въ Переяславѣ. Старшевскій также былъ изгнанъ изъ Березняковъ, и, подобно другимъ отставленнымъ тогда уніатскимъ попамъ, очень волновался по поводу утраты прихода. О томъ, какъ бы вернуть его себѣ

снова, онъ ѣздилъ совѣщаться въ Богуславъ къ роднымъ своимъ и тамошнему уніатскому попу Яну Яроцкому, бывшему на приходѣ въ церкви Покровы. Попъ Яроцкій посовѣтовалъ ему съѣздить въ Радомысль къ тогдашнему украинскому оффиціалу Мокрицкому. То же посовѣтовали Старшевскому и другіе попы, съ которыми онъ совѣщался о своей бѣдѣ: и попъ села Жабопекъ, шуринъ Старшевскаго, и попъ вакулинскій, родной братъ С—го. Оффиціалъ Мокрицкій какъ разъ въ это время самъ пріѣхалъ въ Корсунь и, чтобы представиться ему, не надо было, значитъ, ѣхать въ далекій путь. Старшевскій воспользовался этимъ и тотчасъ явился къ оффиціалу. „Но какъ только, говоритъ Старшевскій, я вошелъ къ нему, онъ обратился ко мнѣ съ такимъ привѣтомъ: „кланяюсь отцу схизматику“. Я ему отвѣчалъ, что я не схизматикъ и имъ быть не хочу. Но на это онъ мнѣ заявилъ: „ты изъ ключа мошенскаго, а тамъ всѣ попы стали схизматиками, стало быть и ты такой же схизматикъ, какъ другіе“. Не далъ онъ мнѣ оправдаться, не успѣлъ я даже заявить ему, что я пріѣхалъ къ нему за совѣтомъ, какъ быть мнѣ. Безъ разговору велѣлъ онъ схватить меня, посадить въ корсунскую тюрьму и, продержавши тамъ дня три, велѣлъ отправить меня на моей же подводѣ въ Радомысль подъ конвоемъ 12 корсунскихъ казаковъ, которые должны были сопровождать меня до Богуслава, а тамъ конвоирами моими на дальнѣйшій путь должны были стать два казака митрополичьихъ. Въ Радомыслѣ я сидѣлъ въ тюрьмѣ недѣль шесть и, по распоряженію отца оффиціала и отца сурогатора, былъ наказанъ 700 ударами розогъ. Затѣмъ уже тогда, когда Москва изъ-за границы густыми толпами стала идти къ намъ (gdy Moskwa z zagranicy swey w granice polskie gensto isc poczala), я вмѣстѣ съ другими воспользовался тѣмъ, что тюрьму однажды сторожили два пьяныхъ казака—и убѣжалъ“. При этомъ Старшевскій перечислилъ лицъ, бѣжавшихъ вмѣстѣ съ нимъ изъ уніатской митрополичьей тюрьмы. Оказывается, что сидѣли въ этой тюрьмѣ вмѣстѣ съ Старшевскимъ какой-то приходскій попъ, монахъ изъ корсунскаго монастыря, какой-то человѣкъ Иванъ, какой-то литвинъ и шляхтичъ Чижевскій. Всѣ эти бѣжали одновременно съ Старшевскимъ. Но, кромѣ нихъ, въ

тюрьмѣ еще содержались жена и теща Чижевскаго, имъ тамъ покинутыя, попъ изъ села Писекъ (житомир. у. при р. Буйвѣ къ Ю.В. отъ Житомира), сидѣвшій за потерю денегъ, и старикъ литвинъ; эти всѣ остались въ тюрьмѣ. Явившись изъ Радомысля въ Березняки, Старшевскій напрасно разсчитывалъ, что тамошній приходъ снова попадетъ въ его руки: назначенный изъ Переяслава священникъ Бабыченко, оказалось, утвердился тамъ настолько прочно, что и въ моментъ суда надъ Старшевскимъ въ 1771 г. онъ все находился тамъ. Пришлось Старшевскому думать, какъ бы не пропасть съ голоду при такихъ невзгодахъ, и вотъ онъ рѣшился идти за-границу въ Переяславъ и стать „благочестивымъ“ (zostalem przymuszony isc za granice do Perejasłowia z racyi żem się nie mial gdzie podziec). Въ переяславской консисторіи приняли его дурно и только послѣ многихъ хожденій и просьбъ допустили его черезъ десять недѣль послѣ его прихода присягнуть на „благочестіе“ и дали ему право совершать богослуженіе въ какомъ-то монастырѣ въ церкви св. Михаила, за что опредѣлили ему выдавать всего по 5 р. въ годъ. Прошло не мало дней; Старшевскій успѣлъ отправить 91 службу, и тогда только явилась возможность стать въ лучшее матеріальное положеніе. Пріѣхали тогда въ Переяславъ люди отъ громады села Завадовки (черк. у. при рч. Грузькой къ С.З. отъ Городища), Иванъ Васильенко и Иванъ Овсіенко, съ просьбой дать имъ попа на мѣсто Николая Фалинковскаго; Фалинковскаго же они не хотѣли имѣть больше попомъ. „Винъ, говорили посланцы, хочъ вже й прынявъ благочестіе, а проте все жъ смердыть уніатомъ—и мы цього дали вытрымувать не можемо“. Сочувствуя имъ, архіерей заявилъ готовность посвятить въ попы ихъ церкви кого либо изъ намѣченныхъ ими, но они не имѣли никого въ виду; тогда онъ далъ имъ въ попы Старшевскаго. Послѣднему изготовленъ былъ „инструментъ“ для занятія прихода въ Завадовкѣ, и онъ вмѣстѣ съ громадскими посланцами немедленно отправился на мѣсто своего новаго назначенія. Но водвориться тамъ было не такъ то легко.

Когда Старшевскій пріѣхалъ въ Завадовку, завадовская громада немедленно заявила о его прибытіи Фалинковскому.

„Маемо вже мы, сказали ему громадяне, другого попа, такого, якъ хотилы.“ Раздраженный же этимъ Фалинковскій сбросилъ тутъ съ себя личину „благочестія“ и сказалъ: „ключивъ вамъ одъ церквы не виддамъ, робить соби, що хочете, а я правдывый уніатъ и никого зъ васъ до церквы не пущу“. Завадовцы же еще раньше перестали посѣщать ее. Что жъ оставалось дѣлать Старшевскому? По его собственнымъ показаніямъ, онъ послѣ выказаннаго Фалинковскимъ сопротивленія пробылъ въ Завадовкѣ еще два дня, а потомъ на два дня съѣздилъ къ тестю своему въ Дерепковецъ и оттуда уже вернулся въ свой монастырь подъ Переяславомъ, гдѣ оставался мѣсяца три, отправляя по прежнему „службу Божу“ въ церкви св. Михаила за 5 р. въ годъ. Однако завадовцы не забыли его, и прежніе посланцы ихъ, ктиторъ Иванъ Василенко и Иванъ Овсіенко, снова пріѣхали къ нему и снова привезли его съ собой въ Завадовку. Но Фалинковскій и на этотъ разъ не захотѣлъ добровольно уступить церковь излюбленному громадой попу благочестивому. Послѣ отказа Фалинковскаго громадяне обращались за совѣтомъ во „дворъ“ къ подстаростѣ Жеребку, но этотъ послѣдній, держась уніи и выказывая расположеніе Фалинковскому, отвѣтилъ громадянамъ: „Пидить ще разъ до Фалинковського. Оддасть винъ вамъ ключи—то добре, а ни—то одбыйте соби церкву сами“. Въ совѣтѣ такомъ былъ явный подвохъ, по увѣренію Старшевскаго; но громадяне рѣшили, что имъ дѣйствительно поступить иначе нельзя, и черезъ нѣсколько времени, послѣ новыхъ отказовъ Фалинковскаго отдать церковь имъ добровольно, выбили наружныя двери храма и завладѣли имъ. Старшевскій былъ затѣмъ введенъ въ церковь и сталъ осматривать, все ли въ ней есть, что необходимо для отправленія службы Божьей. Не найдя же тамъ ораря (manipularza) и евангелія, онъ рѣшилъ временно добыть эти необходимыя для служенія предметы у тестя своего въ с. Дерепковцѣ, куда и поѣхалъ. Но не успѣлъ онъ отъѣхать и полмили, какъ нагналъ его сынъ попа Фалинковскаго, Василій, о прошломъ котораго далѣе всплывутъ интересные факты. По показанію роднаго брата этого Василія Фалинковскаго, Семена, отзывавшагося на судѣ о Василіѣ съ какою то восторженностью, этотъ послѣд-

вій, нападая на попа Старшевскаго, имѣлъ въ виду до гола ободрать его, избить и остричь. И въ самомъ дѣлѣ, онъ избилъ Старшевскаго ружьемъ, оборвалъ на немъ шубу и только не привелъ въ исполненіе намѣренія своего—остричь попа. Избитый, обезчещенный Старшевскій послѣ этого рѣшилъ въ Завадовку не возвращаться и отъ тестя своего вторично вернулся въ монастырь подъ Переяславомъ, гдѣ и пробылъ цѣлый мѣсяцъ. Избившій же его поповичъ, Василій Фалиповскій, дерзнулъ вернуться въ Завадовку, но тутъ былъ встрѣченъ завадовцами, вышедшими на него съ рогатинами. Плохо бы пришлось ему, по словамъ его брата, еслибъ онъ не спасся бѣгствомъ во „дворъ“ къ подстаростѣ Михаилу Жеребку. Раздраженные крестьяне между тѣмъ какъ-то вдругъ остыли. На другой день Жеребко, забывши опасность, сталъ всѣмъ верховодить, ввелъ безъ всякой помѣхи попа Фалиповскаго въ церковь, а о Старшевскомъ заявилъ громадѣ: „я вамъ того попа Старшевскаго звелю повисыть на верби“.

Примиреніе съ уніатскимъ попомъ было у завадовцевъ однако непродолжительно. Черезъ мѣсяцъ послѣ случившагося снова ктиторъ Иванъ Василенко, а съ нимъ и Иванъ Овсіенко пріѣхали въ Переяславъ и стали снова просить архіерея дать имъ благочестиваго попа въ виду отказа Старшевскаго оставаться у нихъ. Архіерей однако опять далъ имъ Старшевскаго, причемъ потребовалъ, чтобы они, завадовцы, заботились о безопасности своего настоятеля. Когда Василенко и Овсіенко обѣщали это, то Старшевскій снова поѣхалъ съ ними въ Завадовку. Тамъ онъ поселился у ктитора Василенка и сталъ отправлять всѣ требы, не имѣя церкви, которою все продолжаетъ владѣть Фалиповскій. Семенъ Фалиповскій утверждалъ, что Старшевскій и въ первые свои пріѣзды тайно по ночамъ крестилъ дѣтей въ Завадовкѣ и тайно же по огородамъ хоронилъ завадовскихъ усопшихъ. Въ свой послѣдній пріѣздъ въ Завадовку Старшевскій осмѣлился даже въ день крещенія, 6 января, выйти съ цѣлой громадой на Іордань. Такъ шло дѣло съ Филиповки 1767 года по Срѣтеніе 1768. Въ день же Срѣтенія завадовцы, потерявъ терпѣніе, вытащили попа Фалиповскаго на кладбище и тамъ отняли у него ключи отъ церкви. Старшевскаго при этомъ не

было: онъ былъ въ то время въ Дереньковцѣ; но онъ, по утвержденію Семена Фалиньковскаго, зналъ о томъ, что затѣяли завадовцы. Какъ бы тамъ ни было, а церковь на этотъ разъ осталась въ распоряженіи громады, и она ввела въ нее Старшевскаго, который началъ тогда же служить въ ней и затѣмъ, благодаря извѣстнымъ уже намъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, не оставлялъ этого своего прихода до самаго ареста своего.

Оглядываясь на все случившееся съ Старшевскимъ, мы видимъ, что ему, неглупому извѣстныхъ способностей, но во всякомъ случаѣ не имѣвшему опредѣленныхъ убѣжденій, которыя вынуждали бы его отстаивать что-либо съ силою исповѣдниковъ, выпало на долю играть роль благочестиваго, благо въ началѣ 1768 года такая роль избавляла его и отъ безкормицы. Потомъ же мы видимъ, что, когда попалъ онъ на судъ къ полякамъ, онъ признавалъ себя уже уніатомъ и свое служеніе въ качествѣ попа „схизматицкого“ объяснялъ тяжелою необходимостью спасать свою шкуру. Не всѣ борцы за православіе могли быть люди чистые, но не лучше Старшевскаго, какъ видимъ, былъ и противникъ его уніатъ Николай Фалиньковскій: и онъ, очевидно, хлѣба ради въ 1767 г. объявлялъ себя благочестивымъ, и только тогда, когда благочестію его громадяне не повѣрили, онъ снова вернулся къ уніи...

Безъ особенныхъ тревогъ и волненій жилось Старшевскому всю весну 1768 года. Церкви у него никто не отнималъ и съ прихожанами онъ ладилъ. Но вотъ и онъ, и завадовцы прослышали о славномъ ватажкѣ Максимѣ Желѣзнякѣ и о томъ, что бить жидовъ и поляковъ онъ прійдетъ и въ ихъ сторону. Желѣзнякъ, дѣйствительно, двигался по отмѣченному выше маршруту, и шествіе его было торжественно: на всемъ пути его слѣдованія громады разныхъ селъ, даже тѣхъ, которыя оставались для него въ сторонѣ, выходили къ нему съ поклономъ. Завадовцы однако случайно не знали этого обычая и не поторопились выслать своей депутаціи, когда Желѣзнякъ былъ недалеко отъ нихъ—въ Корсунѣ. Это показалось Желѣзняку подозрительнымъ, и онъ послалъ въ Завадовку загонъ изъ восьми своихъ козаковъ

узнать—въ чемъ дѣло. Посланцы, явившись въ Завадовку, первымъ дѣломъ спросили: „чы нема тутъ якого ляха альбо попа уніата?“ Имъ указали на подстаросту и на попа Фалинковскаго. Но и подстароста, и Фалинковскій успѣли скрыться. Тогда козаки Желѣзняка напали на хату Фалинковскаго и разграбили въ ней все, что было; но не найдя цѣнныхъ вещей, бросились къ попадьѣ, исполосовали ее нагаями, и она должна была послѣ этого показать, гдѣ спрятано ея добро. Добравшись до поповской скрыни, козаки-гайдамаки отбили ее, и, когда въ ней между прочими вещами натолкнулись на антимисъ (alias portalet), то взять его оттуда сами не рѣшились изъ уваженія предъ святынней. Спросили они тогда крестьянъ: „а чы е у васъ нипъ благочестивый?“, и узнавши, что попъ такой есть, послали за Старшевскимъ. Послѣдній долженъ былъ придти, и ему велѣли взять изъ уніатской скрыни и антимисъ, и евангеліе, и другія священныя книги. Кромѣ того, навязали попу четыре женскихъ памитки, двѣ плахты, пару сапогъ и пару черевиковъ изъ сафіяновой красной кожи. Попъ принялъ все это, но затѣмъ при первой возможности все, кромѣ священныхъ предметовъ, передалъ подъ росписку громадянамъ, желая всячески оградить себя отъ какихъ бы то ни было навѣтовъ впослѣдствіи. Гайдамаки же, какъ ихъ величали на судѣ, покончивши съ уніатскими скрынями, взялись искать поповича, а потомъ и самого попа. Сына нашли они скоро сами. Они возжами обмотали его за шею и протащили къ возу, на которомъ собирались везти его къ Желѣзняку въ Корсунь. Были однако и изъ завадовцевъ помощники въ этомъ дѣлѣ; особенно усердствовало двое громадянъ—Оедоръ Кулишъ и Назаръ Овсіенко. Искали еще гайдамаки и попа, но, не найдя, ушли изъ села. За то поисковъ не кинули завадовцы, и Грицьку Василенку и Лазарю Яременку (этого послѣдняго потомъ мѣсяца черезъ три „Piorun ubił“) удалось найти попа спрятавшимся въ бурьянѣ. Его оттуда выволокли за волосы и бороду, страшно избили и потащили къ корчмѣ.

Но когда это совершалось, ни гайдамакъ, ни Старшевскаго съ громадянами Савкой Войтомъ (аламанъ), Иваномъ Василенкомъ ктиторомъ, Иваномъ и Игнатомъ Кушпенковыми и Сте-

паномъ Дзюбенкомъ уже не было въ селѣ: они шли тогда въ Корсунь. Дѣло въ томъ, что гайдамаки потребовали, чтобы завадовцы съ хлѣбомъ-солью отправили въ Корсунь къ Желѣзняку выборцевъ съ попомъ во главѣ на поклонъ. Отказаться было бы невозможно, по словамъ Старшевскаго, потому что тѣ села, которыя не выходили къ Желѣзняку съ хлѣбомъ-солью, онъ приказывалъ своимъ гайдамакамъ разорять въ конецъ. Завадовцамъ же не приходилось въ данномъ случаѣ сопротивляться еще и потому, что они не могли не сочувствовать Желѣзняку.

Выборцы двинулись въ Корсунь пѣшкомъ въ слѣдъ за возомъ, на которомъ везли Василія Фалинковскаго спеціально за нимъ присматривавшіе Савко Власенко и Степанъ Дзюбенко. Между тѣмъ это подало поводъ впослѣдствіи къ обвиненію Старшевскаго въ намѣреніи заявить себя передъ Желѣзнякомъ не только принесеніемъ хлѣба и соли, но и доставленіемъ ему для звѣрской расправы поповича-уніата.

Добравшись до села Карашинецъ (канев. у. при р. Роси къ В. отъ Корсуня), путники сдѣлали привалъ возлѣ чьей-то хаты, и тутъ же ихъ догнали ихъ односельчане Иванъ Кулишъ, Назаръ Овсіенко, Данко Дубыненко и Кирикъ Василенко, наймитъ, выѣхавшіе изъ Завадовки позже и препровождавшіе къ Желѣзняку найденнаго ими попа Николая Фалинковскаго. Всѣ пріѣхавшіе послѣзали съ возовъ и столпились у хаты, закурили люльки, а конвоиры попа принесли съ своего воза жбанъ горилки и начали ею „частовать“ всѣхъ, не забыли и самого Николая Фалинковскаго.

Передъ отправленіемъ въ дальнѣйшій путь попъ Фалинковскій, уже нѣсколько оправившійся отъ недавнихъ побоевъ, вышелъ изъ удрученнаго настроенія, въ какомъ былъ раньше, и попросился на одинъ возъ съ сыномъ и сталъ увѣрять препровождавшихъ его, что онъ съумѣетъ и себя, и сына избавить отъ смерти. Но на него мало обращали вниманія. Думали о пути. Всѣ теперь размѣстились на два воза и довольно скоро были уже подъ Корсунемъ.

Въ самый Корсунь въѣхали обѣ подводы не въ одно время. Первой очутилась тамъ подвода съ Фалинковскими, причемъ

ѣхавшіе на ней крестьяне остановились передъ башней, передъ самымъ замкомъ, гдѣ былъ Желѣзнякъ—и Фалинковскіе тотчасъ попали въ руки козаковъ. Вторая подвода съ попомъ Старшевскимъ, ктиторомъ, войтомъ и другими, ѣхавшая по другой части Корсуня, отъ Городища, попала къ замку уже тогда, когда съ поповичемъ Фалинковскимъ произведена была расправа. Противъ него гайдамаки были сильно вооружены. По словамъ Старшевскаго, все дѣло было такъ. Какъ только привезли Василія Фалинковскаго въ Корсунь, и его увидѣли многіе изъ ватаги Желѣзняка, сразу раздались голоса: „А це той, що до насъ колысь то прыставъ и зъ намы грабувавъ, а потимъ втикъ одъ насъ до ляхивъ-конфедеративъ!“ Тогда его немедленно схватили, привязали къ столбу и стали колоть его пиками и стрѣлять въ него изъ ружей, нанесли ему много смертельныхъ ранъ и еще живого при башнѣ повѣсили на частоколъ, причемъ снова стрѣляли въ него даже и послѣ того, какъ онъ испустилъ духъ. Такъ покончили гайдамаки съ своимъ ренегатомъ, въ которомъ завадовцы, державшіеся благочестія, и ихъ „благочестивый“ попъ имѣли въ послѣднее время злого врага-уніата.

Но ни Старшевскій, ни его спутники не имѣли возможности узнать обо всемъ, что сталось съ Василіемъ Фалинковскимъ. Имъ надо было идти съ хлѣбомъ-солью на поклонъ къ Желѣзняку. Они пошли къ нему и на „ганку поляцовомъ“ наткнулись на валявшееся тѣло Василія Фалинковскаго. Минувъ его, они предстали предъ ватажкомъ. Старшевскій довольно подробно передаетъ объ этой аудіенціи.

— Зъ якого вы села? спросилъ ватажокъ.

— Зъ Завадовкы, отвѣчали посланцы, клапяясь.

— А чого жъ вы не выходылы до мене на поклонъ по добрій волы?

— Мы не знаалы, що ваша вельможность прыбулы до насъ, а якъ вже прочулы про це—заразъ до васъ и зибралысь зъ хлибомъ-сплью.

— А чы булы у васъ въ сели мои козаки?

— Булы, ваша вельможность.

— Ну, щожъ воны грабувалы васъ?

— Ни, не грабувалы.

„Такъ мы сказали, замѣчаетъ Старшевскій, потому что при иномъ отвѣтѣ онъ могъ бы въ насъ увидѣть противниковъ, и онъ сказалъ бы намъ то, что и другимъ говорилъ въ случаѣ жалобъ на его гайдамакъ: „вы булы мини супротивни—тымъ то васъ и грабувалы“. Даннымъ же нами отвѣтомъ онъ, очевидно, остался доволенъ, потому что заявилъ въ концѣ концовъ:

— Я закажу своимъ козакамъ, щобъ не чынылы противно васъ ніякои крывды.

„Но, не смотря на это его обѣщаніе, замѣчаетъ Старшевскій, какіе то другіе гайдамаки, пока мы были еще въ Корсунѣ, набѣжали на Завадовскій дворъ и аренду и ограбили то и другое“. Едва ли однако послѣднее обстоятельство шло въ разрѣзъ съ обѣщаніемъ Желѣзняка, ибо дворъ и аренда—не крестьянское добро, трогать которое въ Завадовкѣ запретилъ Желѣзнякъ.

Торжественнымъ обѣщаніемъ Желѣзняка охранять завадовцевъ отъ неправдъ кончилось представленіе ему посланцовъ.

По словамъ Старшевскаго сейчасъ же въ слѣдъ за ними предсталъ предъ Желѣзнякомъ никѣмъ будто бы неведомый, безъ всякихъ караульщиковъ попъ Николай Фалинковскій, причемъ онъ явился будто бы даже съ хлѣбомъ, неизвѣстно откуда добытымъ такъ скоро. По словамъ же Семена Фалинковскаго, затѣявшаго впослѣдствіи дѣло съ Старшевскимъ, отца его, Николая Фалинковскаго, будто бы привели къ Желѣзняку завадовцы и Старшевскій, и будто хлѣба уніатскій попъ не подносилъ Желѣзняку. Надо полагать, показаніе поповича вѣрнѣе, но къ сожалѣнію онъ не былъ очевидцемъ всего, что разсказывалъ; онъ только обо всемъ слышалъ то отъ матери, то отъ другихъ близкихъ ему людей, поэтому показанія его не всегда достаточно конкретны и иногда кажутся придуманными для вящшаго обвиненія Старшевскаго. Но какъ бы тамъ ни было, Николай Фалинковскій явился предъ Желѣзнякомъ. Одѣтъ былъ Фалинковскій, по словамъ сына, въ „подлую одежу“— въ жупанъ старый гранатовый, въ сѣрую свиту и былъ безъ шапки. Увидя его, Желѣзнякъ спросилъ:

— Хто ты?

— Я пипъ.

— Якій ты пипъ?

— Зъ села Завадовки.

— Мабуть уніатъ.

— Уніатъ.

Услышавъ послѣдній отвѣтъ, Желѣзнякъ тотчасъ крикнулъ своимъ козакамъ:

— Возьмить цього уніата, posadcie go na chudobie [1]).

„Словъ этихъ я не разобралъ (ktorego ia slowa nie zmiorkowawszy [2]), говоритъ Старшевскій, но увидѣлъ, какъ Николая Фалишковскаго тотчасъ же схватили, кинули съ откоса въ яму, устроенную при дѣдинцѣ, и тамъ разстрѣляли“.. Это было послѣднее, что видѣлъ Старшевскій въ Корсунѣ. И ему, и завадовцамъ надо было ѣхать домой, и они туда поѣхали на своихъ двухъ подводахъ. Этимъ кончаются и наши свѣдѣнія о пребываніи Желѣзняка въ одномъ изъ пунктовъ его маршрута—въ Корсунѣ.

Переходя къ документу, которымъ характеризуется для насъ пребываніе Желѣзняка въ другомъ пунктѣ его всеистребительнаго для поляковъ, жидовъ и уніатовъ шествія—въ Богуславѣ, мы случайно пріобрѣтаемъ указанія на то, какъ Желѣзнякъ и его козаки распоряжались награбленнымъ польскимъ и жидовскимъ добромъ и куда они его дѣвали.

Обо всемъ этомъ узнаемъ изъ показаній писаря скарбоваго богуславскаго—шляхетнаго Яна Дунина Барковскаго Градовскаго [3]). Этотъ Градовскій по отцу былъ полякъ, по матери русскій, вѣроисповѣданіе же его, благодаря дѣду со стороны матери, было православное. Онъ получилъ хорошее по тому времени образованіе, пройдя курсъ въ бѣлоцерковской школѣ, имѣвшей директора іезуита, а затѣмъ прослушавъ реторику въ іезуитскомъ коллегіумѣ въ Умани. Могъ онъ стать поэтому директоромъ (гувернёромъ) при дѣтяхъ пана Раецкаго, а потомъ и писаремъ скарбовымъ въ Богуславѣ. Своихъ убѣжденій относительно

[1]) Кодн. кн. стр. 106, на стр. 135 тоже: wezcie tego uniata na chudobe.

[2]) Ibidem, стр. 135.

[3]) Кодн. кн. стр. 175—182.

разрѣшавшихся тогда глубокою силою общественныхъ и религіозныхъ вопросовъ онъ не выявлялъ въ показаніяхъ военно-судной коммиссіи, судившей его по обвиненію въ присвоеніи и нехраненіи панскаго добра, хоть стороной какъ будто и далъ понять, что защищаетъ польскіе порядки, разрушителями которыхъ являли себя гайдамаки.

Попалъ Градовскій въ Богуславъ писаремъ скарбовымъ въ 1766 году, а въ началѣ 1768 года, „gdy się hajdamaczyzna wszczęta“, между богуславскими поляками начался большой переполохъ. Тогда и вельможный коммиссаръ Ваиградскій, и провіантскій писарь Вержбента, и губернаторъ Туровскій, и многіе другіе поляки рѣшились спасаться бѣгствомъ въ Бѣлостокъ, особенно послѣ того, какъ прослышали о Желѣзнякѣ и его дѣлахъ на крайнемъ югѣ Украины и о движеніи его на сѣверъ ея. Добро свое они успѣли упаковать, но отправить его, въ виду его громоздкости, въ такой далекій путь, какъ путь въ Бѣлостокъ, они не имѣли возможности. Пришлось все покинуть на руки Градовскому по регистру и просить богуславскую громаду помочь Градовскому въ охраненіи добра при проходѣ гайдамакъ.

Едва паны успѣли сдѣлать эти распоряженія и унести свои головы, какъ Желѣзнякъ нагрянулъ уже въ Богуславъ съ своей ватагой. Козаки его первымъ дѣломъ при грабежѣ стали спрашивать, гдѣ деньги. Не получивъ указаній на этотъ счетъ, стали они, по приказу Желѣзняка, повсюду въ кладовыхъ замка отбивать колодки и въ погребахъ буровами разрывать землю, въ предположеніи, что деньги или гдѣ-нибудь потайно заперты, или зарыты. Они и не ошиблись: небольшая сумма на содержаніе 400 головъ скота была панами оставлена; но этихъ денегъ гайдамаки не нашли. Тогда бросились они на всякое панское добро, распаковывая тюки. Бросились, конечно, прежде всего на всякія цѣнныя серебряныя и золотыя вещи, на „цукернички“ и пр. Но не брезгали и всякою живностью, даже скотомъ. Все это только отчасти потреблялось ими непосредственно, о запасахъ же подобныхъ предметовъ они не думали. Если же тѣмъ не менѣе все это брали, то потому только, что предусмотрѣно у нихъ было—какъ немедленно переводить все похищенное и

непригодное для походной жизни въ наличныя деньги. У Градовскаго на этотъ именно счетъ есть цѣнное указаніе,—что при гайдамакахъ былъ купецъ. Градовскій называетъ его даже по прозвищу и говоритъ, откуда онъ былъ: это нѣкто Таранъ изъ г. Острога. Не знаетъ только Градовскій, былъ ли этотъ Таранъ самъ гайдамакомъ или только случайнымъ спутникомъ Желѣзняка. Таранъ, по свидѣтельству Градовскаго, все награбленное осматривалъ, начиная съ воловъ и кончая мелочами, оцѣнивалъ и затѣмъ, сойдясь въ цѣнѣ съ гайдамаками, платилъ имъ деньги. Такъ, въ Богуславѣ были проданы Тарану захваченные гайдамаками волы и всякія панскія вещи. Продали они также еще и часть водки, бывшей въ подвалахъ, но не Тарану, а людямъ изъ г. Черкассъ. Съ собой же никакихъ напитковъ не забрали, выпивъ на мѣстѣ двѣ бочки съ половиной.

Вся эта процедура грабежа, пьянства и торга тянулась въ Богуславѣ два дня. Только на третій день Желѣзнякъ двинулся черезъ Шайки (с. канев. у. при рч. Реняхѣ къ ЮЗ отъ Богуслава), Каменный Бродъ, Медвинъ (м. канев. у. при рч. Коробкѣ на ЗЮЗ отъ у. гор.) и Лисянку къ Умани; но уходя, онъ оставилъ среди богуславскихъ крестьянъ доброе расположеніе къ себѣ и желаніе поддерживать его дѣло. По словамъ Градовскаго, народъ въ Богуславѣ сталъ волноваться и сталъ опасенъ для поляковъ; даже Градовскій, несмотря на свое православіе, предпочелъ на время уйти за Переяславъ въ с. Чумаки, тѣмъ больше, что въ Богуславѣ, послѣ удаленія оттуда Желѣзняка, стеречь ему было уже нечего. Сочувствіе Желѣзняку многіе изъ богуславцевъ выразили не только на словахъ, но и дѣломъ; за нимъ ушло изъ села нѣсколько человѣкъ козаковъ: ушелъ эсаулъ, кушнирь Гладкій, Борисъ Речникъ, Степанъ Червоняшенко. Всѣ они вѣрно служили дѣлу защиты родины—и первые два сложили свои головы въ Кодиѣ, третій въ Бѣлой Церкви, а послѣднему довелось послѣ гайдамацкихъ дѣлъ бѣжать въ Ново-Сербію, въ крѣпость Елисаветъ.

Далѣе имѣемъ мы новыя данныя еще о разгромѣ Желѣзнякомъ Каменнаго Брода и Боярки (м. звенигор. у. при впа-

деніи рч. Боярки въ Гнилой Тикичъ на СЗ отъ у. города)[1]). Оба эти села, благодаря тому, что паны, жившіе въ нихъ случайно оказали Желѣзняку нѣкоторое сопротивленіе, подверглись самому крайнему разоренію въ тѣхъ своихъ частяхъ, гдѣ были панскіе дворы. При этомъ крестьяне мѣстные еще сильнѣе богуславскихъ держали руку Желѣзняка и, чего не присвоили себѣ изъ панского добра гайдамаки изъ ватаги, тѣмъ овладѣли крестьяне.

И изъ Каменнаго Брода, какъ изъ Богуслава, мѣстный панъ, Пясецкій, ротмистръ подворной милиціи бѣлоцерковской товарищъ передовой стражи, при „wszczętey haidamaczyzny“, „solwuiąc życia swego“, бѣжалъ въ Бѣлую Церковь. Пожитковъ же своихъ и онъ, какъ богуславскіе паны, не могъ взять съ собою, тѣмъ больше, что часть его добра заключалась въ немалыхъ складахъ хлѣба, и ему поэтому пришлось сдать все на руки крестьянину Грицьку Ямковому, изъ подъ Ковеля родомъ, шесть лѣтъ служившему у него. Вскорѣ, дѣйствительно, явился въ Каменный Бродъ ожидаемый Желѣзнякъ, и ватага его z kretczem разграбила тамъ все панское. Совершивъ это, Желѣзнякъ ушелъ въ Лисянку. Пясецкій же, узнавъ о томъ, рѣшилъ, что ему безопасно вернуться въ Каменный Бродъ—и онъ вернулся. Съ нимъ пріѣхалъ и губернаторъ каменно-бродскій, панъ Піотровскій, а кромѣ того намѣстникъ въ с. Боркѣ Дроздовичъ; послѣдній впрочемъ вскорѣ уѣхалъ установлять порядокъ въ Боркѣ. Между тѣмъ Желѣзнякъ, очевидно, получилъ точныя свѣдѣнія объ этомъ возвращеніи пановъ и, идучи уже послѣ разгрома Лисянки въ Умань, снова завернулъ въ Каменный Бродъ и сосѣднюю съ нимъ Боярку. Испуганный этою неожиданностью губернаторъ каменно-бродскій заперся въ дворской усадьбѣ, и Желѣзняку пришлось его аттаковать. Аттакой, конечно, пана добыли и затѣмъ убили его, по словамъ Процька Ямковаго, съ великимъ тиранствомъ; Пясецкому же удалось бѣжать вмѣстѣ съ хорунжимъ Гродецкимъ. Управившись съ Піотровскимъ, пошли гайдамаки изъ Каменнаго Брода въ Бо-

[1]) Кодн. кн. стр. 95.

ярку. Дроздовичъ тамъ заперся и, благодаря крѣпкой оградѣ и крѣпкой брамѣ, былъ въ состояніи выдержать аттаку Желѣзняка цѣлый день, но въ концѣ концевъ Желѣзнякъ поджегъ браму, и панъ Дроздовичъ тоже попалъ въ руки гайдамакамъ; убили его, по словамъ Процька „z okrucieństwem“. Уходя, Желѣзнякъ и отсюда увелъ съ собой нѣсколькихъ бѣлоцерковскихъ козаковъ, какъ и изъ Богуслава, но шесть изъ нихъ были отпущены имъ скоро обратно (sic). Между же крестьянами каменно-бродскими и боярскими, благодаря придавшей имъ смѣлости ватагой Желѣзняка, оказалось очень много завладѣвшихъ по частямъ добромъ Пясецкаго и другихъ поляковъ. Самъ Процько Ямковый, которому Пясецкій отдалъ подъ охрану свое имущество, заявилъ на судѣ, которому онъ подпалъ, спустя чуть не четыре года послѣ всего описаннаго, что онъ видѣлъ разныя вещи своего пана и пана Гродецкаго у нѣкоторыхъ каменно-бродскихъ крестьянъ. Такъ, у Семена Коршюка, живущаго въ Каменномъ Бродѣ, онъ, Процько, видѣлъ серьги (zauszнice), добытыя изъ сундука Гродецкаго; у Ѳедька, сына Демки, ткацкаго цехмистра, видѣлъ все онъ же, Процько, бекешку зеленую, подшитую бѣлымъ мѣхомъ. Кромѣ того, отецъ названнаго Ѳедька цехмистръ ткачъ съ сынами забиралъ, по словамъ Процька, хлѣбъ пана Пясецкаго и возилъ этотъ хлѣбъ продавать въ Кіевъ. Такое же грабительство совершилъ и Пилипъ Войтъ, а многіе другіе крестьяне просто брали по мѣшку хлѣба изъ панскихъ амбаровъ по мѣрѣ надобности. Все это однако прекратилось, какъ только поляки обрѣли рѣшимость разослать повсюду мелкія подъѣздовые команды или просто подъязды, на обязанности которыхъ было хватать всѣхъ виновныхъ въ грабежѣ панскаго добра. Тогда, какъ заявилъ Процько Ямковый на судѣ, многіе каменно-бродцы начали убѣгать изъ села за-границу, и онъ, Процько, ушелъ но не за-границу, а подъ Бердичевъ въ Медвѣдовку, гдѣ и служилъ четыре года спокойно, не зная за собой никакой вины въ расхищеніи добра пана Пясецкаго. Однако онъ былъ въ 1771 г. арестованъ именно по такому обвиненію и притомъ арестованъ самимъ паномъ Пясецкимъ и хорунжимъ Гродецкимъ, встрѣтившими его случайно въ Бердичевѣ на ярмаркѣ. Что разгромъ панскаго

добра, произведенный Желѣзнякомъ и въ Каменномъ-Бродѣ, и въ Бояркѣ, былъ страшенъ—имѣемъ мы и другое свидѣтельство, кромѣ свидѣтельства Процька Ямковаго. Крестьянинъ Мусій Лебединченко, обвиненный въ принадлежности къ ватагѣ ватажка Сарожина, доказывалъ на судѣ въ Кодиѣ, что онъ не грабилъ и не убивалъ, потому что шелъ съ Сарожинымъ черезъ Бояркy и другія мѣста, по которымъ проходилъ раньше Желѣзнякъ; въ такихъ же мѣстахъ, по словамъ Лебединченко, ни грабить не приходилось, потому что все было тамъ разграблено и всѣ поляки, паны-уніаты и жиды перебиты.

Кромѣ вышеприведенныхъ болѣе или менѣе подробныхъ указаній относительно пребыванія Желѣзняка въ Корсунѣ, Богуславѣ, Каменномъ Бродѣ, Бояркѣ, мы имѣемъ еще рядъ мелкихъ указаній относительно интересующаго насъ гайдамацкаго ватажка. Заслуживаютъ вниманія между прочимъ свѣдѣнія о томъ, что не всегда крестьяне тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя проходилъ Желѣзнякъ, поголовно сочувствовали возстанію. Многихъ, по преимуществу стремившихся хоть къ относительному покою и къ сохраненію своего добра, иногда должно было возставовлять противъ Желѣзняка и другихъ вожаковъ возстанія требованіе ими подчасъ жертвъ имущественныхъ. Такъ, нерѣдко случалось, что проходящая ватага нуждается въ лошадяхъ—и въ такихъ случаяхъ она всегда брала ихъ въ селахъ, у кого попало—у пановъ, такъ у пановъ, у крестьянъ, такъ у крестьянъ. Отнятіе же нужнаго скота тяжелымъ бременемъ ложилось на крестьянское хозяйство, и не диво поэтому, что многіе тяготились необходимостью нести подобныя утраты. Такъ, крестьянинъ с. Орловца, Коваленко коваль [1]), когда ватага Желѣзняка захватила у него пару коней, самъ рѣшился идти за ватагой и гдѣ нибудь на привалѣ выпросить коней обратно. Желѣзнякъ былъ тогда на пути изъ Смѣлой въ Черкассы и Богуславъ. И вотъ Коваленко коваль идетъ съ ватагой, не становясь членомъ ея, сперва до Черкассъ, а потомъ и въ Богуславъ. Вездѣ онъ назойливо упрашиваетъ гайдамакъ отдать ему его собственность

[1]) Кодн. кн., стр. 80.

и, очевидно, такъ успѣлъ надоѣсть имъ, что они его сильно избили. Только послѣ этого онъ рѣшился безъ коней вернуться домой, причемъ самъ онъ уже не могъ дойти и долженъ былъ нанять человѣка, который довезъ бы его въ Орловецъ (с. черк. у. при рч. Мѣдяная къ ВЮВ отъ м. Городищъ). Въ Орловцѣ онъ промаялся двѣ недѣли и отъ гайдамацкихъ побоевъ умеръ. Былъ, правда, донос на этого коваля Коваленка со стороны односельчанина Бѣлоусенка — будто онъ, Коваленко, не коней своихъ ходилъ выручать, а самъ присталъ къ гайдамакамъ, чтобы грабить съ ними, и будто избитъ онъ былъ не гайдамаками, а тѣми, кого онъ грабилъ. Но этотъ донос, какъ оказалось, былъ сдѣланъ Бѣлоусенкомъ для отвода глазъ польскихъ командъ отъ его собственнаго дѣла, такъ какъ у него сынъ ушелъ съ гайдамаками и былъ гдѣ-то убитъ. По тогдашнимъ порядкамъ Бѣлоусенко самъ могъ быть схваченъ вмѣсто сына, и вотъ онъ наговорилъ на умершаго уже Коваленка коваля да еще прибавилъ, будто вернулся коваль въ Орловецъ съ добычею и добычу отдалъ сыну Грыцьку. Разсчетъ былъ вѣренъ. О Бѣлоусенкѣ самомъ забыли, и онъ успѣлъ бѣжать заграницу, а Грыцька Коваленка коваля взяли и отправили въ Корсунь за отцовскій проступокъ. Изъ Корсуня же доставили его въ Кодню, но тамъ его оправдали; послѣ долгаго заключенія онъ былъ выпущенъ. Показанія Грыцька Коваленка на судѣ послужили намъ источникомъ настоящихъ свѣдѣній.

Совершенно аналогичный коваленковскому случаю имѣемъ еще случай съ Иваномъ Воробченкомъ, крестьяниномъ села Камянки (м. чигир. у. при р. Тясьминѣ къ З. отъ у. города) [1]). У него также увели коней гайдамаки Желѣзняка, когда проходили чрезъ Камянку. Воробченко также пошелъ за ватагой въ надеждѣ вернуть свое добро. Когда же и онъ, какъ Коваленко коваль, ничего не добился, то рѣшилъ вернуться домой, и только голодъ, заставилъ его сперва зайти въ Спуффіевскій монастырь (близъ Жаботина). Но видно, и тутъ харчъ былъ плохой, такъ что онъ поэтому вмѣстѣ съ какимъ-то бродячимъ дьякономъ

[1]) Кодн. кн. стр. 536.

отогналъ чьего-то вола, зарѣзалъ его и съѣлъ. Очевидно, послѣднее обстоятельство подало поводъ кодненскому суду думать, что Воробченко и самъ обратился въ гайдамака; его поэтому приговорили къ обезглавленію.

Платиться за Желѣзняка приходилось крестьянамъ и по другимъ поводамъ. Такъ, самое пьянство гайдамакъ часто ложилось и на громады, и на людей отдѣльныхъ тяжелымъ бременемъ. Для иллюстраціи приведемъ случай съ крестьяниномъ Прокопомъ Галабурдой, жителемъ села Яблоновки (с. черк. у. при р. Тясьминѣ къ ЮЮВ. отъ м. Смѣлой) [1]). Когда въ Яблоновку пришелъ Желѣзнякъ, тотчасъ велѣлъ онъ тамъ дать горилки своимъ козакамъ, и у нихъ пошла попойка, въ которой принимали участіе и нѣкоторые яблоновцы. „До тіеи горилки и я вскочилъ и пивъ зъ ними и впився“, показывалъ потомъ Галабурда на судѣ. Когда же затѣмъ изъ Яблоновки Желѣзнякъ двинулся въ с. Смилянку, въ полумилѣ отъ Яблоновки, то пьяный Галабурда также пошелъ туда на „крацу горилку“. Въ Смилянкѣ пьянство опять повторилось, и Галабурда, какъ сказано въ документѣ, тамъ „upił się do należytosci“. Между тѣмъ въ это время былъ тамъ убитъ жидъ-шинкарь, и въ убійствѣ этомъ заподозрѣнъ былъ Галабурда. Съ трудомъ онъ оправдался отъ этого обвиненія передъ судомъ, настаивая на томъ, что жидъ былъ въ Смилянкѣ убитъ еще до прихода туда ватаги Желѣзняка, съ которой явился въ село и онъ, Галабурда. Особенно трудно было ему увѣрить судъ, что впослѣдствіи заграницу онъ ушелъ не изъ желанія избѣжать суда, а по необходимости быть вблизи своего кредитора, Вороны, которому онъ оставался долженъ семь рублей за воловъ и который ушелъ на „Украину“; самъ Ворона будто бы потребовалъ отъ него этого переселенія. Столь же затрудненными матеріальныя обстоятельства Галабурды были именно послѣ описаннаго пьянства съ гайдамаками Желѣзняка въ Яблоновкѣ и Смилянкѣ. Дѣло въ томъ, что по возвращеніи его изъ Смилянки въ Яблоновку съ него за выпитую гайдамаками водку взыскала экономическая

[1]) Кодн. кн. стр 6 и 47.

администрація десять рублей, какъ взыскала она по столько же и съ другихъ яблоновцевъ, принимавшихъ участіе въ попойкѣ. Десять же рублей взяли съ него, опять какъ и съ другихъ, и за смилянскую водку. Послѣ же уплаты 20 рублей, само собой, онъ оказался разореннымъ въ конецъ, такъ что прежній кредиторъ его, Воронъ, могъ его принудить даже уйти за границу. Галабурда однако не прервалъ связи съ Яблоновкой и разъ явился туда на проводы, но тутъ то его и захватили по высказанному выше подозрѣнію. Такимъ образомъ, пьянство съ гайдамаками и въ буквальномъ, и въ переносномъ смыслѣ обошлось ему не дешево.

Но рядъ такого рода убытковъ крестьянъ не перевѣшивалъ тѣхъ симпатій, какія возбуждены были въ нихъ къ Желѣзняку освободительными цѣлями его. И въ тѣхъ дѣлахъ даже, которыя мы только что привели, нѣтъ, собственно говоря, свѣдѣній на Желѣзняка со стороны потерпѣвшихъ черезъ него: въ нихъ есть только указаніе на непорядки въ желѣзняковской ватагѣ. Вообще же преобладало въ народѣ высоко-почтительное отношеніе къ Желѣзняку, своего рода идеализированіе его, ясно сказавшееся въ народныхъ пѣсняхъ.

Семенъ Неживый.

И на основаніи польскихъ мемуаровъ объ уманской рѣзнѣ 1768 года, и по отдѣльнымъ документамъ той поры, однимъ изъ самыхъ выдающихся ватажковъ послѣ Желѣзняка въ движеніи отмѣченнаго года надо несомнѣнно считать ватажка *Семена Неживого,* носившаго званіе куреннаго атамана войска запорожскаго и этимъ отличавшагося отъ Желѣзняка, который титуловалъ себя запорожскимъ полковникомъ.

Въ серіи документовъ, имѣющихся въ Кодненской книгѣ, мы нашли только два, касающіеся этого дѣятеля: одинъ—это показанія крестьянина Ивана Ботвинепка, бывшаго на военномъ судѣ въ Кодиѣ [1]), другой—небольшая судебная отмѣтка о дѣлѣ шляхтича Николая Чоповскаго, также бывшаго на томъ же военномъ судѣ [2]). Если не оба, то по крайней мѣрѣ одинъ изъ

[1]) Кодн. кн. стр. 11, 49.

[2]) Ibidem, стр. 482.

этихъ документовъ довольно хорошо характеризуетъ личность Неживого, но для этого необходимо сравнить наши данныя съ данными, прежде добытыми, и главнымъ образомъ, конечно, съ документами о Неживомъ, напечатанными Н. И. Костомаровымъ въ „Кіевской Старинѣ", въ августовской книжкѣ 1882 г. Мы такъ и поступимъ, изложивъ предварительно содержаніе нашихъ документовъ.

Крестьянинъ Иванъ Ботвиненко родился въ селѣ Христиновцы лубенскаго полка и около 1765 года перешелъ изъ гетманщины на польскую сторону въ Украину и осѣлъ въ с. Сегединцахъ. Очевидно, и его, какъ многихъ, привлекали сюда установленныя временно польскими панами льготы, которыя они считали необходимыми ради успѣшнаго заселенія все еще пустовавшаго края. Въ Сегединцахъ Ботвиненко женился и жилъ себѣ мирно. Между тѣмъ началось крестьянское волненіе, и Сегединцы не остались въ сторонѣ отъ проявившагося кругомъ народнаго движенія. Туда въ это время пришелъ съ своей ватагой ватажокъ Неживый и сталъ убѣждать людей быть съ нимъ за одно. Онъ созвалъ сегединцевъ ради этого на сходъ и на сходѣ читалъ имъ какіе то указы и звалъ къ Желѣзняку.

Никакихъ обидъ во время своего пребыванія въ Сегединцахъ Неживый никому не наносилъ, не взялъ онъ ни у кого даже лошадей и, окончивъ свое чтеніе и переговоры, двинулся оттуда въ Лисянку, гдѣ въ то время былъ Желѣзнякъ.

Сразу изъ сегединскихъ людей никто не присталъ къ Неживому, но какъ только онъ ушелъ, среди нихъ поднялись толки по поводу его рѣчей, а крестьяне Ризниченковы, Михайло, Тимишъ и Иванъ Поповичъ послѣ этихъ толковъ, зайдя въ хату Ботвиненка, объявили ему о своемъ намѣреніи пристать къ гайдамакамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ стали они его убѣждать послѣдовать ихъ примѣру. Ботвиненко съ перваго раза не соглашался съ ними, а потомъ, убѣжденный ихъ доводами, рѣшилъ, что и ему надо пристать къ гайдамакамъ. Сборы были не долги, и всѣ названныя лица догнали Неживого въ с. Верещакахъ (село—теперь два—чигир. у. при рч. Верещакахъ къ ЗЮЗ отъ

уѣзд. гор.), присоединились къ его ватагѣ и пошли съ нимъ въ Лисянку. Въ Лисянкѣ они застали Желѣзняка, но оставался онъ тамъ при нихъ недолго: дѣло его было тамъ окончено, и онъ направился къ Умани. Изъ сегединскихъ же вновь приставшихъ гайдамакъ вслѣдъ за нимъ пошли оба Ризниченка, другіе же остались въ Лисянкѣ при Неживомъ, у котораго въ это время вся ватага вмѣстѣ съ вновь приставшими состояла изъ шести (sic) человѣкъ. Но и Неживому нечего было тамъ дѣлать,—онъ тоже вышелъ оттуда съ своими людьми. Куда думалъ онъ теперь направиться—изъ показаній Ботвиненка не видно. Знаемъ мы отъ него только, что на пути изъ Лисянки Неживый случайно наткнулся на какого то крестьянина изъ с. Тарасовки (чигир. у. при притокѣ Днѣпра къ СВ. отъ уѣзднаго города), очень встревоженнаго и звавшаго его на помощь противъ какихъ-то гайдамакъ, грабившихъ Тарасовку. Неживый тотчасъ двинулся туда, но гайдамакъ грабителей не засталъ уже въ Тарасовкѣ Между тѣмъ добыть ихъ онъ захотѣлъ во что бы то ни стало. Поэтому онъ согналъ къ себѣ всю тарасовскую громаду и вмѣстѣ съ ней и своею ватагой кинулся въ погоню за грабителями въ село Кириловку (звенигород. уѣзда къ СВ отъ уѣзднаго города). Не найдя грабителей и въ Кириловкѣ, Неживый убѣдилъ и кириловцевъ пристать къ его отряду для преслѣдованія крестьянскихъ обидчиковъ. Съ кириловцами въ селѣ Недиповкѣ (звенигор. у. при р. Ольшанкѣ къ СВ. отъ уѣзди. города) онъ нагналъ наконецъ ватагу грабителей. Ватажкомъ у нихъ оказался нѣкто Гайдашъ. Очевидно, удивленный желаніемъ Неживого преслѣдовать его за взятую имъ насильно реквизицію съ крестьянъ, онъ разсудилъ, что Неживый, вѣроятно, ляхъ. Неживому поэтому пришлось даже присягать, что онъ намѣренъ идти къ Желѣзняку въ Умань, и что если и Гайдашъ идетъ туда, то у нихъ одинъ путь. Заведя въ показаніяхъ рѣчь объ этомъ, Ботвиненко такъ и не сообщилъ, отстоялъ ли Неживый предъ Гайдашемъ интересы ограбленныхъ послѣднимъ тарасовцевъ. Ботвиненко прямо перешелъ къ тому въ своемъ пересказѣ, что Неживый съ Гайдашемъ вмѣстѣ двинулись къ Умани. Но дорогой между ними, по словамъ Ботвиненка, снова произошли нелады,

и Гайдашъ велѣлъ было уже разстрѣлять Неживого, а гайдамакъ его арестовать. Что удержало его вторично отъ исполненія этого намѣренія—въ документѣ нѣтъ поясненій. Изъ дальнѣйшаго же разсказа Ботвиненка видно, что Гайдашъ принялся тамъ грабить какого-то пана Чекапскаго, а вѣроятно и крестьянъ его, что и могло вызвать ссору съ Неживымъ, который допускалъ только грабежъ пановъ и самъ даже получилъ какую то одежу Чекапскаго. Вскорѣ послѣ этого грабежа Ботвиненко бѣжалъ за-границу въ слободу капитана Чернаго сербскаго полка Артинормарка. Вернувшись же въ предѣлы Рѣчи Посполитой уже послѣ того, какъ край нѣсколько успокоился, попался онъ въ руки военной польской команды, былъ отданъ ею подъ судъ и въ концѣ концовъ былъ обезглавленъ.

Другой нашъ документъ о Неживомъ—это, какъ уже сказано, отмѣтка коднепскаго военнаго суда по дѣлу шляхтича Николая Чоповскаго. Отмѣтка относится къ засѣданію суда 7 іюля 1769 года. Въ пей значится, что шляхтичъ Николай Чоповскій, изъ Меджибожа (м. летич. у. при впаденіи р. Бужка въ Бугъ) родомъ, былъ съ ватажкомъ Шелестомъ въ гайдамакахъ, какъ тогда говорилось, и сжегъ дворъ пана Пеннпскаго, а съ ватажками Савкой и Неживымъ въ Каневѣ на смерть позакалывалъ трехъ жолнѣровъ, да кромѣ того, грабилъ въ разныхъ мѣстахъ съ тремя названными ватажками. За такія вины Чоповскій былъ посаженъ на колъ, что тоже значится въ судебной отмѣткѣ.

Первое, что бросается въ глаза при прочтеніи большаго нашего документа—это забота Неживого о томъ, какъ бы не нанести обидъ крестьянамъ при необходимости содержать гайдамацкіе отряды. Онъ при этомъ не только самъ не грабитъ крестьянъ тѣхъ селъ, черезъ которыя лежитъ его путь, но и готовъ еще преслѣдовать тѣхъ гайдамацкихъ ватажковъ, которые были слишкомъ безцеремонны при добываніи необходимаго на содержаніе своихъ отрядовъ. Погоня за Гайдашемъ, ограбившимъ тарасовцевъ, въ этомъ отношеніи хорошая иллюстрація.

Толкуя такимъ образомъ стычку Неживого съ Гайдашемъ и вообще отмѣчая въ его поведеніи опредѣленное намѣреніе не обижать защищаемыхъ людей, мы не дѣлаемъ натяжки. Еще

живѣе, чѣмъ въ нашемъ документѣ, указанныя черты Неживого выступаютъ въ документахъ о немъ, сообщенныхъ П. И. Костомаровымъ. Такъ, въ числѣ послѣднихъ мы находимъ свидѣтельства на письмѣ отъ мошенскихъ жителей, отъ каневскихъ мѣщанъ и козаковъ и отъ медвѣдовцевъ о томъ, что Неживый не причинилъ никому изъ нихъ никакого оскорбленія, а по ихъ желанію освобождалъ ихъ отъ поляковъ и жидовъ, дѣлавшихъ имъ обиды.

Касаясь подробнѣе содержанія названныхъ документовъ, мы изъ свидѣтельства мошенцевъ (Мошны—м черкас. у. при р. Ольшанкѣ къ ЗСЗ отъ у. города) узнаемъ [1]), что тѣснилъ ихъ мѣстный губернаторъ Подгородецкій, причемъ преслѣдованіямъ за „благочестіе“ подверглись не только „свецкіе люди“, но и „духовный чинъ“. „Тогда людей свецкихъ, читаемъ въ свидѣтельствѣ, до полусмерти кіями забивали, уніатамъ гонителямъ великую протекцію давали во всемъ, а наши священници мошенскіе, которые до благочестія пристали, всюды гонимы были. по лѣсахъ и по разныхъ мѣстахъ укрывались“. „Сверхъ же того, продолжаютъ мошенцы, той же губернаторъ на нашу громаду великое страхованіе наносивъ и заподлинно мнилъ на насъ конфедерацію спровадити изъ ляховъ, чтобъ въ насъ христіанъ ни одній души въ живыхъ не осталося“. И вотъ при такихъ то обстоятельствахъ на выручку мошенцамъ явился Неживый. Полякамъ и жидамъ круто пришлось отъ него, но никого другого онъ при этомъ не обидѣлъ. Заключительная фраза въ свидѣтельствѣ мошенцевъ о немъ такая: „что же г-нъ Семенъ Неживый атаманъ бытностію его в Мошнахъ и з вонпствомъ людямъ нашимъ ни меншей кривды не учинилъ, совѣстію о томъ свидѣтельствуемъ и какое подписуемось, неграмотные бывши, крестами“.

Изъ втораго свидѣтельства—мѣщанъ и козаковъ каневскихъ [2]) мы видимъ, что Неживый былъ ими призванъ на помощь для защиты отъ пановъ, которые, по ихъ словамъ, задумали исподволь поотбирать у козаковъ каневскихъ оружіе и затѣмъ безо-

---

[1]) П. И. Костомаровъ, Матеріалы для исторіи колівщины „Кіевск. Стар.“ 1882 г., кн. 8, стр. 307.

[2]) Ibid., стр. 319.

ружныхъ перебить ихъ, что и стали понемногу приводить въ исполненіе. Когда Неживый явился въ Каневъ, паны заперлись въ замкѣ, но гайдамаки заставили ихъ оттуда выйти, поджегши дворъ поручика, отъ котораго двора загорѣлся и замокъ. Вышедшіе оттуда поляки подверглись тотчасъ нападенію не только со стороны гайдамакъ, но и со стороны бывшихъ съ ними въ замкѣ козаковъ, которые пристали къ Неживому. Побоище было большое, но и тутъ Неживый не обидѣлъ защищаемыхъ. „Той же вышеупомянутый атаманъ,—такъ кончается свидѣтельство каневцевъ,—будучи въ городѣ нашемъ Каневѣ, жителямъ здѣшнимъ никакой обиды не дѣлалъ, но токмо и то по возможности своей отъ мѣщанъ каневскихъ что имѣлъ, тѣмъ войсковыхъ козаковъ кормилъ и грабительства христіанамъ никакова не дѣлалъ; въ томъ мы ему атаману вышепомянутому войска запорожскаго козаки и мѣщане каневскіе даемо квитанцію съ подписаніемъ рукъ нашихъ во свидѣтельство“.

Наконецъ въ третьемъ свидѣтельствѣ, принадлежащемъ медвѣдовцамъ [1]), разсказывается о нападеніи конфедератовъ сперва на Жаботинъ (м. черк. у. при рч. Жабянкѣ на ЮЮВ. отъ у. гор.) въ числѣ 450 человѣкъ, а потомъ на Медвѣдовку (м. чигир. у. при р. Тясьминѣ и Медвѣдовкѣ къ ЗСЗ отъ у. гор.) въ числѣ 100 человѣкъ. „Сего 1768 г. мѣсяца мая 18 числа, читаемъ въ свидѣтельствѣ, въ полской области въ старостве чигиринскомъ вездѣ по городахъ и селахъ великое разореніе народу показалося отъ поляковъ, т. е. отъ конфедератовъ, которые то, пріѣхавши войска четыреста пятдесятъ человѣкъ съ козаками и черезъ три дни стоячи, ходили пяные по лѣсахъ и людей жаботинскихъ, которые позбѣгали по лѣсахъ, ловили и имущество отъ оныхъ отобравши, до полусмерти кіями забивали, и скота рогатого зъ города Жаботина немалое число забрали“. Тоже самое было потомъ продѣлано конфедератами и въ Медвѣдовкѣ. „И неотмѣнное ихъ такое намѣреніе было, читаемъ въ документѣ, чтобъ пановъ и козаковъ съ собою собрать, а священниковъ грекороссійской православной вѣры и людей главныхъ и кіторей мучити смертію за благочестіе, и чтобы

[1]) Ibidem стр. 313.

привесть всѣхъ до присяги и на вѣрность конфедераціи". Не явись при такихъ бѣдахъ Неживый, „то бы оные поляки, чтобъ похотѣли, то тобъ и здѣлали съ нами",—прибавляютъ медвѣдовцы. Неживымъ и его дѣйствіями остались они очень довольны. О его же хозяйственныхъ войсковыхъ дѣлахъ они при этомъ отозвались такъ: „онъ отъ насъ громадъ требуетъ харчей для войска, а грабительства не дѣлаетъ. И въ томъ мы ему атаману Семену Неживому свидѣтельство (даемъ) и подписуемся руками своими властными. Напишемъ кресты".

Добросовѣстное отношеніе Неживого къ крестьянскимъ громадамъ сдѣлалось даже достояніемъ народныхъ преданій. Такъ, въ „Запискахъ о южной Руси" Кулиша [1]) мы находимъ изъ народныхъ устъ разсказъ о томъ, какъ у крестьянина Билыка подъ Мошнами какой-то гайдамака изъ отряда Неживого отнималъ хорошаго коня. Билыкъ всячески старался укрыть коня, но въ концѣ концовъ гайдамака настоялъ на своемъ. Въ утѣшеніе Билыку гайдамака сказалъ: „ну, прійдешъ же у Каневъ, то тамъ Неживый тобѣ заплатыть". Билыкъ дѣйствительно пошелъ туда, засталъ уже Каневъ сгорѣвшимъ и съ большимъ трудомъ заявилъ Неживому свою претензію. Какъ разъ въ это время ватага Неживого занята была разрушеніемъ винокурни въ Нетеребкѣ (с. канев. у. при р. Роси) и вынимала изъ печи „казанъ". Неживый велѣлъ отдать Билыку за его коня этотъ казанъ. Не его вина, что послѣ его ухода владѣльцы винокурни, узнавъ, гдѣ казанъ, отняли его у Билыка. Отдавая казанъ, Неживый не считалъ его присвоеніе незаконнымъ: это было не крестьянское добро, а такое добро онъ не стѣснялся брать себѣ, какъ въ нашемъ документѣ онъ не считалъ себя не въ правѣ овладѣть одеждой пана Чекапскаго.

Всѣми приведенными данными, думаемъ, вполнѣ выясняется гуманное отношеніе Неживого къ народу, поднявшему возстаніе, и мы можемъ отмѣтить теперь еще другую особенность характеризуемаго нами ватажка. Эта другая его особенность—желаніе всячески устранять дѣйствія ватажковъ врозь, не по плану. Мысль о необходимости плана, организаціи сознавали,

[1]) Записки о юж. Руси Кулиша т. I, стр. 151—154.

конечно, и другіе выдающіеся ватажки, но Неживый какъ то особенно сильно былъ проникнутъ этимъ сознаніемъ. Онъ какъ будто отчетливѣе другихъ понималъ, что, ведя только партизанскую войну, крестьянство рано или поздно натолкнется на значительныя организованныя силы враговъ и необходимо будетъ ими подавлено. Много разъ, какъ намъ кажется, въ документахъ о Неживомъ выступаетъ эта черта его.

Такъ, въ изложенномъ выше большомъ документѣ изъ Кодненской книги Неживый прямо заявляетъ себя сегединской громадѣ сторонникомъ и единомышленникомъ Желѣзняка и зоветъ сегединцевъ къ нему. Самъ затѣмъ идетъ въ Лисянку, гдѣ, какъ онъ зналъ, былъ въ это время Желѣзнякъ, и тамъ отдаетъ ему большую часть людей своей ватаги, самъ же остается всего съ шестью человѣками; потомъ только его отрядъ опять пополнился вновь приставшими къ возстанію. Кромѣ того, зная, что основная цѣль стремленій большинства ватажковъ во всякомъ случаѣ была одна и та же, Неживый дѣйствуетъ нерѣдко за одно и съ другими ватажками, не только что съ Желѣзнякомъ: онъ готовъ былъ идти рука объ руку даже съ Гайдашемъ, хотя передъ тѣмъ этотъ послѣдній совершилъ дѣло, противное нравственному чутью Неживого, а именно—ограбилъ тарасовскихъ крестьянъ. Очевидно, Неживому нужно было такъ или иначе направить довольно значительную ватагу Гайдаша въ подмогу Желѣзняку—и онъ этого достигъ. Затѣмъ изъ втораго кодненскаго документа видно, что по временамъ Неживый дѣйствовалъ совмѣстно съ ватажками Шелестомъ и Савкой, такъ какъ именно на этихъ двухъ ватажковъ и Неживого указали свидѣтели по дѣлу участника крестьянскаго движенія шляхтича Чоповскаго, какъ на общихъ руководителей его антишляхетскихъ преступленій, вполнѣ отвѣчавшихъ тогдашнему настроенію украинскаго люда.

Если затѣмъ, для провѣрки нашего вывода о стремленіи Неживого къ установленію солидарности между разными народными ватагами той поры, мы попробуемъ заглянуть въ давніе о немъ матеріалы, то и въ этихъ матеріалахъ найдемъ ясно выраженнымъ впечатлѣніе о Неживомъ, какъ о человѣкѣ, держав-

шемся „гурту“, но къ сожалѣнію факты, которыми это подтверждается, не всегда оказываются вѣрными. Такъ, разсказываютъ, что, когда Желѣзнякъ, послѣ уманской рѣзни и уже послѣ прихода къ нему и Гонтѣ генералъ-майора Кречетникова, сознавъ грозившую ему опасность и, похваляясь, что „не убере ёго, запорожця, москаль въ свои шоры“, рѣшился бѣжать изъ своего лагеря, то при этомъ увлекъ онъ съ собою нѣсколькихъ выдающихся гайдамакъ и въ томъ числѣ будто бы и Неживого [1]).

Съ общимъ направленіемъ дѣятельности послѣдняго это, конечно, вполнѣ гармонировало бы, но все же данныя разсказа не вѣрны. И въ самомъ дѣлѣ, изъ данныхъ этихъ надо заключить, конечно, 1) что и въ уманской рѣзнѣ участвовалъ Неживый, разъ онъ былъ въ лагерѣ Желѣзняка, и 2) что тотъ же Неживый продолжалъ дѣйствовать совмѣстно съ Желѣзнякомъ и по уходѣ изъ лагеря, когда Желѣзнякъ двинулся изъ-подъ Умани по направленію къ Палѣеву Озеру, Балтѣ и Голтѣ. Между тѣмъ, обращаясь къ провѣркѣ этого, мы должны сказать, что Неживый не участвовалъ ни въ уманской рѣзнѣ, ни въ нападеніи на Палѣево Озеро, Балту и Голту. Что Неживый не участвовалъ въ уманской рѣзнѣ—это впервые отмѣтилъ И. И. Костомаровъ, печатая свои документы о Неживомъ. Судя по датамъ приводимыхъ Костомаровымъ свидѣтельствъ о Неживомъ мошенцевъ, каневцевъ и медвѣдовцевъ, люди эти имѣли Неживого въ своихъ предѣлахъ чуть ли не въ теченіе всего іюня; такъ, мошенцы выдали ему свое свидѣтельство 15 іюня, каневцы 12 іюня, а медвѣдовцы 1 іюля. Между тѣмъ быть съ ними около этого времени онъ не могъ бы, если бы участвовалъ и въ уманской рѣзнѣ, и въ попойкахъ послѣ нея вплоть до бѣгства Желѣзняка, такъ какъ уманская рѣзня происходила 8 и 9 іюня, а попойки послѣ нея тянулись по крайней мѣрѣ до 18 іюня, когда Желѣзнякъ будто бы съ Неживымъ и другими бѣжалъ къ Палѣеву Озеру и пр. Кромѣ того, въ перепискѣ Румянцева мы находимъ прямое указаніе на то, что 9 іюня Неживый дѣйствовалъ въ Каневѣ [2]).

[1]) А. Скальковскій, Набѣзды гайдамакъ, стр. 110.

[2]) Переписка гр. Румянцева. „Кіевск. Стар.“ 1882 г., кн 9, стр. 541.

Датами же на другихъ документахъ Н. И. Костомарова доказывается невѣрность и другаго предположенія—будто Неживый былъ съ Желѣзнякомъ и въ Палѣевомъ Озерѣ, и въ Балтѣ, и въ Голтѣ. Нападенія гайдамакъ на эти мѣста случились послѣ 18 іюня; на Голту, напримѣръ, напали они 24 іюня [1]). Между тѣмъ въ эти же дни какъ разъ Неживый писалъ письма изъ Медвѣдовки къ командиру гусарскаго полка Оедору Чорбѣ и подполковнику Хорвату о дѣлахъ Придпѣпровья, гдѣ тогда былъ. Случайности надо, поэтому, приписать то обстоятельство, что Н. И. Костомаровъ балтскіе и голтянскіе подвиги гайдамакъ приписалъ гайдамакамъ Неживого.

Но возвращаясь къ мысли о всегдашней заботѣ Неживого дѣйствовать по плану и соединенными силами, мы думаемъ, что она подтверждается гораздо больше, чѣмъ измышленными фактами, тѣмъ обстоятельствомъ, что Неживый, собравшись изъ Лисянки идти въ Умань за Желѣзнякомъ, на самомъ дѣлѣ двинулся въ староства черкасское и чигиринское. Дѣло въ томъ, что, когда въ Умань стеклось все польское панство Украины, искавшее только спасенія своей жизни и кой-какого имущества, могшее только защищаться, но не нападать, тогда въ названныя выше староства понашли барскіе конфедераты, люди активные, нападающіе, при чемъ они страшно тамъ неистовствовали, какъ это мы знаемъ изъ одного приведеннаго выше документа Н. И. Костомарова. Очевидно, Неживый, по соглашенію съ Желѣзнякомъ и другими выдающимися ватажками и по призыву мошенцевъ, каневцевъ и медвѣдовцевъ, долженъ былъ для вящшаго успѣха дѣла возстанія идти и покончить съ активнымъ врагомъ въ Придпѣпровьѣ, подобно тому, какъ такія же обязанности въ центрѣ Кіевщины и на сѣверѣ ея были возложены на ватажковъ Швачку и Бондаренка.

Отмѣтивъ, такимъ образомъ, и вторую характерную черту Неживого, мы не исчерпали этимъ личныхъ особенностей даннаго дѣятеля. И по приведеннымъ нами показаніямъ крестьянина Ботвинепка, и по нѣкоторымъ документамъ Н. И. Костомарова, онъ отличается отъ другихъ ватажковъ еще третьей выдающейся

[1]) Костомаровъ. Матеріалы... „Кіевск. Стар.“ 1882, 8, стр. 310.

чертой: онъ ищетъ санкціи своимъ поступкамъ въ „указахъ“, которые онъ читаетъ присоглашаемымъ къ движенію людямъ, и упорно, до самаго арестованія своего, остается убѣжденнымъ, что русскія власти непремѣнно должны сочувствовать чистой сторонѣ возстанія.

„Указы“, на которые ссылался Неживый въ Сегединцахъ, онъ предъявлялъ всѣмъ и въ Каневѣ, какъ это видно изъ одного ордера графа Румянцева командиру карабинернаго полка Протасьеву [1]).

Но здѣсь мы на время прервемъ нашъ разсказъ о Неживомъ ради уясненія дѣла объ указахъ. Указы эти, какъ извѣстно, якобы исходили отъ самой императрицы Екатерины и, по версіи нѣкоторыхъ польскихъ историковъ, были тайно даны ею игумену Мотронинскаго монастыря Мельхиседеку Значку-Яворскому при посѣщеніи имъ въ 1765 году Петербурга въ видахъ ходатайствъ о своемъ монастырѣ. Такъ точно объясняли себѣ появленіе даннаго указа и многіе украинцы, къ которымъ онъ относился. Изъ документовъ той поры мы знаемъ только о сущности минмаго указа: въ немъ императрица приказывала якобы украинскому православному люду и запорожцамъ истреблять на Украинѣ всѣхъ гонителей православія—ляховъ и жидовъ. Но съ ходившимъ по рукамъ народа указомъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать измышленнаго поляками указа, напечатаннаго ими якобы во французскомъ переводѣ въ Парижѣ въ сборникѣ Ангенберга, заключающемъ дипломатическіе акты, относящіеся къ Польшѣ [2]). Приведемъ здѣсь по-русски это любопытное измышленіе.

С.-Петербургъ, $^{9}/_{20}$ іюня 1768 г.

„Такъ какъ мы ясно видимъ, съ какимъ презрѣніемъ и безстыдствомъ поступаютъ поляки и жиды съ нами и съ нашей православной религіей, преслѣдуя защитниковъ нашей греческой вѣры, всячески ихъ тѣсня и наказывая смертію, то мы, не будучи болѣе въ состояніи терпѣть подобныя оскорбленія, подобное попошеніе и гоненіе нашей св. религіи, угнетенной и презираемой, даемъ этотъ указъ и повелѣваемъ Максиму Желѣзняку изъ земли Тимошевской, полковнику и командующему въ нашихъ

[1]) Переписка гр. Румянцева. „Кіев. Стар.“ 1882, кн. 9, стр. 540.

[2]) Костомаровъ, Матеріалы... „Кіев. Стар.“ 1882 г., кн. 8, стр. 297.

земляхъ Низового Запорожья, вступить въ предѣлы Польши, взявши еще нѣсколько отрядовъ донскихъ козаковъ изъ нашихъ русскихъ войскъ, чтобы вырѣзать и уничтожить, съ помощью Божьею, всѣхъ поляковъ и жидовъ, хулителей нашей св. религіи. Этимъ средствомъ мы прекращаемъ всѣ жалобы, принесенныя нашему престолу на этихъ безжалостныхъ убійцъ, этихъ клятвопреступниковъ, которые, покровительствуя скверной вѣрѣ нечестивыхъ жидовъ, хулятъ и презираютъ нашу религію, угнетая народъ вѣрный и невинный. И такъ, мы приказываемъ, проходя Польшу, искоренить самое имя поляковъ, чтобы и память о нихъ не дошла до потомства. Но для того, чтобы договоры и дружба съ нашими сосѣдями были сохранены, мы запрещаемъ подъ самыми строгими наказаніями оскорблять или безпокоить купцовъ турецкихъ, греческихъ, армянскихъ и нашихъ русскихъ, которые проѣзжаютъ Польшу ради торговыхъ интересовъ; мы хотимъ даже, чтобы они всегда имѣли свободный пропускъ и всякаго рода помощь, какую можно получить отъ сосѣдей-друзей.

Для большей убѣдительности мы утверждаемъ этотъ приказъ и это позволеніе.

Дано въ С.-Петербургѣ, запечатано нашей гербовой печатью и подписано нашей собственной рукой 20 іюня 1768 года.

Екатерина.

Для исполненія
Кошевой атаманъ Петръ Кальнишевскій съ свидѣтелями".

По словамъ покойнаго Костомарова, подложность этого манифеста неоспоримо доказалъ г. Рева, переводчикъ польскаго мемуара Вероники Кребсъ объ уманской рѣзнѣ; мемуаръ этотъ былъ изданъ г. Ревой въ Кіевѣ въ 1879 году и снабженъ предисловіемъ. Въ предисловіи этомъ г. Ревой указано, во-первыхъ, что данная грамота Екатерины помѣчена въ сборникѣ Ангенберга 9-мъ іюня ст. ст. или 20 іюня н. ст., а между тѣмъ уманская рѣзня происходила 8—9 іюня [1]). Выходитъ, что грамота была выдана чуть не въ день уманской рѣзни, и Желѣзнякъ ужъ никакимъ образомъ не могъ при помощи грамоты набрать

[1]) Рева И. М. Уманская рѣзня, стр. 12—13.

свою ватагу въ апрѣлѣ и маѣ. Да, наконецъ, если грамота выдана 9 іюня 1768 года, прибавимъ мы, то ее никакъ не могъ привезти на Украину Мельхиседекъ Значко-Яворскій, который былъ въ Петербургѣ еще въ 1765 г. [1]). Отмѣтилъ г. Рева, разбирая документъ, и слишкомъ очевидную нелѣпость въ титулѣ Желѣзняка и кошевого Петра Кальнишевскаго. Первый названъ „полковникомъ и командующимъ нашихъ земель Низоваго Запорожья“, а второй будто бы подписался „кошевой атаманъ Петръ Кальнишевскій съ свидѣтелями“. На самомъ же дѣлѣ титула, придуманнаго для Желѣзняка, вовсе не существовало, кошевой же подписывался такъ: „Петръ Кальнишевскій, атаманъ кошовый войска запорожскаго съ атаманшею и со всѣмъ старшимъ и меньшимъ товариствомъ“.

Конечно, по рукамъ у народа ходило не это польское невѣжественное измышленіе. Скорѣй всего оно даже появилось на свѣтъ чуть ли не въ годъ изданія сборника Ангенберга. Во время же коліивщины, очевидно, была распространена грамота иной фабрикаціи, болѣе доступной для народнаго пониманія. Объ этомъ есть кой какія свидѣтельства. Такъ, г. Скальковскій въ книгѣ своей „Наѣзды гайдамакъ“ [2]), ссылаясь на вѣдомые ему акты запорожскаго архива, утверждаетъ, что впервые золотая грамота была предъявлена архимандритомъ Мельхиседекомъ кошевому Петру Кальнишевскому, что была она выдана именно кошевому и что въ ней „было изображено данное войску запорожскому повелѣніе—помогать всѣми средствами угнетенной церкви“. Затѣмъ о впечатлѣніи, какое произвела грамота въ Кошѣ, Скальковскій говоритъ: „кошевой, обыкновенно не знающій грамоты, отдалъ указъ для прочтенія войсковому писарю Ивану Глобѣ; умный козакъ немедленно удостовѣрился въ подлогѣ и убѣдилъ кошеваго не вмѣшиваться въ это дѣло. Игумену далъ отвѣтъ: если бы великая монархиня потребовала въ самомъ дѣлѣ службы козаковъ, своихъ щиро-подданныхъ, то бы прислала свой указъ не чрезъ игумена, а чрезъ особаго посланца „якъ то изъ вѣковъ бувало въ Запорожьѣ“.

[1]) Арх. ю.-з. Р., ч. I, т. II. Предисловіе, стр. XCIII—XCV.

[2]) А. Скальковскій. Наѣзды гайдамакъ, стр. 69—70.

Другое свидѣтельство о той же грамотѣ—графа Румянцева [1]), до котораго доходили вѣсти объ указѣ, при чемъ онъ слышалъ между прочимъ, что „онъ написанъ подъ титулой ея императорскаго величества, за подписомъ атамана куренного уманскаго, котораго имени не помнилъ, и за печатью кошеваго".

Изъ свидѣтельствъ этихъ видимъ, что золотая грамота не была выдана на имя Желѣзняка, видимъ и то, что она должна была отличаться большою простотой. Большая простота и отсутствіе грубыхъ книжныхъ выдумокъ въ титулахъ южно-русскихъ козацкихъ властей,—все это одинаково должно было отличать ходившій по рукамъ гайдамакъ документъ и въ томъ случаѣ, если бы составилъ его самъ Мельхиседекъ, какъ думаетъ г. Скальковскій и Тучапскій, польскій мемуаристъ [2]), и въ томъ, если бы, какъ думаетъ другой польскій мемуаристъ Мощинскій и покойный Соловьевъ, составилъ грамоту экономъ переяславскаго архіерея, какой-то игуменъ, племянника котораго незадолго до полнаго взрыва крестьянскаго движенія весной 1768 г. поляки посадили на колъ [3]). Игуменъ этотъ, будто бы въ отмщеніе полякамъ за это дѣло, при помощи сочиненной имъ подложной грамоты, содѣйствовалъ скорѣйшему проявленію движенія въ народѣ, возмущеннымъ неистовствомъ барскихъ конфедератовъ и пропагаторовъ уніи. Простотой, долженъ былъ бы, наконецъ, отличаться интересующій насъ документъ и въ томъ случаѣ, если бы изготовителемъ его былъ монахъ Мотронинскаго монастыря, по прозванію Молдаванъ, какъ это слышалъ М. А. Максимовичъ. По утвержденію его [4]), херсонскій архіерей Иннокентій, въ бытность свою викаріемъ кіевской митрополіи, былъ однажды въ Мотронинскомъ монастырѣ при обозрѣніи своей паствы и тамъ засталъ въ живыхъ одного современника Мельхиседека. Старикъ этотъ разсказалъ Иннокентію о Молдаванѣ,

---

[1]) Переписка гр. Румянцева. „Кіев. Стар." 1882 г., кн. 9, стр. 544.

[2]) Bunt haidamakow na Ukrainie. Lippomana Tuczapskiego i bezimiennego, стр. 124.

[3]) Adam Moszczynski. Pamiątnik, стр. 135; Соловьевъ. Ист. Россіи, т. XXVII, стр. 306—307.

[4]) Арх. ю.-з. Р., т. II, ч. I. Предисл., стр. XXXVII. Примѣчаніе.

который принималъ личное участіе при устроеніи Мельхиседекомъ аптеки и подъ его руководствомъ дѣлалъ надписи на аптечныхъ сосудахъ съ травами и другими лѣкарствами. Молдаванъ этотъ, по разсказу того же старика, былъ еще при жизни Мельхиседека писаремъ архіерейскимъ и тогда то написалъ интересующую насъ золотую грамоту [1]).

Но кто бы ни былъ составителемъ золотой грамоты, она во всякомъ случаѣ въ томъ или иномъ видѣ существовала, и въ 1768 г., да и позже, многіе принимали ее за подлинный указъ Екатерины II. За подлинную признавали ее и польскіе историки, какъ напр. Моравскій и Шуйскій [2]); но были между поляками и люди, отвергавшіе возможность для Екатерины II при ея отношеніи къ Рѣчи Посполитой сочувствовать гайдамацкому движенію 1768 г.: къ числу такихъ относятся авторы мемуаровъ о той порѣ, Липпоманъ и Мощинскій. Самъ гр. Румянцевъ, когда впервые стали доходить до него слухи о какомъ то невѣдомомъ ему указѣ Екатерины II, былъ сильно смущенъ и, повидимому, готовъ былъ допустить, что такой указъ былъ. Такъ, въ одномъ изъ донесеній императрицѣ онъ писалъ о своемъ затруднительномъ положеніи такъ: „.... но теперь, поелику не знаю, чтобъ отъ вашего императорскаго величества даны были на сей случай какія особыя повелѣнія запорожскимъ козакамъ, въ моей командѣ находячимся, а по поступкамъ ихъ считая быть каковой либо разбойнической партіи, воспріялъ я сіи мѣры“.... и пр. [3]). Отчасти то же сомнѣніе звучитъ и въ предписаніи графа

[1]) Приведемъ здѣсь для полноты и народное преданіе о составителѣ золотой грамоты. Беремъ его въ Запискахъ о южной Руси г. Кулиша. „Ляхи взялыся гнать на благочестіе. „Чого воны“, кажуть, на нашій земли живуть, а благочестивого государя поминають?“ И давай головки лупыть благочестивымъ. Ото спалылы першъ титаря въ Мліеви, а дали й хуторкы черничи мотроненськи попалылы. А въ тому монастыри бувъ гуменъ ... охъ, забувъ же я, якъ ёго звалы. Бачыть, що лыхо ляхы роблять, полуплять головы благочестивымъ, а пысака добрый бувъ, та якъ удравъ *золоту грамоту!* А Максимъ Зализнякъ прыихавъ на поклоненіе, а винъ ему й пиднисъ: „велыкъ свитъ государыня велыть ризать жыда й ляха до ногы, щобъ и не смердилы на Вкраини“. Якъ гукнувъ Зализнякъ на охотныка, такъ и повалывъ народъ,—уся Смилянщина й Чигиринщина. Якъ пишлы вынныкы, то—що, *тогди вже велила маты и валъ браты* (Записки о южн. Р., ч. I, стр. 149).

[2]) Morawski. Dzieje polski. V. 87. Ios. Szujskiego Dzieje polski, IV, 440.

[3]) Переписка гр. Румянцева. „Кіев. Стар.“ 1882 г., кн. 9, стр. 543.

Румянцева командиру карабинернаго полка Протасьеву, который былъ отправленъ подъ Каневъ противъ отряда Неживого. Въ предписаніи этомъ, между прочимъ, читаемъ [1]): „.... овладѣть ими (козаками Неживого) и тогда требовать у нихъ того указу, который они тамъ объявляютъ о присылкѣ своей; а когда бъ таковое сходственное письмо вѣроятно бы они предъявили, то оное заразъ отправить бы, при своемъ рапортѣ, чрезъ полковую канцелярію штафетомъ ко мнѣ по почтѣ, держа до резолюціи подъ рукою запорожцевъ“ или вѣрнѣе крестьянъ ватаги Неживого. „А когда, продолжалъ затѣмъ Румянцевъ—таковаго письменнаго вида не покажутъ или явится сомнительнымъ, или видимо ложный, то ихъ всѣхъ запорожцевъ токмо перехвативъ, возвратиться съ оными“ и т. д. Теряясь въ догадкахъ, Румянцевъ въ предписаніи кошевому Кальнишевскому наконецъ прямо спрашиваетъ послѣдняго по поводу разгрома, произведеннаго Неживымъ въ Каневѣ, „не дано ли письменнаго какого приказанія или самовольно и злодѣйскимъ образомъ такая шайка вышла“ [2]).

Но Румянцевъ, какъ и другіе чиновники той поры и люди культурные, вращавшіеся въ сферѣ распространенія всякаго рода подлинныхъ документовъ, вскорѣ могли смѣло не вѣрить въ существованіе указа Екатерины II Желѣзняку ли или Кальнишевскому—объ избіеніи поляковъ и жидовъ въ Украинѣ. 9 іюля 1768 г. былъ Екатериной II изданъ манифестъ, подлинность котораго уже несомнѣнна и который для опубликованія былъ присланъ изъ Петербурга Румянцеву. Манифестъ этотъ есть полное отрицаніе императрицей всякаго сочувствія съ ея стороны гайдамацкому движенію. Въ немъ между прочимъ читаемъ [3]): „никто нами не посылался въ Польшу для того, чтобы поднимать на бунтъ нашихъ единовѣрцевъ противъ ихъ согражданъ другихъ исповѣданій“. „Лица, выдающія себя за отрядъ нашего вѣрнаго низоваго запорожскаго войска, будто отправленный нами, въ дѣйствительности суть разбойники, воры и нару-

[1]) Ibidem, стр. 540.

[2]) Ibidem, стр. 545.

[3]) Манифестъ и-цы Екатерины II. „Кіев. Стар.“ 1882 г., кн. 5, стр. 308—311.

шители общественнаго спокойствія". Наконецъ, „всѣ таковые разбойники, читаемъ дальше, отъ военныхъ нашихъ командъ повсюду будутъ преслѣдуемы въ конецъ и, послѣ поимки, будутъ представлены всѣ безъ изъятія въ надлежащій судъ для понесенія справедливой кары".

Недостаточность тогдашнихъ средствъ для оглашенія даже казенныхъ документовъ и, особенно, затруднительность такого оглашенія въ тогдашней Рѣчи Посполитой, лишенной правильной администраціи—все это повело къ тому, что подлинный манифестъ русской императрицы не достигъ слуха многихъ изъ тѣхъ, къ кому онъ относился, и даже оказался затерявшимся для массы польской интеллигенціи. Довольно сказать, что даже для науки онъ впервые вынырнулъ на свѣтъ Божій только въ 1882 г., когда лицо, нашедшее его въ рукописяхъ львовскаго института Оссолинскихъ, сообщило его „Кіевской Старинѣ". Можемъ ли удивляться поэтому, что и послѣ дѣйствительнаго манифеста Екатерины II между народомъ все еще жила вѣра въ старую золотую грамоту, содержанію которой обездоленный людъ сочувствовалъ. Но объ этомъ намъ еще прійдется вести рѣчь, а теперь послѣ столь длиннаго отступленія вернемся къ интересующему насъ Семену Неживому.

И онъ, какъ масса неграмотнаго люда той поры, искренно вѣрилъ въ сочувствіе царицы гайдамацкому движенію,—это мы уже знаемъ. Поднимая народъ на возстаніе, онъ ссылался при этомъ чаще другихъ ватажковъ на золотую грамоту Екатерины, какъ это видно и изъ нашего документа, и изъ переписки Румянцева по дѣлу о каневскомъ разореніи. И такая вѣра Неживого въ то, что царица на сторонѣ народнаго движенія, сказалась въ рядѣ его поступковъ. Такъ, напавши съ своей ватагой на городъ Крыловъ польскій и, не найдя тамъ „а ни единого поляка, также якъ и жида" и узнавъ, что всѣ они укрылись въ Крыловѣ русскомъ, гдѣ стоялъ съ своимъ отрядомъ подполковникъ Хорватъ, Неживый, страшно этимъ возмущенный, прямо заявилъ Хорвату [1]): „не знаемъ, съ какой причины ваше высоко-

[1]) Костомаровъ. Матеріалы для исторіи Коліивщины. „Кіев. Стар." 1882 г., кн. 8, стр. 309.

родіе онымъ погано-невѣрнымъ врагамъ и непріятелямъ ея императорскому величеству, также жъ и правовѣрнымъ христіанамъ принимаете; понеже оные проклятые жидове ввесь народъ христіанскій своимъ поганствомъ скверняты, то хиба вашему высокородію великое награжденіе зделали, что оныхъ принимаете? за что? Просимъ отъ оныхъ все имущество отобрати и на сю сторопу къ намъ выдать, хоча и сонныхъ. Не за имущество втруждаемся, только абы вѣра христіанская отъ нихъ не была большъ скверненная и чтобы не было враговъ на государство, также жъ и на правовѣрныхъ христіанъ". Въ случаѣ же нежеланія Хорвата выдать поляковъ по письменному заявленію, Неживый просилъ его, прежде чѣмъ вовсе ему отказать, повидаться съ нимъ, выѣхавъ для этой цѣли на половину гребли.

Такого рода обращеніе къ россійскому офицеру было возможно со стороны Неживого при полной его увѣренности, что только по недоразумѣнію Хорватъ могъ дать въ русскихъ предѣлахъ убѣжище врагамъ православія—полякамъ и жидамъ. Для него, поэтому, совершенно непонятнымъ оставалось и то, какъ въ просьбѣ его о выдачѣ общихъ враговъ могли отказать. Между тѣмъ это именно случилось. На свиданіе съ Неживымъ выѣхалъ „до половины гребли" съ небольшимъ отрядомъ не самъ Хорватъ, а поручикъ князь Иванъ Манвеловъ. Неживый же встрѣтилъ его съ хлѣбомъ-солью. На повторенное требованіе выдать ему жидовъ и поляковъ, Манвеловъ отвѣчалъ, что „тѣхъ жидовъ и поляковъ, потому что оные въ силѣ предложеніевъ находятся у насъ подъ защитой, отдать невозможно" [1]). Какъ это могли быть у русскихъ офицеровъ подъ защитой люди, которыхъ, судя по золотой грамотѣ, русская императрица велѣла вырѣзать „до ноги",—Неживый не могъ понять, и ему казалось, что все разъясненіе въ взяткѣ. „Хиба вашему высокородію (Хорвату) великое награжденіе зделали, то оныхъ (поляковъ и жидовъ) принимаете?"—писалъ онъ поэтому.

А еще ранѣе Семенъ Неживый обращался изъ Медвѣдовки къ командиру гусарскаго полка Ѳедору Чорбѣ съ заявленіемъ,

[1]) Ibidem, стр. 315.

что онъ разогналъ уже конфедератовъ, „которые народу христіанскому великія бѣды и разоренія дѣлали“, и при этомъ испрашивалъ указаній на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій. „Теперича, писалъ онъ, содержусь въ Медвѣдовцѣ со всею своею командою и ожидаю отъ вашего высокородія милостивой резолюціи: что мнѣ впредь поступать“ [1]).

Ясно, что такъ могъ обращаться къ россійскимъ офицерамъ только человѣкъ, вполнѣ увѣренный, что дѣлаетъ онъ дѣло, одобряемое русскимъ правительствомъ.

Но что особенно поражаетъ при чтеніи приведенныхъ только что заявленій Неживого,—такъ это то, что онъ все продолжалъ считать свое дѣло дѣломъ, пріятнымъ и русскому правительству, даже и послѣ захвата генералъ-маіоромъ Кречетниковымъ гайдамакъ подъ Уманью. Приведенное письмо къ командиру гусарскаго полка Ѳедору Чорбѣ было, напримѣръ, написано 21 іюня, а переговоры о выдачѣ поляковъ и жидовъ изъ Крылова велись и того позже. Неужто же въ это время Неживый не имѣлъ еще вѣстей о дѣйствіяхъ Кречетникова подъ Уманью, случившихся не позже 18 іюня? Вѣроятнѣе, что свѣдѣнія эти были уже у Неживого и его ватаги, и если онъ по прежнему считалъ, что его дѣло санкціонируется русскими властями, то ужъ не потому ли, что между своею дѣятельностью и поступками Желѣзняка и Гонты онъ готовъ былъ видѣть нѣкоторую разницу. Онъ понималъ, конечно, что и эти послѣдніе вожаки гайдамакъ, да и другіе, преслѣдуютъ извѣстныя общественныя цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и у Желѣзняка, и у другихъ видѣлъ и другое проявленіе—жажду личнаго обогащенія и нестрогое отношеніе къ грабежамъ и насиліямъ, совершаемымъ ихъ ватагами; самъ же Неживый былъ далекъ отъ этихъ вторыхъ побужденій и насилій всякаго рода не оправдывалъ. Быть можетъ, поэтому, онъ счелъ, что произведенный генераломъ Кречетниковымъ захватъ гайдамакъ подъ Уманью былъ именно возмездіемъ Желѣзняку со стороны русскаго правительства за рядъ разбойничьихъ дѣяній его ватаги, а такъ какъ самъ онъ, Неживый, ни въ чемъ подобномъ

[1]) Ibidem, стр. 306 и 307.

повиненъ не былъ и дѣйствовалъ всегда, руководясь только общественными цѣлями, то онъ и считалъ, что можетъ обращаться къ русскимъ властямъ, какъ къ своимъ естественнымъ союзникамъ, расположенія которыхъ онъ не заслужилъ. Основываемъ мы такое наше предположеніе на томъ обстоятельствѣ, что Неживый именно послѣ несчастія Желѣзняка и Гонты счелъ нужнымъ, испрашивая себѣ у командира гусарскаго полка Ѳедора Чорбы указаній на счетъ дальнѣйшаго образа дѣйствій, приложить къ своему письму приведенныя нами выше свидѣтельства мошенцевъ, каневцевъ и медвѣдовцевъ о томъ, что онъ, Неживый, ихъ не грабилъ и вообще народу христіанскому никакой обиды не чинилъ. Безъ приводимаго объясненія представленія Неживымъ свидѣтельствъ остались бы совершенно непонятными.

Этимъ мы заканчиваемъ наши указанія относительно третьей характерной черты Семена Неживого—его безпредѣльной вѣры въ одобреніе его дѣла и въ сочувствіе ему русскаго правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ заканчиваемъ и вообще нашу характеристику Неживого, этого наиболѣе идейнаго ватажка гайдамацкаго движенія 1768 года.

Намъ только остается отмѣтить еще нѣсколько неясныхъ чертъ біографіи этого дѣятеля. Родомъ онъ былъ изъ с. Мельниковки, недалеко отъ Мошенъ, [1]) и по ремеслу былъ гончаромъ, но не самостоятельнымъ хозяиномъ, а только наймытомъ у другого гончара, какого то Артема. Въ перепискѣ съ властями русскими онъ вездѣ называетъ себя запорожскимъ атаманомъ умапскаго куреня, но былъ ли онъ таковымъ въ дѣйствительности—данныхъ для провѣрки нѣтъ, какъ нѣтъ данныхъ и относительно того, входили ли въ ватагу въ большомъ числѣ запорожцы, какъ это заключилъ гр. Румянцевъ, называя всѣхъ его гайдамакъ запорожцами [2]). Быть можетъ, дѣйствительно запорожцевъ при Неживомъ было больше, чѣмъ при другихъ ватажкахъ, разъ онъ былъ человѣкъ вполнѣ идейный, и потому, вѣроятно, наиболѣе симпатичный и запорожцамъ, знавшимъ

[1]) Bunt haidamakow na Ukrainie. Pamiętnik Lippomana, стр. 9.

[2]) Переписка гр. Румянцева. „К. Ст.“ 1882, кн. 9, стр. 544, 545 и др.

границу между разбоемъ и политическимъ возстаніемъ [1]). Они могли пристать къ нему на томъ же основаніи, на какомъ, очевидно, присталъ къ нему шляхтичъ Чоповскій, отрѣшившійся отъ своей среды ради участія въ истребленіи гнусныхъ порядковъ и за это подвергнутый военно-судною кодненскою коммиссіей наиболѣе лютой казни—посаженію на колъ. Да и изъ показаній запорожца—гайдамаки Ѳедора Бондаренка, показаній, приводимыхъ Скальковскимъ въ его „Наѣздахъ гайдамакъ“ [2]), видно, что въ составъ ватаги Неживого входили „добрые поселяне, бросившіе свои жилища, семейства и имущества“ — ради высокихъ цѣлей защиты своей вѣры и независимости, прибавимъ отъ себя. Запорожцамъ, давнимъ выразителямъ украинскихъ идеаловъ, естественно было поэтому также быть въ отрядѣ Неживого.

О концѣ Неживого согласно повѣствуютъ три источника: отмѣченныя только что показанія Ѳедора Бондаренка, народное преданіе [3]) и мемуаръ Липпомана [4]). Неживый оказывается арестованнымъ командиромъ гусарскаго полка Ѳедоромъ Чорбой, которому онъ довѣрялъ, считая свое дѣло и дѣло представителей русскаго правительства тождественными. Ѳедоръ Чорба, пріѣдя въ с. Галагановку, хитростью заманилъ къ себѣ Неживого отдѣльно отъ его ватаги, дѣлая видъ, будто хочетъ вести съ нимъ переговоры, и когда Неживый пришелъ къ нему, онъ его предательски схватилъ. Въ народномъ преданіи Чорба названъ Щербой и арестованіе Неживого представлено тамъ случившимся на греблѣ, что, быть можетъ, есть результатъ смѣшенія обстоятельствъ ареста Неживого съ прежнимъ свиданіемъ его на греблѣ съ поручикомъ княземъ Мапвеловымъ.

Наконецъ, еще одно народное преданіе разсказываетъ, что Неживый, пока былъ еще гончаромъ у Артема, „все було каже: я хочъ на одынъ день, а буду паномъ“. Теперь послѣ приведен-

---

[1]) Въ большинствѣ случаевъ, какъ увидимъ далѣе, запорожцы, избѣгая большихъ ватагъ, участвовали въ загонахъ и вели партиз. войну вмѣст. всего возстанія.

[2]) Скальковскій. Наѣзды гайдамакъ, стр. 120.

[3]) Кулишъ. Записки о юж. Руси. Ч. I, стр. 278.

[4]) Bunt hajdamaków. Pamiętnik Lippomana, стр. 18.

ной нами выше характеристики Неживого по даннымъ о его дѣятельности, мы можемъ заключить, что не о заурядномъ шляхетскомъ панствѣ могъ онъ мечтать и что онъ только страстно желалъ имѣть возможность устроить въ своемъ краѣ порядокъ, отвѣчающій его убѣжденіямъ. Быть можетъ, нѣкоторымъ оправданіемъ такого нашего предположенія можетъ служить слабый намекъ въ документахъ на то, что въ отпятомъ у поляковъ Каневѣ онъ завелъ свои экономическіе порядки. Такъ, въ донесеніи императрицѣ Екатеринѣ о каневскомъ [1]) дѣлѣ Румянцевъ писалъ 19 іюня 1768 г.: „Губернаторъ (каневскій) Новицкій показалъ... что, когда изъ мѣстечка Канева полковникъ Зеллеръ съ жолнерами бѣжали за границу россійскую, то запорожцы гнались за ними по Днѣпру лодками и, настигши, нѣкоторыхъ предали смерти, и возвратясь живутъ и до днесь въ мѣстечкѣ Каневѣ, *учреждая тамъ порядки экономическіе, къ чему уже и опредѣленъ отъ нихъ экономомъ изъ тамошнихъ жителей городовой писарь греческаго исповѣданія*“.

Яковъ Швачка.

Гайдамацкій ватажокъ *Яковъ Швачка* игралъ въ движеніи 1768 года не менѣе важную роль, чѣмъ и два предъидущіе. Объ этомъ согласно свидѣтельствуютъ не только польскіе мемуаристы той поры, но и народныя пѣсни. Нужно однако помнить, что и тѣ, и другія даютъ намъ о немъ свѣдѣнія далеко неполныя и неточныя, причемъ неполнота и неточность свѣдѣній мемуаристовъ должны быть объяснены тѣмъ, что главная дѣятельность Швачки сосредоточена была въ мѣстности, гдѣ не было или почти не было интеллигентныхъ наблюдателей, вслѣдствіе бѣгства оттуда всего шляхетства, и писали о немъ по слухамъ издалека, а фактическія недостатки въ пѣснях—обычное естественное явленіе народныхъ поэтическихъ произведеній, цѣнность которыхъ заключается не въ документальной точности, но въ цѣльности даваемыхъ ими образовъ и въ вѣрности передачи настроенія народа въ тѣ или другіе моменты исторической жизни.

[1]) Переписка гр. П. А. Румянцева. „Кіевск. Стар.“ 1882 г., кн. 9, стр. 542.

Чтобы устранить изъ матеріаловъ о Швачкѣ всякія невѣрности, нужны, конечно, документальныя данныя о той порѣ. Какъ кажется, имѣющіяся у насъ судебныя дѣла изъ Кодненской книги могутъ послужить отчасти для этихъ цѣлей.

Прежде всего намъ важно знать, гдѣ была сосредоточена дѣятельность Швачки и много ли людей было въ его ватагѣ. На такого рода вопросы отвѣчаетъ намъ бывшее въ кодненскомъ судѣ дѣло Олексы Яхименка [1]).

Олекса Яхименко родился и жилъ въ селѣ Яцкахъ въ Васильковщинѣ. Во время крестьянскаго движенія присталъ къ ватагѣ Швачки, когда этотъ послѣдній появился въ Фастовѣ и сталъ зазывать къ себѣ козаковъ изъ ближайшей округи. Впервые въ возстаніи Олекса Яхименко принялъ участіе, когда вся ватага Швачки двинулась въ с. Гребинки въ той же Васильковщинѣ (с. василък. у. при рч. Роткѣ къ с. отъ Бѣлой Церкви). Тамъ Яхименко убилъ пятерыхъ шляхтичей, причемъ изъ убитыхъ этихъ зналъ онъ только двухъ, пана Симашка и пана Кондрацкаго, остальные же были ему неизвѣстны даже по имени. Потомъ Яхименко принималъ еще участіе въ убійствѣ васильковскаго губернатора Сташевскаго и его мазура Стапгрила. Что же до убійствъ въ Фастовѣ, куда ватага Швачки снова вернулась, то ихъ, по показанію Яхименка, совершено тамъ безъ счету. Изъ Фастова Швачка двинулся къ Бѣлой Церкви, куда, какъ извѣстно, попрятались тѣ изъ окрестныхъ пановъ, которые не успѣли уѣхать въ Бѣлостокъ и другія, болѣе безопасныя убѣжища. Впрочемъ обстоятельства показали, что Бѣлая Церковь, благодаря своему замку, расположенному на горѣ, окруженной валами, оказалась пунктомъ довольно надежнымъ въ смыслѣ убѣжища. По крайней мѣрѣ уже Желѣзнякъ послѣ слабой попытки отказался отъ мысли овладѣть ею и предпочелъ продвинуться на югъ. Теперь снова Швачка не рѣшился атаковать этого города, хотя въ отрядѣ его было, по показаніямъ Яхименка, не менѣе 1000 человѣкъ; Яхименко при этомъ прямо говоритъ, что страхъ удержалъ гайдамакъ отъ аттаки. Отсту-

[1]) Кодн. кн., стр. 49, 5.

пили они къ с. Блощинцы (с. васильковскаго у. при рч. Узинѣ, къ В. отъ Бѣлой Церкви) и тутъ наткнулись на москалей, очевидно—на отрядъ полковника Протасьева. Кто изъ насъ,—говоритъ Яхименко,—погибъ въ побоищѣ, кто убѣжалъ, человѣкъ же 500 было забрано въ Кіевъ, гдѣ насъ держали около года, а потомъ однихъ отправили въ ссылку, а другихъ отпустили". Яхименко былъ въ числѣ послѣднихъ и изъ Кіева вернулся въ Яцки къ отцу, а тамъ былъ арестованъ паномъ Кондрацкимъ, сына котораго онъ убилъ. Военно-судная коднепская коммиссія приговорила его къ двумъ ударамъ ремнемъ и обезглавленію.

Изъ изложеннаго мы прежде всего видимъ, что Швачка дѣйствовалъ по всей Васильковщинѣ, начиная отъ Фастова и кончая Блощинцами.

Свѣдѣнія эти подтверждаются одною изъ реляцій графа Румянцева о дѣйствіяхъ посланнаго имъ противъ гайдамакъ отряда полковника Протасьева. По словамъ реляціи [1]), Протасьевъ, пройдя въ „Польшу", наткнулся на два значительныхъ скопища гайдамакъ—на одно подлѣ села Блощинцы и на другое—подъ Богуславомъ. Оба скопища онъ, Протасьевъ, разбилъ, причемъ оказалось, что ватагой въ Блощинцахъ командовалъ ватажокъ Журба, а въ Богуславѣ—Швачка. Послѣднее какъ будто не сходится съ приведенными показаніями Яхименка, который не говоритъ о Журбѣ, а только о Швачкѣ, но это произошло, вѣроятно, оттого, что вся ватага называлась ватагой Швачки и только къ послѣдній моментъ ея существованія Швачка раздѣлилъ ее на-двое, причемъ въ отдѣленной меньшей части ватажкомъ поставилъ Журбу.

Такое предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что Швачка имѣлъ у себя, по словамъ Яхименка, при подступѣ къ Бѣлой Церкви до 1000 человѣкъ, между тѣмъ, по реляціи Румянцева, Протасьевъ въ Блощинцахъ имѣлъ дѣло съ 300 гайдамаковъ и подъ Богуславомъ тоже съ нѣсколькими сотнями, что въ общей сложности и могло дать до тысячи душъ. Совсѣмъ невѣрно въ по-

---

[1]) Реляція эта приведена у М. А. Максимовича. См. Сочиненія его, т I, стр. 615—616.

казаніяхъ Яхименка только число плѣненныхъ Протасьевымъ; онъ опредѣляетъ это число въ 500 человѣкъ. Между тѣмъ по реляціи Румянцева подъ Блощинцами убито было 30 гайдамакъ да поймано 64, а подъ Богуславомъ—68; итого, значитъ, плѣнено—132 человѣка. Цифрамъ же этимъ, какъ кажется, можно больше вѣрить, чѣмъ цифрѣ Яхименка, такъ какъ, конечно, не въ интересахъ Румянцева, а тѣмъ болѣе Протасьева, было умепьшить число гайдамакъ, взятыхъ русскими въ плѣнъ.

Но ограничивъ районъ дѣятельности Швачки одной Васильковщиной, мы тѣмъ самымъ вступаемъ въ противорѣчіе съ извѣстнымъ утвержденіемъ польскихъ мемуаристовъ, будто Швачка былъ сподвижникомъ Желѣзняка и Гонты въ Умани, и будто онъ вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ 18 іюня, какъ и Неживый, бѣжалъ оттуда послѣ того, какъ Желѣзнякъ понялъ, что ген.-маіоръ Кречетниковъ затѣваетъ противъ него что-то недоброе. Но такое противорѣчіе можетъ, кажется, насъ не стѣснять. Польскіе мемуаристы для придапія большей грандіозности уманской рѣзнѣ могли вписать въ товарищи Желѣзняку и Гонтѣ цѣлый рядъ людей, а въ томъ числѣ и Швачку.

Между тѣмъ соучастіе Швачки въ уманской рѣзнѣ прямо должно быть отрицаемо на основаніи реляціи графа Румянцева отъ 15 іюля 1768 г. [1]), въ которой между прочимъ читаемъ: ...„который (Швачка) послѣ допросовъ показалъ, что они будто отъ Запорожскаго полковника Максима Желѣзняка съ атаманомъ Неживымъ посланы по всей польской Украинѣ для истребленія поляковъ и жидовъ, которыхъ они во многихъ мѣстахъ истребили, а Желѣзнякъ сію посылку якобы чинилъ по указу; въ ватагу же приставали польскіе разнаго званія люди и козаки; третья же партія (первая Швачки, вторая Журбы), по показанію сего пойманнаго атамана (Швачки), съ атаманомъ Неживымъ, нынѣ находится въ Чигиринѣ, а самъ полковникъ съ большою партіею въ Умани“.

Не очевидно ли, что если бы Швачка вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ бѣжалъ изъ-подъ Умани 18 іюня совершенно разбитый,

---

[1]) Максимовичъ. Сочиненія, т. I, стр. 616.

то онъ не могъ бы уже къ началу іюля собрать ватагу въ 1000 душъ, перебить съ нею массу шляхтичей и жидовъ и затѣмъ сообщить на допросѣ все вышеприведенное о Желѣзнякѣ и Неживомъ? Ясно—все это могъ сказать Швачка только при условіи, что онъ не былъ подъ Уманью вовсе и свое назначеніе дѣйствовать самостоятельно въ указанной мѣстности получилъ отъ Желѣзняка еще до умапской рѣзни, равно какъ и Неживый. А что допросъ Швачки и ранѣе его поимка случились именно въ началѣ іюля—это доказывается ссылкою Румянцева въ своей реляціи на рапортъ Протасьева отъ 9 іюля.

Ограничивая дѣятельность Швачки васильковскимъ или бѣлоцерковскимъ райономъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не ведемъ его и въ Смѣлянщину. О пребываніи Швачки въ этой послѣдней и о поимкѣ его русскими подъ Смѣлой въ лозахъ заключилъ впрочемъ только г. Кулишъ [1]) со словъ своего разскащика Кондрата Таранухи Смѣлянскаго, который, говоря о гибели Швачки, выразился такъ: „тогда стійчыки, що замку стереглы, застукалы йихъ *отъ-тутъ* въ лозахъ“. Но въ данномъ случаѣ, по справедливому утвержденію Максимовича [2]), это своего рода licentia poëtica, тѣмъ больше, что тотъ же Тарапуха въ пѣснѣ о Швачкѣ пѣлъ, что его повезли изъ Богуслава.

По уясненіи вопроса о мѣстѣ дѣятельности Швачки, о времени взятія его въ плѣнъ и о числѣ его ватаги, мы далѣе естественно больше всего интересуемся тѣмъ, что онъ дѣлалъ. Что завѣтной цѣлью его было добыть такое крупное польское гнѣздо, какъ Бѣлая Церковь, гдѣ спряталось не мало шляхты и жидовъ—это очевидно и изъ тѣхъ документовъ, которые мы выше привели. Но за явной невозможностью осуществить эту цѣль даже при тысячной ватагѣ. Швачка, очевидно, выжидалъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ и, выжидая, истреблялъ шляхту и жидовъ исподволь, по мѣрѣ того, какъ ему ихъ доставляли крестьяне той округи, гдѣ онъ дѣйствовалъ. Устроилъ онъ свою главную квартиру, такъ сказать, въ Фастовѣ, и туда то были

---

[1]) Кулишъ. Записки о Южн. Руси т. I. Оглавленіе XVI и текстъ стр. 135.

[2]) Максимовичъ. Сочиненія, т. I, стр. 615.

приволакиваемы на убійство шляхтичи и жиды обоего пола и разныхъ возрастовъ. Въ книгѣ кодненскаго суда есть нѣсколько указаній относительно такой дѣятельности крестьянъ. Такъ, крестьянинъ села Скреловки Олекса Кочубай [1]) былъ поставленъ своей громадой на „сторожу“, чтобы изловить собиравшихся убѣгать шляхтичей, супруговъ Ольшевскихъ и зятя ихъ Русецкаго съ женой и четырьмя дѣтьми. Кочубай дѣйствительно устерегъ ихъ, и тогда крестьяне той же Скреловки, Василій Ющенко и Кузьма Ткаченко, по распоряженію громады, отвезли ихъ въ Фастовъ; за это громада черезъ Кузьму Антоненка уплатила каждому по 7 копеекъ. На военно-судной коммиссіи всѣ три, конечно, были приговорены къ обезглавленію рукою палача. Кромѣ того, Ткаченко Павло, сынъ Нечипора ткача, изъ села Веприка, будто бы помогъ гайдамакамъ, везшимъ поляка на убійство въ Фастовъ, поймать вырвавшагося у нихъ коня, а потомъ, когда гайдамаки зашли пить горилку въ шинокъ, стерегъ шляхтича, оставшагося на возѣ. Этотъ Ткаченко попалъ на кодненскій судъ, благодаря доносу эконома своего села и почему-то цѣлой громады. Военно-судная коммиссія однако остановила это дѣло ad resolutionem. Когда Ющенко и Кузьма Ткаченко привезли Ольшевскихъ и Русецкихъ въ Фастовъ, Швачка всѣхъ ихъ поубивалъ, кромѣ двухъ дѣвочекъ. Этимъ онъ даровалъ жизнь, но велѣлъ окрестить.

Устроивъ въ Фастовѣ настоящую человѣческую бойню, на которой, по свѣдѣніямъ кодненской военно-судной коммиссіи, въ короткое время было заклано 700 человѣческихъ жертвъ [2]), Швачка долженъ былъ позаботиться о томъ, какими силами хоронить трупы, чтобы они не заражали воздуха при гніеніи, да и о томъ, какъ вести процессъ убиванія. О преданіи труповъ землѣ естественно должна была заботиться и фастовская громада. Свѣдѣнія на этотъ счетъ мы получаемъ изъ бывшаго на кодненскомъ судѣ дѣла нѣкоего Грицька Васюка. Оказывается, что при убиваніи своихъ жертвъ Швачка завелъ такой порядокъ:

---

[1]) Кодн. кн. стр. 538—539.

[2]) Кодн. кн. стр. 419—420.

каждаго привезеннаго шляхтича онъ собственноручно билъ по лбу тяжелымъ обухомъ и затѣмъ уже омертвѣлаго отдавалъ добивать своимъ гайдамакамъ. Тѣ производили окончательную расправу и при этомъ сдирали съ труповъ и цѣнныя вещи, и все вплоть до сорочки; цѣнныя вещи чаще попадались на жидахъ зашитыми въ платье. Преданіемъ же труповъ землѣ гайдамаки да и крестьяне считали унизительнымъ для себя заниматься— и для этого дѣла фастовская громада созывала „старцивъ торбишпыкивъ“. Между послѣдними подчасъ попадались тоже изрядные мародеры, и если только трупъ поступалъ къ нимъ не въ конецъ ограбленнымъ, они живились этими остатками и при этомъ иной разъ находили и цѣнныя вещи. Въ добавокъ, желая выслужиться передъ Швачкой, нѣкоторые изъ старцивъ оттаскивали свѣжіе трупы шляхтичей на пожраніе псамъ. Однимъ изъ такихъ старцивъ-торбишпыкивъ—и былъ фигурировавшій на кодненскомъ судѣ упомянутый выше Грыцько Васюкъ. Трупы шляхтичей онъ, по его словамъ, только погребалъ, а не отдавалъ псамъ на пожраніе, да и ограбленіемъ убитыхъ не занимался; если же при немъ найдены золотые галуны отъ жидовскихъ одеждъ, то галуны эти онъ нашелъ на дорогѣ. Поэтому, показаніе нѣкоего Осадчого, будто онъ, Васюкъ былъ однимъ изъ ревностныхъ слугъ Швачки, совершенно ложно. Однако кодненская судная коммиссія не повѣрила Васюку и, чтобы вызвать въ немъ сознаніе, подвергла первой степени пытки—битью кнутами. Но и послѣ этого Васюкъ остался при прежнемъ своемъ показаніи. На вопросъ судной коммиссіи, по сколько Швачка платилъ крестьянамъ за каждаго привезеннаго пана, Васюкъ отвѣтилъ, что вообще онъ не слышалъ, чтобы крестьяне брали вознагражденіе за доставленныхъ пановъ и жидовъ, но въ одномъ случаѣ, дѣйствительно, Швачка отблагодарилъ привезшаго, отдавъ ему кобылу и вола того самаго пана, который былъ привезенъ на убійство. Этотъ крестьянинъ былъ изъ села Палапичинецъ и назывался Семенъ Куцопалъ. Къ чему въ Кодиѣ приговорили Васюка—изъ документа не видно.

Мрачнымъ, озлобленнымъ, почти никого не щадящимъ выступаетъ Швачка и въ другомъ имѣющемся у насъ документѣ,

касающемся времени его пребыванія въ Бѣлоцерковщинѣ. Этотъ другой документъ [1]) заключаетъ въ себѣ показанія Яна Весніовскаго, служившаго у Швачки за хлопца, подобно тому, какъ братъ его Василій Весніовскій (о немъ рѣчь еще впереди), служилъ хлопцемъ у Желѣзняка. Янъ Весніовскій былъ не лучше брата своего, клеветавшаго на людей. Это были шляхетскіе отпрыски съ самыми дурными задатками. Янъ Весніовскій, впрочемъ, превзошелъ даже своего брата, такъ какъ изъ показаній его въ коднепскомъ судѣ видно, что на обязанности его лежало разстрѣливать козаковъ и гайдамакъ по первому приказанію Швачки. Мы видимъ, такимъ образомъ, что Швачка не терпѣлъ противорѣчій со стороны своихъ людей, и что онъ не стѣсняясь прибѣгалъ къ уничтоженію ослушниковъ его воли, для чего и имѣлъ спеціальнаго исполнителя въ лицѣ Яна Весніовскаго.

При такихъ особенностяхъ Швачки, народная память сохранила о немъ представленіе, какъ о человѣкѣ сильномъ, опасномъ для враговъ православія и свободы. Подвиги его даже преувеличили, приписали ему то, чего не было,—захватъ имъ Бѣлой Церкви. Но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне безчеловѣчное отношеніе Швачки къ павшимъ врагамъ, его глумленіе надъ ними—все это заставляло народныхъ пѣвцовъ приходить въ содроганіе и не одобрять за это Швачки. Вотъ пѣсня [2]), гдѣ все это было высказано:

Да не буде краще, да не буде лише
Якъ на тій Украини,
Що не буде жыдивъ, що не буде ляхивъ,
А третьей унін!
Ой не звить мене да Швачкою,
А зовить мене Кійло!
Позаганявъ жыдивъ, позаганявъ ляхивъ
Въ Билу Церкву на стійло.
Ой вже жъ тая да Билая Церква
Да обтая кытайками;
Ой теперъ вона да завойована
Да славними козакамы!
Ой хвалывся батько Швачка
Да до Хвастова йдучы;

[1]) Кодн. кн. стр. 475.

[2]) Максимовичъ. Сочиненія, т. I, стр. 613.

„Ой будемо драты, панове молодци,
Изъ кытайки онучы!“
Да ходыть Швачка да по Хвастови
Да у жовтыхъ чоботяхъ;
Ой вывишавъ жыдивъ, ой вывишавъ ляхивъ
Да на панськыхъ воротахъ.
Да ходыть Швачка да по Хвастови,
Да ставъ соби въ кутку:
„Ой не мае жыдивъ, ой не мае ляхивъ,—
Охъ мій тяжкій смутку!...
Да пишли старци-торбишныки
Да сталы ляшкивъ быты:
Ой не подобае, панове молодци,
Зъ нежывого глумыты!“

Что Швачка своею дѣятельностью и своею личностью произвелъ сильное впечатлѣніе на своихъ современниковъ—подтвержденіемъ этому служитъ не только народная поэзія, но и документальныя данныя о появлявшихся въ разныхъ мѣстахъ самозванцахъ, принимавшихъ на себя имя Швачки. Такъ, въ Кодненской книгѣ мы находимъ цѣлый рядъ положительныхъ бытовыхъ картинъ о похожденіяхъ испившагося бездомнаго бродяги Осипа Мытинскаго, двоюроднаго брата Якова Швачки по матери; въ этихъ картинахъ яркою чертою проходитъ желаніе Мытинскаго импонировать другимъ то своимъ родствомъ съ Швачкой, то просто его именемъ, которое онъ безцеремонно принималъ.

Особенной близости съ этимъ Мытинскимъ у Швачки не было, но все же Мытинскій былъ въ его ватагѣ и однажды даже вмѣстѣ съ нимъ самимъ недалеко отъ московской границы у Триполья напалъ на турецкихъ купцовъ изъ арнаутовъ, причемъ Швачка убилъ тогда двухъ купцовъ, а Мытинскій—одного; хотѣли они потомъ вмѣстѣ же воспользоваться товаромъ изъ пяти брикъ, покинутыхъ погоничами послѣ убійства купцовъ, но въ этомъ имъ помѣшали москали, вдругъ явившіеся на мѣстѣ происшествія и все захватившіе въ свои руки. Кромѣ того, оставаясь въ ватагѣ Швачки недѣли двѣ, Мытинскій по его приказу подъ Володаркой (м. сквир. у. при р. Роси, къ ЮВ. отъ у. города) убилъ двухъ жидовъ. Когда же отрядъ Швачки былъ разбитъ подъ Богуславомъ Протасьевымъ, то въ числѣ плѣнныхъ былъ вмѣстѣ съ Швачкой и Мытинскій. Какъ и всѣхъ

тогда захваченныхъ, Протасьевъ препроводилъ и Мытинскаго въ Кіевъ, конечно, не придавая ему бо́льшаго значенія, чѣмъ другимъ. Въ Кіевѣ Мытинскій просидѣлъ съ годъ, былъ свидѣтелемъ того, какъ тамъ Швачку „покнутовали“, какъ ему „пошарпали“ носъ и какъ затѣмъ отправили его въ ссылку. Мытинскій же послѣ годичнаго заключенія былъ отпущенъ — и съ этого момента начинаются его странныя похожденія.

Онъ направился изъ Кіева, очевидно, на родину. Родина же его была въ Краснловѣ (м. старокопстантиновскаго у. близъ р. Случи къ ЗЮЗ отъ у. города). Благополучно дошелъ онъ до Очеретной и Погребищъ (м. бердичевскаго у. при р. Роси на ЮЗ. отъ у. города), причемъ совершилъ этотъ путь чуть не въ полгода, очевидно ради пропитанія останавливаясь работать то тамъ, то сямъ. Но за Погребищемъ счастіе его покинуло, и вблизи Босаго брода его арестовали умапскіе надворные козаки, препровождавшіе какого-то арестанта въ Кодню. Отсутствіе у Мытинскаго какого бы то ни было письменнаго вида, надѣтый на немъ шляхетскій черный жупанъ, при неудовлетворительности остальнаго костюма, нспитой видъ—все это, очевидно, сдѣлало его подозрительнымъ въ глазахъ команды, ведшей арестантовъ. Въ Кодиѣ предъ военно-судной коммиссіей Мытинскій ловко скрылъ свое участіе въ гайдамацкомъ движеніи, притворясь бродягой-дьякомъ, какихъ было довольно тогда на Украинѣ. Разсказалъ онъ судьямъ, что изъ Краснлова, гдѣ онъ родился и гдѣ отецъ его былъ возпымъ, онъ попалъ въ Кіевъ къ митрополиту и былъ тамъ пѣвчимъ и шафаремъ, что потомъ онъ былъ три года въ Радомыслѣ, полгода въ Гранозѣ у протопопа Заблонскаго, съ которымъ визитировалъ церкви. Передъ арестомъ же онъ не имѣлъ опредѣленнаго мѣста, потому что, заболѣвши въ Грановѣ, долго затѣмъ жилъ въ с. Очеретной и зарабатывалъ кусокъ хлѣба временнымъ дьяконствомъ то въ той церкви, то въ другой. Военно-судная коммиссія, найдя его показанія правдоподобными, признала его бродягой и потому приговорила его за бродяжничество къ 300 ударамъ розогъ подъ висѣлицей.

Наказанія этого Мытинскій однако избѣжалъ, благодаря сердобольной пани Слотвинской, пребывавшей съ мужемъ въ

Кодиѣ и участвовавшей въ пирахъ и забавахъ развлекавшихся въ часы досуга судей. Она упросила послѣднихъ отпустить Мытинскаго небитымъ, и онъ благополучно выбылъ изъ Кодни и снова въ теченіе цѣлаго года дьяконствовалъ на этотъ разъ въ с. Мерополѣ, живя тамъ при церкви и школѣ. Но черезъ нѣсколько времени онъ снова попалъ въ бѣду. Явился онъ однажды въ с. Погорилце, явился въ полночь, когда всѣ спали, и сталъ стучаться къ тамошнему каплану (уніат. священнику) Корнелію Плисовскому. Ему отворили, впустили въ домъ. Ободренный этимъ Мытинскій сталъ смѣлѣе.

— Вы и не знаете, какого гостя принимаете? спросилъ онъ и затѣмъ потребовалъ, чтобы ему изъ корчмы принесли горилки.

Плисовскій за горилкой въ корчму не послалъ, но до свѣта угощалъ гостя своей горилкой и самъ съ нимъ пилъ. За попойкой или разговоры, а, кромѣ того, для увеселенія гостя былъ позванъ мѣстный дьякъ для пѣнія. Въ разговорахъ гость похвалялся, что онъ Осипъ Швачка, братъ извѣстнаго ватажка, и что у него есть подъ Хмельникомъ 5000 человѣкъ, съ которыми онъ и будетъ рѣзать шляхту и жидовъ на всемъ протяженіи отъ предгорья у Бродъ до Днѣпра. Каплана же Плисовскаго онъ обѣщалъ при этомъ попадить въ благодарность за его гостепріимство и для огражденія его отъ непріятныхъ случайностей выдалъ ему „либертацію“. Охранную грамоту эту онъ выразилъ желаніе тутъ же написать. Началъ онъ дѣло съ подписи и подписался генераломъ Быловымъ, сказавъ, что такъ велѣла ему впредь называться русская императрица. Текстъ же либертаціи былъ вслѣдъ затѣмъ написанъ такой: Libertacya dana popowi Pohorylskiemu od tegoż Szwaczki. Byl zdes Josef Szwaczka w domu u przewielebnego xiędzia Kornalyia Plisowskiego w Pohoryley. Ten będący ubogim zawolany iest u nayiasnieyszey Monarchini carowey Katarzyny Alexyiowny Generalem Bylowym, żadney krzywdy nie wczynil tylko odpoczol y poszedl ubogą“.

Пока все это совершалось въ домѣ каплана, разсвѣло, и капланъ поторопился донести о своемъ страшномъ гостѣ въ погорильскій дворъ, гдѣ „диспозиторомъ“ состоялъ московскій по-

ручикъ Карабинернаго полка. Услышавъ про гультая, поручикъ вытребовалъ его къ себѣ, причемъ посланные поручика нашли Мытинскаго уже не у каплана, а въ корчмѣ. Послѣ краткаго допроса поручикъ отправилъ его подъ стражей къ другому своему товарищу въ с. Ягодинцы, а ягодинскій поручикъ въ свою очередь въ команду въ Меджибожъ (м. летичев. у., при впаденіи р. Бужка въ Бугъ, къ ЗСЗ отъ у. города), куда для очной ставки съ арестованнымъ былъ вытребованъ и обвинитель его, капланъ Плисовскій. Но послѣ допросовъ Мытинскій былъ русской командой отпущенъ: быть можетъ, тамъ нашли излишнимъ вторично задерживать человѣка, разъ онъ былъ отпущенъ на свободу кіевскими властями. Мытинскій же послѣ этого успѣлъ совершить новый рядъ похожденій и вновь попасть на судъ въ Кодню уже по обвиненію въ гайдамачествѣ.

Новыя его похожденія заключались, по его признанію, въ слѣдующемъ. Изъ Меджибожа попалъ онъ въ Любаръ (м. новградволынскаго у., на р. Случѣ, на Ю. отъ у. города) и тамъ повторялъ всѣ тѣ же похвальбы свои, что высказывалъ и въ Погориломъ. И въ Любарѣ опять объявилъ онъ себя братомъ Швачки, сбирающимъ большую ватагу противъ шляхты и жидовъ, но здѣсь впрочемъ еще добавлялъ, что съ ватагой своей онъ прежде всего разсчитываетъ напасть на турецкую границу, и что если турокъ на границѣ не окажется, то тогда уже займется вырѣзываніемъ шляхты и жидовъ. Похвальбы эти Мытинскій въ Любарѣ высказывалъ между прочимъ предъ студентами, ночуя въ тамошней школѣ, и студенты, слушая его и глядя на его невзрачную фигуру, по его собственному утвержденію, смѣялись надъ нимъ. Въ другихъ же мѣстахъ, по словамъ его, слушатели его гайдамацкихъ рѣчей начинали перешептываться между собой, и въ такихъ случаяхъ онъ, Мытинскій, спѣшилъ уйти по добру по здорову, боясь ареста. Но, очевидно, такіе слушатели, которымъ гаданія Мытинскаго о новой рѣзнѣ среди шляхты и жидовъ были непріятны, попадались не часто. По собственному его показанію, къ похвальбамъ именемъ Швачки и пятью тысячами заготовленныхъ гайдамакъ онъ прибѣгалъ между прочимъ потому, что его за это поили и кормили. „То

mowił aby mu wszędy dali iesc y pic", „chodzil ode wsi do wsi y to samo gadał, aby pił y iadł"—вотъ подлинныя слова Мытинскаго на судѣ.

И вотъ это-то свидѣтельство Мытинскаго о томъ, что всѣ его охотно слушали, когда онъ объявлялъ себя братомъ Швачки и говорилъ о сборахъ своихъ продолжать его дѣло, служитъ намъ яснымъ подтвержденіемъ того, что имя Швачки всѣхъ заставляло думать о возможности при помощи такихъ людей, какъ онъ, когда-нибудь избавиться отъ польско-жидовскихъ обидъ. То же имя Швачки давало поэтому бездомнымъ бродягамъ пріютъ и кусокъ хлѣба. А такое значеніе имѣютъ въ жизни только имена людей, произведшихъ сильное впечатлѣніе на своихъ современниковъ.

Дѣло Мытинскаго, замѣтимъ мимоходомъ, можетъ для насъ имѣть интересъ и въ другомъ отношеніи; изъ него мы узнаемъ, что близкіе родичи Швачки были родомъ съ Волыни; по крайней мѣрѣ Мытинскій, бывшій двоюроднымъ братомъ Швачки по матери (cioteczny brat) родился въ Красиловѣ (старокост. у., близъ р. Случи, къ ЗЮЗ отъ у города). Не тамъ ли поэтому была и родина самого Швачки?

Не менѣе интереснымъ подтвержденіемъ мысли, что Швачка произвелъ глубокое впечатлѣніе на народъ, служитъ еще и другое дѣло, возникшее нѣсколько позже дѣла Мытинскаго на самой московской границѣ, въ Кіевщинѣ, вблизи нѣсколькихъ россійскихъ форпостовъ. Дѣло это извлечено нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ архива кіевскаго губернскаго правленія [1]) и заключается въ слѣдующемъ.

Въ концѣ 1768 года нѣсколько жителей прилегающихъ къ Кіеву селъ и нѣсколько кіевлянъ, пріѣхавъ въ Борщаговку (кіев. уѣзда) на тамошній монастырскій дворъ, вмѣстѣ съ живущимъ въ томъ дворѣ монахомъ Лопушинскимъ устроили попойку, во время которой для потѣхи палили изъ ружей. Въ пьяной бесѣдѣ зашла у нихъ, между прочимъ, рѣчь о томъ, что въ праздникъ Зачатія Пресвятыя Богородицы въ польскомъ селѣ Игнатовкѣ

[1]) Дѣло о грабежѣ въ имѣніяхъ польскаго князя Шуйскаго. Стр. 169 -715.

предстоитъ большая ярмарка, и что на ярмаркѣ этой недурно бы ограбить жидовъ и пановъ. Монахъ Лопушинскій поддержалъ въ перепившихся гультаяхъ зародившуюся мысль о грабежѣ и рѣзнѣ—и они, не долго думая, на подводѣ, тутъ же добытой Лопушинскимъ, двинулись на польскую сторону. Предъ переправой чрезъ границу близъ бѣлогородскаго форпоста они предпочли не спѣшить и передохнуть, при чемъ снова выпили у тамошняго монаха-шафаря; видѣлся тутъ съ ними и бѣлогородскій молодой попъ. Попъ этотъ, вслѣдъ за тѣмъ, раньше гайдамакъ перешелъ черезъ форпостныя рогатки и явился на игнатовскую ярмарку; тамъ онъ, разсказывая съ жидами, договорился между прочимъ и до такой фразы: „я бы вамъ нѣчто сказалъ, но не могу, вскорѣ увидите“. И, дѣйствительно, жиды вскорѣ увидѣли это нѣчто. Въ самую середину ярмарки съѣхали на нѣсколькихъ подводахъ человѣкъ двадцать полупьяныхъ вооруженныхъ гайдамакъ Конечно, ихъ переѣзду черезъ границу въ польскіе предѣлы долженъ былъ бы помѣшать форпостный гарнизонъ въ Бѣлогородкѣ, но этого не случилось. Когда форпостному начальнику поручику Лярскому, пьяному и на этотъ разъ какъ всегда, донесли, что идутъ гайдамаки, то онъ только отвѣтилъ: „пускай идутъ!“—и даже не поднялся на ноги, а остался лежать; солдаты же его не только не сочли нужнымъ по собственному почину помѣшать гультаямъ поживиться на счетъ польскихъ жидовъ и пановъ, но даже дополнили вооруженіе ихъ, поотдававъ имъ копья свои и ружья. Явясь въ Игнатовку, гайдамаки первымъ дѣломъ столкнулись съ молодымъ бѣлогородскимъ попомъ, и онъ, по показанію одного изъ захваченныхъ потомъ русскою властью участниковъ дѣла, „благословилъ имъ грабить“. Само собою разумѣется, на ярмаркѣ съ появленіемъ гайдамакъ поднялась и между торговцами, и между пріѣхавшими покупателями невѣроятная паника; но переполошившихся гайдамаки стали успокаивать, объявляя всѣмъ и каждому, что „греческаго исповѣданія людямъ никакой обиды не учинятъ“. Послѣ этого многіе, кипувшіеся было бѣжать на русскую сторону, остались въ Игнатовкѣ.

Гайдамаки однако и теперь не сразу принялись за разгромъ. Первымъ дѣломъ они сочли нужнымъ прочесть всенародно указъ, дозволяющій имъ рѣзать шляхтичей и жидовъ; указъ былъ вручепъ какому то дьяку, и тотъ громогласно прочелъ его. Тогда то началась рѣзня и грабежъ. Изъ погребовъ выкочены были бочки съ водкой и ее пилъ всякій, кто хотѣлъ. Убито было не менѣе десяти жидовъ. Затѣмъ гайдамаки съ вновь присталшими къ нимъ ярмарочными гультаями послѣдовательно перебывали въ ближайшихъ къ Игнатовкѣ селахъ—въ Гореничахъ, Лучанкѣ, Петрушахъ, Шпиткахъ, Некрашахъ, повсюду оставляя кровавые слѣды. Было не мало звѣрскихъ поступковъ. Такъ, Несторъ, служитель ктитора бѣлогородскаго, „будучи гораздо уже пьянъ“, лежавшаго близъ шинка повитого ребенка полѣномъ убилъ, а потомъ кинулся бить полѣномъ же ранѣе убитую мать ребенка—арендарку шинка изъ ненависти, какъ сказано въ казенной бумагѣ. А одинъ молодой еврейчикъ не былъ добитъ сразу, и нѣкоторые видѣли, какъ онъ, „кишки за собою волоча и глаза необыкновенно выставля“, кричалъ: „добейте меня“; нашелся какой то Лаврентьевъ и изъ жалости ударилъ его дубиной по головѣ, чѣмъ прекратилъ страшныя мученія его. Изъ шляхтичей подвергся крайней свирѣпости губернаторъ с. Гореничъ—Горлицкій: его сперва нещадно били и кололи, а потомъ ватажокъ застрѣлилъ его изъ пистолета.

Въ грабежѣ, который особенно силенъ былъ въ Игнатовкѣ, принимали участіе не одни гайдамаки, но и ярмарковые гости. Въ числѣ послѣднихъ, былъ, между прочимъ, самъ форпостный поручикъ Лярскій; онъ счелъ удобнымъ взять себѣ въ жидовской лавкѣ три пуда свѣжаго сала. Но особенно не положилъ охулки на руки въ данномъ случаѣ молодой бѣлогородскій попъ: онъ взялъ себѣ большой винокуренный котелъ съ трубами, оловянную посуду, шабашковые подсвѣчники и жидовскія „богомилья“, шелковые нагрудники, подушки; сверхъ того, сами гайдамаки дали ему деньгами одинъ рубль за его благословеніе грабить, да еще много хлѣба на бѣлогородскую церковь.

Во всей этой исторіи много воодушевленія придало гайдамакамъ не что иное, какъ имя Швачки. Имя это принялъ на

себя ватажокъ напавшихъ на Игнатовку. Изъ показаній разныхъ лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу объ игнатовскомъ побоищѣ, мы узнаемъ о разглашеніи бѣлогородскимъ городничимъ монахомъ шафаремъ еще за три недѣли до рѣзни о томъ, что „всемилостивѣйшая государыня гайдамацкаго предводителя Швачку изъ-подъ караула соизволила повелѣть выпустить и полковникомъ пожаловать, давъ ему власть поляковъ и жидовъ смертью казнить, и что ему Швачкѣ два ордена даны отобранные отъ генерала-губернатора кіевскаго, по приказанію котораго опой Швачка наказанъ кнутомъ, носъ и уши рваны, за что ему губернатору голова долой". Изъ тѣхъ же показаній узнаемъ, что ватажокъ напавшихъ на Игнатовку собственно назывался Заяцъ, имя же Швачки принялъ на себя по внушенію бѣлогородскаго шафаря. По общему утвержденію, только благодаря такому имени, вокругъ Зайца въ короткій срокъ могла образоваться значительная ватага.

Въ заключеніе, въ виду того, что въ личности Швачки отрицательныя черты перепутывались съ положительными, интересно было бы опредѣлить, какія же изъ этихъ чертъ въ его личности наиболѣе сильное впечатлѣніе производили на его современниковъ. Отвѣтомъ на такой вопросъ въ данномъ случаѣ можетъ намъ послужить сохранившаяся пѣсня народная объ этомъ дѣятелѣ. Въ ней народъ скорбитъ о его гибели, „по ёму засмутылась уся Украина", наконецъ величаютъ его въ ней „батькомъ".

Вотъ эта пѣсня [1]):

Ой, на козаченькивъ на молоденькихъ
Прыгодонька стала,
Що у середу да у въ обяди,
Ихъ Москва забрала.
Ой, якъ крыкнувъ батько Швачка:
„Гей, изъ коней до долу!
Гей, не даймося, панове-молодци
Да у тяжкую неволю!"
А москалыки та недурныи
Да разуму добралы:

[1]) Максимовичъ. Сочиненія. Т. I, стр. 614.

Насамперед батька Швачку
Изъ осаулою звязалы.
Ой извязалы да попаровалы
Да на возы поклалы,
Изъ Богуслава до Билои Церквы
Ихъ у неволю забралы.
Ой, извязалы да попаровалы,
Ой, якъ голубци въ парци!
Ой, засмутылась уся Украина,
А якъ сонечко въ хмарци.
Ой, повезлы да батька Швачку
Да густымы лозамы;
Ой, оглянувся батько Швачка
Да й умывся сльозамы.
Ой вывезлы да батька Швачку
Да у чыстее поле;
Ой, оглянувся батько Швачка:
„Ой, тутъ мени горе!“

Иванъ Бондаренко.

Четвертымъ выдающимся ватажкомъ движенія 1768 года несомнѣнно былъ *Иванъ Бондаренко.*

О Бондаренкѣ знали пока только по небольшой замѣткѣ въ мемуарѣ Липпомана. Пробовали, правда, восполнить этотъ матеріалъ еще свѣдѣніями изъ одного документа запорожскаго архива, но къ сожалѣнію неудачно, такъ какъ документъ этотъ оказывается вовсе къ ватажку Бондаренку не относящимся. Въ виду такой скудости матеріала существеннымъ оказалось появленіе въ печати народнаго разсказа о Бондаренкѣ, дающаго точныя свѣдѣнія и о родинѣ его, и о его гибели. Не лишенными интереса окажутся, быть можетъ, и свѣдѣнія о Бондаренкѣ, извлекаемые нами изъ Коднепской книги.

Наиболѣе существеннымъ документомъ для характеристики Бондаренка въ названной книгѣ является для насъ дѣло нѣкоего Корнія [1]), котораго коднепская коммиссія охарактеризовала эпитетомъ „hultaj z calego swiata rodem“. Въ документѣ заключаются показанія этого Корнія, впослѣдствіи назвавшаго себя Москаленкомъ, причемъ показанія его двоякаго рода—одни добровольныя, а другія—корпоральныя, т. е. данныя подъ пыткой. Въ добровольныхъ показаніяхъ сообщилъ онъ суду только о

[1]) Кодн. кн., стр. 533 и слѣд., а также 537.

своемъ шляхіи по селитряннымъ и поташнымъ заводамъ въ предѣлахъ такъ называемой Дѣдовщизны (теперь часть радомысльскаго и кіевскаго уѣздовъ) и даже Полѣсія и о двухъ трехъ кражахъ своихъ у крестьянъ то свитокъ, то полушубковъ ради заклада ихъ у шинкарей за горилку. Въ корнораль ныхъ же показаніяхъ есть у него и признаніе въ убійствахъ, и цѣлая повѣсть объ участіи его въ ватагѣ Бондаренка.

Изъ словъ Корнія узнаемъ мы, что въ годъ, когда началась на украинѣ „ризанина“ и swywolia, онъ весной состоялъ работникомъ на будѣ ковалевской въ Полѣсіи. Слухъ о swywoli заставилъ его бросить работу и направиться въ Украину. Пошелъ онъ къ Фастову и по дорогѣ попалъ въ Брусиловъ (м. радомысльскаго у., при р. Здвижѣ къ ЮВ. отъ гор.). Выйдя же оттуда, встрѣтился съ Бондаренкомъ, который самъ-четверть ѣхалъ грабить. Конечно, Бондаренку не трудно было склонить Корнія вступить въ его ватагу. Когда тотъ согласился, Бондаренко велѣлъ ему ѣхать за собой въ Брусиловъ, гдѣ снабдилъ его пикой. Въ Брусиловѣ уже Бондаренко показалъ свою удаль, разграбилъ мѣстечко, и Корній при этомъ собственноручно убилъ двухъ жидовъ. Изъ Брусилова поѣхали гайдамаки въ с. Грузькое (кіевскаго у.), мѣсто родины Бондаренка, какъ узнаемъ далѣе. Здѣсь Бондаренко рѣшилъ остаться подольше и заѣхалъ въ домъ попа. Горилка въ эти дни рѣкой текла въ Грузькомъ изъ винницъ панскихъ и жидовскихъ—и веселью народа не было конца. Надо полагать, при этомъ, что ватага Бондаренка состояла тогда уже не изъ пяти человѣкъ, какъ показалъ Корній, а изъ большаго числа. Натѣшившись въ Грузькомъ, Бондаренко направился въ Бышовъ (кіевскаго у., при рч. Лущѣ). Здѣсь онъ ограбилъ и убилъ семерыхъ жидовъ и троихъ шляхтичей, ксендза же велѣлъ повѣсить, но не одного, а рядомъ съ съ псомъ и жидомъ. По собственному признанію Корнія подъ пыткой, это порученіе принялъ онъ на себя. Изъ Бышова пошли въ Андріевку (с. кіевск. у при р. Здвижи) и тутъ между прочимъ ознаменовали свое пребываніе убійствомъ шляхтянки, которую привезъ къ нимъ какой-то крестьянинъ; но прежде чѣмъ ее разстрѣляли, гайдамаки два дня держали ее при себѣ. Далѣе

ограбили они с. Рожовъ (м. радомысльскаго у., на границѣ кіевскаго при р. Здвижѣ) и наконецъ явились въ Макаровъ (м. кіевскаго уѣзда при р. Здвижѣ къ З. отъ Кіева). При самомъ въѣздѣ въ это село имъ попался на встрѣчу жидъ съ женой и тремя дѣтьми, не успѣвшій убѣжать отъ бѣды своевременно. Гайдамаки тутъ же на гребляѣ убили жида и двухъ сыновей его, а третьяго обѣщаніемъ помиловать склонили къ тому, чтобы онъ застрѣлилъ собственную мать; жиденокъ немедленно исполнилъ ихъ требованіе; тогда Бондаренко обѣщалъ окрестить его и взять къ себѣ за хлопца. Въ Макаровѣ Бондаренко перебилъ всѣхъ жидовъ и семь шляхтичей. Оставался онъ тамъ довольно долго, и именно въ Макаровѣ его захватили мѣстные надворные козаки. Во время этой катастрофы Корній успѣлъ благополучно скрыться, и если попалъ на судъ, какъ мы знаемъ, то значительно позже, и то случайно.

Кромѣ дѣла Корнія Москаленка, свѣдѣнія о Бондаренкѣ даетъ намъ еще небольшая судебная отмѣтка коднепскаго суда по дѣлу Грыцька Грущенка [1]) уроженца с. Гулакъ въ той же Дѣдовщизнѣ. Этотъ Грицько Грущенко былъ при Бондаренкѣ въ Макаровѣ, а раньше состоялъ, кажется, надворнымъ козакомъ въ Быковѣ. По собственному признанію его, онъ участвовалъ въ Макаровѣ и въ грабежѣ, и въ убійствахъ, причемъ въ оправданіе свое ссылался на вынужденность своего положенія. По словамъ его, и онъ, и всѣ быковскіе козаки поневолѣ пошли за Бондаренкомъ, такъ какъ будто бы гайдамаки за отказъ идти съ ними грозили имъ смертію. По подобное оправданіе не спасло Грущенка на коднепскомъ судѣ: онъ былъ обезглавленъ.

Въ дѣлѣ этомъ для насъ имѣетъ значеніе еще одно обстоятельство. Грущенко сообщилъ суду между прочимъ, что нѣсколько гайдамакъ изъ ватаги Бондаренка ѣздили куда-то за тремя панами Струтинскими и за какою-то вдовою; сами они этихъ шляхтянокъ не перебили, а отправили почему то въ Фастовъ, очевидно, къ Швачкѣ, гдѣ одной изъ нихъ дарована была жизнь. Быть можетъ, эта отправка панъ въ Фастовъ указываетъ на связь, бывшую между Бондаренкомъ и Швачкой.

[1]) Коди. кн., стр. 540.

Не безполезнымъ оказывается для нашихъ цѣлей и рядъ документовъ въ той же кодненской книгѣ объ убійствѣ въ с. Дымирѣ нѣкоего шляхтича Вонсовскаго [1]). Село Дымиръ недалеко отъ Макарова (Дымиръ—м. кіевск. у. при рч. Цеховкѣ, къ ССЗ. отъ города), поэтому Бондаренку легко было имѣть сношенія и съ жителями Дымира во все продолжительное пребываніе его въ Макаровѣ. Сношенія такія у него и были дѣйствительно, но при этомъ никакъ нельзя утверждать, что убійство пана Вонсовскаго было внушено имъ: въ дѣлѣ нѣтъ опредѣленныхъ слѣдовъ объ этомъ. Сношенія же съ нимъ велъ дымирскій попъ. Изъ показаній дьяка дымирской церкви видно, что попъ ѣздилъ къ Бондаренку въ Макаровъ, причемъ бралъ съ собою Данила Коваля, заставляя его, дьяка, быть погоничемъ. Пріѣзжая къ Бондаренку, попъ долго съ нимъ совѣщался, а о чемъ именно—дьяку не сказывалъ. Но не всѣ дымирскіе жители были такъ смѣлы, какъ ихъ батюшка. Многіе боялись знаться съ Бондаренкомъ, предполагая возможность доносовъ. Первый дьякъ очень неохотно запрягалъ попу коня, когда тотъ бывало собирался въ Макаровъ, такъ что одинъ разъ, напримѣръ, попу пришлось три раза посылать за нимъ, а въ четвертый онъ самъ прибѣжалъ къ нему z wielką furią и ругая его каналіей. То же и два крестьянина, которыхъ попъ посылалъ зачѣмъ то къ Бондаренку, предпочли доѣхать до гребли посреди дороги, пробыть тамъ до вечера и затѣмъ, вернувшись въ Дымиръ, ложно объявить батюшкѣ, что Бондаренка уже нѣтъ въ Макаровѣ. Наконецъ, когда самъ попъ заѣхалъ изъ Макарова послѣ свиданія съ Бондаренкомъ въ с. Бородянку (мѣст. кіевск. уѣзда къ СЗ. отъ Кіева) къ тамошнему протопопу, то этотъ послѣдній, довѣдавшись, откуда пріѣхалъ къ нему гость, прямо не одобрилъ связи съ Бондаренкомъ и сказалъ: „злесте зробылы, бо лядчина якъ була, такъ и буде“. Ясно—въ Дѣдовщизнѣ не было полной увѣренности, что поляковъ можно легко побороть.

Между тѣмъ, если гдѣ, то въ Дѣдовщизнѣ должны были знать враговъ своихъ во-очію; ужъ одно то, что уніатскіе ми-

[1]) Кодн. кн., стр. 529—533 и 440.

трополиты и ихъ офиціалы пребывали въ Радомыслѣ—значитъ не мало. Но и кромѣ того, тамошняя шляхта, какъ говорится, давалась въ знаки. Самое дѣло объ убійствѣ Воисовскаго кой-что говоритъ на этотъ счетъ. Быть можетъ, самое убійство этого мелкаго неважнаго шляхтича, пьянствовавшаго съ пріятелями по корчмамъ, и не носитъ вполнѣ политическаго характера, но во всякомъ случаѣ оно было совершено не изъ-за грабежа, а чуть ли не изъ-за слишкомъ свободнаго отношенія Воисовскаго къ женскому полу. На это указываетъ по крайней мѣрѣ приведенный въ дѣлѣ разговоръ одной дымирской дѣвушки, шедшей къ Кіеву на жнива, съ однимъ изъ крестьянъ, дававшимъ показаніе по дѣлу. Дивчина говорила ему, что еще задолго до смерти пана Воисовскаго она просила войта своего села—„абы старого вывезлы“, и на это войтъ ей отвѣчалъ: „отъ его хлопци на улыци кыямы былы“. Наконецъ панъ этотъ былъ убитъ не въ своемъ домѣ, а въ сомнительной хатѣ 50-ти-лѣтней бабы Мотри Малашихи, у которой какъ разъ въ ночь убійства была въ хатѣ еще какая-то другая женщина, ею приглашенная. А такая обстановка невольно наводитъ на мысль, что панъ Воисовскій былъ человѣкъ распущенный и тѣмъ легко вызвавшій противъ себя ненависть дымирцевъ, которымъ, конечно, отъ легкихъ панскихъ нравовъ не легко жилось на свѣтѣ.

Случай этотъ, повторяемъ, показываетъ, что общее горе не мирило дымирцевъ въ разномъ видѣ, и не недостатокъ его могъ удерживать ихъ отъ связей съ Бондаренкомъ, а только опасеніе за успѣхъ начатаго имъ. Возвращаясь же еще разъ къ дѣлу объ убійствѣ Воисовскаго, замѣтимъ, что предположеніе наше о частномъ характерѣ этого дѣла можетъ встрѣтить нѣкоторое опроверженіе, во-первыхъ, въ томъ обстоятельствѣ, что убійство это, по показаніямъ Малашихи, совершилъ не иной кто, какъ коваль Данило, тотъ самый, что ѣздилъ съ попомъ къ Бондаренку, во-вторыхъ—въ томъ, что ворвался коваль въ хату Малашихи для убійства не одинъ, а вмѣстѣ съ попомъ и еще какимъ-то Опанасомъ Лагоденскимъ, и наконецъ въ третьихъ—въ томъ, что послѣ убійства попъ уѣхалъ за московскую границу, какъ будто избѣгая отвѣтственности. При такихъ же усло-

віяхъ вполнѣ отрицать, что дѣло это устроилось безъ указаній Бондаренка, нѣтъ основаній.

Но оставимъ подробности кодненскихъ документовъ и соберемъ изъ нихъ все наиболѣе существенное для характеристики Бондаренка. Самымъ важнымъ для насъ въ этомъ отношеніи является опредѣленіе района его дѣятельности. Въ первомъ документѣ нашемъ онъ обозначенъ совершенно точно: дѣйствовалъ онъ въ Дѣдовщизнѣ въ нынѣшнемъ радомысльскомъ уѣздѣ и пребывалъ съ своей ватагой въ Брусиловѣ, Грузькомъ, Быковѣ, Андріевкѣ, Рожовѣ и наконецъ Макаровѣ. Далѣе, изъ того же перваго документа нашего видно, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ Бондаренко былъ весной 1768 года, тогда, когда въ разныхъ мѣстахъ на Украинѣ началась рѣзня. Если же такъ, то онъ, вопреки утвержденію Липиомана, ни въ коемъ случаѣ не могъ быть раньше въ ватагѣ Неживого, ибо Неживый самъ дѣйствовалъ въ Черкащинѣ, Чигиринщинѣ и Смѣлянщинѣ именно въ то же весеннее время. Мы получаемъ, такимъ образомъ, въ добавокъ къ Желѣзняку, Швачкѣ и Неживому четвертаго одновременно съ ними дѣйствующаго ватажка и дѣйствующаго притомъ въ отдѣльномъ районѣ.

Наконецъ, что до особенностей самого Бондаренка, то онъ скорѣе по типу близокъ къ Швачкѣ, нежели къ Неживому. И онъ, какъ Швачка, не разбирая средствъ, неуклонно стремится къ достиженію своихъ цѣлей—искорененію уніи, шляхетства и жидовства. Жалость—не изъ тѣхъ добродѣтелей, которыя въ немъ проявляются часто. И дѣло съ жидовскимъ семействомъ подъ Макаровымъ, и убиваніе шляхтянокъ, какъ непосредственно, такъ и via Фастовъ—все это невольно наводитъ на такое заключеніе. Далѣе, онъ опять таки какъ Швачка, а не какъ Неживый, не обращалъ вниманія на нравственныя качества лицъ, вступавшихъ въ его ватагу. Корній Москаленко, этотъ hultaj z calego swiata rodem, былъ въ его ватагѣ чуть не правой рукой его. А по свидѣтельству Грицька Грущенка, приставать къ ватагѣ своей Бондаренко принуждалъ многихъ подъ угрозой смерти, такъ что участіе въ ней быковскихъ козаковъ было будто бы не добровольное. И, если только указанія Грущенка не ложны, то

это опять таки черта, совѣмъ чуждая Неживому. Въ виду всего этого, какъ и въ Швачкѣ, мы видимъ въ Бондаренкѣ человѣка фанатичнаго, раздраженнаго, не терпящаго противорѣчій и готоваго рѣшительно на все для достиженія своихъ цѣлей.

Иныя нѣсколько заключенія сдѣлались о Бондаренкѣ на основаніи давнихъ свѣдѣній о немъ.

Его, напримѣръ, считали какъ бы преемникомъ Неживого послѣ арестованія этого послѣдняго Чорбой. Вслѣдъ за Липпоманомъ [1]) г. Мордовцевъ въ книгѣ своей „гайдамачина“ прямо утверждаетъ [2]), что Бондаренко былъ „предводителемъ шайки, составившейся изъ раздробленныхъ частей шайки Неживого“. Г. Мордовцевъ въ добавокъ считаетъ, что до выступленія въ роли ватажа Бондаренко былъ въ ватагѣ Неживого, разсказываетъ даже, какъ Неживый убѣждалъ Бондаренка пристать къ гайдамачеству въ то время, когда-де этотъ послѣдній жилъ въ с. Чаплинцахъ. И сообщилъ названный авторъ подобныя свѣдѣнія на основаніи показаній гайдамаки Оедора Бондаренка, пойманнаго въ предѣлахъ Вольностей Войска запорожскаго и допрошеннаго въ коніѣ 25 іюня 1768 г. [3]). Пользуясь этимъ документомъ, г. Мордовцевъ передалъ кстати и о прошломъ Ѳедора Бондаренка, принятаго имъ за ватажка. Оказывается, что онъ былъ родомъ изъ села Могулевца Лубенскаго полка чигиринъ—дубровской сотни и еще при жизни отца своего Василія Бондаря переселился въ с. Чаплинцы, гдѣ его сманилъ въ гайдамаки пришедшій будто бы туда Неживый. Далѣе изъ документа г. Мордовцева, или вѣрнѣе Скальковскаго, видно, что Ѳедоръ Бондаренко дѣйствительно былъ въ ватагѣ этого послѣдняго; онъ могъ по крайней мѣрѣ довольно обстоятельно пересказать о ней коню. Послѣ приведенія всѣхъ этихъ свѣдѣній г. Мордовцевъ самъ отмѣтилъ противорѣчіе между показаніями Ѳедора Бондаренка, нигдѣ не говорящаго о своей важной роли ватажка, и утвержденіями Липпомана о томъ, что у Бондаренка была боль-

[1]) Bunt hajdamaków na Ukrainie, стр. 49.

[2]) Мордовцевъ. Гайдамачина, стр. 457.

[3]) О существованіи этого документа знаемъ по книгѣ Скальковскаго „Наѣзды Гайдамакъ“. Стр. 120.

шая орда, что онъ былъ важнымъ ватажкомъ; кромѣ того, нельзя было согласить г. Мордовцеву поимки Бондаренка въ запорожіи съ сообщеніемъ Липпомана, что ватага Бондаренка и онъ самъ были захвачены въ Макаровѣ сотникомъ z dobr korninskich imenia Proskurow dziedicznych, по фамиліи Щербиной.

И дѣйствительно, всѣ эти противорѣчія несогласимы и вызваны они смѣшеніемъ ватажка Бондаренка съ его однофамильцемъ, тоже бывшимъ въ гайдамакахъ, но не ватажкомъ. Ватажокъ Бондаренко былъ Иванъ, а не Оедоръ, какъ это видно изъ документа нашего [1]), гдѣ Иваномъ Бондаренкомъ названо лицо, выступающее ватажкомъ въ предѣлахъ житомирскаго, овручскаго и кіевскаго повѣтовъ и выступающее въ той же роли и въ томъ же районѣ и въ другихъ документахъ нашихъ [2]). Далѣе въ ватагѣ Нежившого, какъ мы уже сказали, ватажокъ Бондаренко быть не могъ, ибо уже весной дѣйствовалъ въ Дѣдовщизнѣ, какъ самостоятельный дѣятель, дѣйствовалъ самостоятельно стало быть тогда, когда въ другомъ районѣ дѣйствовалъ Нежившый. Знаемъ мы въ добавокъ, что и по особенностямъ своимъ личнымъ Бондаренко не могъ быть продолжателемъ Нежившого. Что же до утвержденія польскаго мемуариста о захватѣ Бондаренка козацкимъ сотникомъ Щербиною въ Макаровѣ, то это утвержденіе относится именно къ Ивану Бондаренку, какъ это видно и изъ показаній Корнія Москаленка. Наконецъ мы уже отчасти знаемъ, что и родина ватажка Бондаренка была не въ Могулевцѣ, а въ с. Грузькомъ быковской волости житомирскаго повѣта; полнымъ же подтвержденіемъ этому служитъ народное преданіе, записанное старожиломъ села Грузькаго [3]). Преданія этого во время составленія Мордовцевымъ его книги литература не знала, конечно.

Преданіе, о которомъ рѣчь, доставляя намъ существенныя свѣдѣнія о Бондаренкѣ, даетъ однако о немъ въ то же время нѣсколько иное представленіе, чѣмъ то, какое мы вывели на основаніи судебныхъ документовъ. Въ преданіи Бондаренко пѣ-

[1]) Кодн. кн. стр. 540.

[2]) Ibidem стр. 529—533.

[3]) „Кіев. Стар." 1882 г., кн. 3-я.

сколько идеализированъ народомъ, съ него снятъ тамъ его мрачный обликъ, какъ снятъ онъ въ народныхъ пѣсняхъ и со Швачки. Суть народнаго преданія этого въ слѣдующемъ.

Бондаренко былъ родомъ изъ с. Грузького, гдѣ помѣщикомъ былъ Харлинскій. Въ экономіи опредѣлили Бондаренка, еще когда онъ былъ мальчикомъ, сторожемъ при кухнѣ—и онъ терпѣлъ не мало невзгодъ, оставаясь въ этой роли. Наконецъ онъ сказалъ себѣ: „дай, Боже, ноги,—куда очи глядятъ, туда и дорога“—и попалъ къ Желѣзняку и Швачкѣ. У нихъ онъ встрѣтилъ Нечаенка, который сталъ его неразлучнымъ другомъ. Вскорѣ Бондаренко сдѣлался настоящимъ „лыцаремъ и характерникомъ“, умѣющимъ заговаривать оружіе, такъ что самого его пуля не брала. Собравъ черезъ нѣсколько времени свою ватагу людей, Бондаренко уже въ качествѣ ватажка рѣшился побывать между прочимъ и на своей родинѣ, у матери въ Грузькомъ. Объ этомъ и въ пѣснѣ поется:

Не захотивъ Бондаренко на Украини жыты
Да прыихавъ до Бышова жидивъ ляхивъ быты.
Не багато винъ постоивъ на бышевскимъ мости
Да прыихавъ до Грузькои до матери въ гости.

Въ Грузькомъ встрѣтили Бондаренка хорошо, и священникъ благословилъ его „на все доброе“ У священника въ домѣ и поселился Бондаренко. Никому въ селѣ обидъ онъ не чинилъ; только „шапаря“ (ключника) Яроша за „господыню“ (ключницу) Марыську онъ припугнулъ, а перваго даже велѣлъ ограбить, зная, какимъ нечестнымъ путемъ были нажиты имъ деньги и помня собственныя обиды отъ него. Во все время своего пребыванія въ Грузькомъ Бондаренко „бенкетовалъ“ съ крестьянами, добывая для этого горилку изъ панскихъ складовъ. Тѣхъ однако изъ крестьянъ, у которыхъ были работы, онъ не держалъ при себѣ, и послѣ одного дня пированія далъ имъ опохмѣлиться и отпустилъ. Среди пированія Бондаренко однако не забылъ о своей семьѣ и, чтобы дать матери кой-какія средства, онъ послалъ друга своего Нечаенка съ нѣсколькими гайдамаками въ окрестности Грузькаго на грабежъ—и добычей отъ этого грабежа одѣлилъ мать и родичей, посовѣтовавъ имъ перемѣнить

фамилію и уѣхать за московскую границу. Когда ему привели маленькаго сына помѣщика, то онъ погладилъ его по головѣ и далъ ему пряникъ. Бабѣ, которая его принесла, велѣлъ его беречь, говоря: „вѣдь будетъ же онъ вашимъ паномъ“. Ушелъ Бондаренко изъ Грузького, по словамъ преданія, послѣ того, какъ туда явился отрядъ польскихъ гусаръ, чего, какъ мы знаемъ, на самомъ дѣлѣ не было. Съ этими гусарами Бондаренко будто бы даже вступилъ въ бой, о чемъ и въ пѣснѣ поется:

Напхалы гусары Грузьку палыты,
Бондаренко зъ Нечаенкомъ сталы боронысты
Нечаенко на дзвинныцю михъ пороху тягне,
Бондаренко въ правій руци рушныцю готуе.
Ой, якъ стрелыъ Нечаенко—коныка пидстрелывъ,
Ой, якъ стрелывъ Бондаренко—гусарыка встрелывъ
Ой, рушылы гусары зъ Грузькои втикаты—
Бондаренко зъ Нечаенкомъ сталы доганяты.

Послѣ этого фантастическаго эпизода разсказывается далѣе въ преданіи о приходѣ Бондаренка въ Макаровъ и о захватѣ его тамъ козацкимъ сотникомъ Щербинаго изъ Корнина, что, какъ мы уже знаемъ, подтверждается и Липпоманомъ, и нашимъ документомъ. Наконецъ, въ заключеніе передается въ преданіи о казни Бондаренка въ Чернобылѣ, что дѣйствительно состоялось по приговору доминіальнаго суда.

И такъ, въ народномъ преданіи Бондаренко вовсе не фанатичный ненавистникъ своихъ враговъ: онъ щадитъ сына пана своего, хотя и предвидитъ въ немъ будущаго пана; онъ даже не мститъ смертію своимъ злѣйшимъ врагамъ, „шапарю“ и „господынѣ“, а ограничивается тѣмъ, что напугалъ ихъ обоихъ; онъ, наконецъ, хорошій семьянинъ. Такой Бондаренко, конечно, не похожъ на характеризованнаго нами историческаго, допустившаго на своихъ глазахъ матереубійство по принужденію гайдамакъ, избивавшаго также всѣхъ своихъ враговъ направо и налѣво и даже женщинъ. Но разница подобная между Бондаренкомъ кодненскихъ актовъ и народнаго преданія и пѣсенъ не должна насъ поражать. Народу тяжело было вспомнить объ отрицательныхъ чертахъ своихъ защитниковъ, о чертахъ, нарушавшихъ цѣльность рисовавшагося уму чистаго образа борцовъ за вѣру и правду.

Гайдамацкіе загоны.

Возвращаясь къ указанной нами въ началѣ главы организаціи среди гайдамакъ и къ ихъ плану овладѣть Украиной путемъ размѣщенія главныхъ своихъ силъ въ четырехъ пунктахъ этого края, мы видимъ теперь, что для подтвержденія этого у насъ имѣются, во-первыхъ, показаніе Швачки послѣ его ареста Протасьевымъ и, во-вторыхъ, фактическія данныя о скопленіи гайдамакъ близъ Умани, въ старостваxъ чигиринскомъ, черкасскомъ и каневскомъ, близъ Бѣлой Церкви и къ востоку отъ Радомысля на границахъ кіевскаго полѣсья. Нѣкоторое сомнѣніе могло бы развѣ явиться у насъ только относительно участія въ этомъ планѣ Бондаренка. Швачка, поминая въ своихъ показаніяхъ Желѣзняка, Неживого и себя, не поминаетъ Бондаренка, притомъ же послѣдній не имѣлъ ни одной крупной стычки съ врагомъ. Но для разсѣянія подобнаго сомнѣнія о роли Бондаренка слѣдуетъ помнить, что мы имѣемъ только обрывки фактовъ, характеризующихъ его дѣятельность; и что съ другой стороны есть основаніе думать, что онъ имѣлъ большое значеніе въ движеніи 1768 года. На это указываютъ и сообщенія о томъ, что у Бондаренка была цѣлая орда гайдамакъ, и страхи поповъ и крестьянъ, думавшихъ, что „лядчина якъ була, такъ и буде“, быть заподозрѣнными въ сношеніяхъ съ этимъ опаснымъ ватажкомъ, и наконецъ вкривь и вкось шедшіе толки мемуаристовъ о связи Бондаренка съ Неживымъ. Все это, правда, не точныя указанія съ фактической стороны, но все это вѣрныя выраженія впечатлѣнія, оставшагося у современниковъ о дѣятельности Бондаренка.

Что касается теперь до пригодности указаннаго плана, то навѣрное можно утверждать, что, при слабости тогдашнихъ польскихъ силъ, гайдамаки могли бы, пользуясь имъ, долго продержаться въ Украинѣ и пожалуй даже овладѣть всѣмъ кіевскимъ воеводствомъ. И въ самомъ дѣлѣ, все это воеводство чуть не съ 1712 года было только въ распоряженіи крупныхъ магнатовъ-помѣщиковъ. Никакихъ государственныхъ властей, ни гражданскихъ, ни военныхъ, здѣсь не было. Коммиссары, губернаторы, посес-

соры того времени—это все или управляющіе имѣніями пановъ (коммиссары—управляющіе большихъ земель, губернаторы—меньшихъ), или арендаторы. Имъ отдано было не только завѣдываніе хозяйствомъ въ краѣ, но и часть полицейская и судебная. Экономическій дворъ былъ поэтому своего рода присутствіемъ, имѣвшимъ самыя широкія права надъ крестьянствомъ. Защита края была также всецѣло частной: надворныя милиціи при панскихъ замкахъ должны были замѣнять вѣчно распущенныхъ жолнеровъ украинской партіи, т. е. той части войска Рѣчи Посполитой, которая должна была охранять Украину. При такихъ же условіяхъ да еще при всегдашней готовности народныхъ милицій, состоявшихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, переходить на сторону возставшихъ, достигнуть одолѣнія поляковъ гайдамакамъ было бы вполнѣ возможно. Только невходившее въ ихъ разсчеты появленіе въ краѣ россійскихъ войскъ неминуемо должно было повлечь за собою полное неосуществленіе затѣяннаго плана.

Въ виду этого появленія своего рода deus'a ex machina немного помогло дѣлу и то, что указанный выше планъ одолѣнія Украиной былъ построенъ не только въ разсчетѣ на главныя силы четырехъ выдающихся ватажковъ, но и въ разсчетѣ на сокрушительность партизанской войны, которую должны были вести и вели *гайдамацкіе загоны*. Впрочемъ, благодаря загонамъ, даже и русскія силы не могли долго вполнѣ искоренить возстанія. Въ виду же такого значенія загоновъ—они заслуживаютъ большаго вниманія со стороны знакомящихся съ колівщиной.

Веденіе войны „загонами“ южно-русское населеніе, конечно, заимствовало отъ татаръ, но надо однако имѣть въ виду, что у татаръ „загонъ“, или небольшой отрядъ, отдѣлившійся отъ главнаго войска орды, представлялъ изъ себя нѣчто не вполнѣ похожее на загоны южно-русскіе временъ Хмельницкаго, а еще больше временъ гайдамачины.

Лучшее представленіе о татарскомъ загонѣ даетъ слѣдующее описаніе Боплана [1]). „Татары, пишетъ онъ, привыкли съ

---

[1]) Описаніе Украины Боплана. Стр. 50—51.

дѣтства ко всѣмъ условіямъ степной жизни: были чрезвычайно выносливы, необыкновенно ловки и прекрасно знали степи. За три или четыре мили отъ границы они останавливаются въ какомъ нибудь скрытномъ мѣстѣ и отдыхаютъ тамъ дня два или три. Здѣсь все войско раздѣляется на три части. Двѣ трети образуютъ главный корпусъ, а остальная треть—два крыла, правое и лѣвое. Въ такомъ видѣ оно входитъ въ непріятельскую страну и углубляется въ нее на 60 или 80 миль, не дѣлая въ это время никакихъ опустошеній; только на возвратномъ пути оба крыла удаляются отъ своего корпуса и начинаютъ свою разрушительную дѣятельность. Они раздѣляются на нѣсколько небольшихъ отрядовъ въ 500 или 600 человѣкъ въ каждомъ, которые разсыпаются по деревнямъ, окружаютъ селенія со всѣхъ четырехъ сторонъ и, чтобы не ускользнули жители, раскладываютъ по почамъ большіе огни, потомъ грабятъ, жгутъ, рѣжутъ сопротивляющихся, уводятъ не только мужчинъ, женщинъ съ грудными младенцами, но и быковъ, коровъ, лошадей, овецъ, козъ и пр., а ненавистныхъ мусульманамъ свиней загоняютъ въ овинъ и поджигаютъ опый съ четырехъ сторонъ. Сіи отряды не смѣютъ удаляться въ сторону далѣе 8 или 12 миль; обремененные добычею, они спѣшатъ соединиться съ главнымъ войскомъ, которое легко находятъ часа черезъ четыре, ибо главный корпусъ, имѣя въ передней шеренгѣ около 500 копей, растягивается на большое пространство. Какъ скоро возвращаются грабители—два свѣжіе крыла отдѣляются направо и налѣво, грабятъ и опустошаютъ точно такъ же, какъ и первые, потомъ возвращаются, а вмѣсто ихъ выходятъ на добычу новые отряды".

Во времена Хмельницкаго въ борьбѣ съ поляками южнорусское населеніе тоже прибѣгало къ загонамъ, но загоны наши менѣе были связаны съ главными козацкими силами, чѣмъ загоны татаръ съ своимъ главнымъ корпусомъ. Н. И. Костомаровъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ загоны, разсыпавшіеся по Украинѣ лѣтомъ 1648 года [1]). „По южно-русской землѣ, читаемъ у него, кружили вооруженные отряды, которые назывались за-

[1]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій, стр. 314—315, 321.

гопами. Въ старину это имя давалось татарскимъ полчищамъ но теперь оно означало русскихъ военныхъ охотниковъ, преимущественно бѣглыхъ и непокорныхъ владѣльческихъ крестьянъ. Изъ нѣсколькихъ мѣстечекъ и селъ сбирались молодые и старые, только годные къ битвѣ мужики, вооружались въ случаѣ недостатка оружія косами и дубьемъ и стекались къ Хмельницкому, который записывалъ ихъ по полкамъ, дѣлилъ по сотнямъ, назначалъ начальниковъ, часто изъ нихъ же, когда они представляли ему отважную расторопную голову. Потомъ такія толпы отправлялись очищать, какъ выражались они, русскую землю. Иные же вовсе не сносились съ своимъ „батькомъ“, а просто составлялась шайка, выбирали атамана и пускались на грабежи и убійства. Они назывались козаками, хотя бы, организовавшись въ шайки самовольно, и не были записаны въ козацкій списокъ; число ихъ увеличивалось чрезвычайно быстро, до того, что скоро они могли разорять не только помѣщичьи усадьбы, но укрѣпленные замки и города. Обыкновенно, какъ скоро козацкій загонъ появлялся въ панскомъ мѣстечкѣ и селѣ, подданные принимали гостей, какъ избавителей, соединялись съ ними и устремлялись на палацъ или дворъ своего владѣльца. Тогда не было пощады ни старцамъ, ни грудным младенцамъ: истребляли и домашнихъ слугъ, если они были католики или уніаты и заранѣе не пристали къ нимъ, сожигали панское жилье, а имущество раздѣляли съ крестьянами, вознаграждая ихъ за долговременные поборы и панщины“. „Такихъ загоновъ было *безъ-числу*, по выраженію лѣтописи. Держались правила: кто не за нихъ, тотъ противъ нихъ, и оттого многіе должны были противъ собственной воли браться за оружіе. Загоны носили названіе по большей части по имени своихъ предводителей, и нѣкоторые, по своей многолюдности или по образу дѣйствія, остались въ исторіи и народной памяти“ (Морозенко).

Не столь грандіозны, конечно, были загоны въ періодъ коліивщины: вмѣсто тысячъ, а подчасъ и десятковъ тысячъ хлоповъ, какъ это было при Хмельницкомъ, теперь въ загонѣ бывало часто нѣсколько десятковъ и рѣдко двѣ-три сотни человѣкъ. Отвага и смѣлость бывали только прежнія. Что же до

зависимости новыхъ загоновъ отъ организаторовъ главныхъ силъ и до связи ихъ съ этими силами, то въ періодъ коліивщины и то, и другое относительно извѣстныхъ намъ загоновъ еще труднѣе опредѣлить, чѣмъ можно было все это опредѣлить во времена Хмельницкаго. Впрочемъ, обращаясь къ даннымъ о загонахъ, извлеченнымъ нами изъ Кодненской книги, мы легко усмотримъ, что въ районѣ дѣятельности каждаго изъ четырехъ главныхъ гайдамацкихъ ватажковъ періода коліивщины были свои загоны, причемъ только немногіе изъ этихъ загоновъ выступаютъ передъ нами вполнѣ отрѣшившимися отъ политическихъ цѣлей и являются превратившимися въ разбойничьи шайки, вредныя и для крестьянъ. Что явленій подобнаго перерожденія было немного, и что во всякомъ случаѣ между загонами и главными силами сохранялось своего рода молчаливое соглашеніе и преобладало тождество цѣлей,—что все это было, въ этомъ и надо, быть можетъ, усматривать своего рода организацію коліевъ, обусловленную серьезными мотивами одинаковаго настроенія народной толпы, а не внѣшними договорами.

Загоны коліевъ всегда имѣли своихъ ватажковъ. По даннымъ о послѣднихъ всегда можно судить и о дѣятельности загоновъ, носившихъ ихъ имя.

Изъ ватажковъ загоновъ, дѣйствовавшихъ въ юго-западномъ и южномъ углу Кіевщины, слѣдовательно въ районѣ Желѣзняка, въ Кодненской книгѣ названо 8 или даже 9. Не всѣ они дѣйствуютъ, какъ политическіе дѣятели; нѣкоторые выступаютъ, какъ простые разбойники.

Къ послѣднимъ ватажокъ *Носъ* [1]), съ котораго мы начнемъ, очевидно не принадлежалъ, хотя свѣдѣній о немъ очень мало. Изъ Кодненской книги мы знаемъ только, что бывшіе въ его ватагѣ Василій Постоленко, Яцко Работенбутъ, Оедоръ Еднокосъ и Савка Малый—всѣ приговорены кодненской военно-судной коммиссіей къ смертной казни, и только Матвій Крывый не былъ порѣшенъ коммиссіей сразу и былъ оставленъ ad resolutionem, но отъ дальнѣйшихъ хлопотъ и онъ избавилъ коммис-

[1]) Кодн. кн., стр. 447.

сію, такъ какъ умеръ сидя въ ямѣ (тюрьмѣ). Преступленія этихъ попавшихся гайдамакъ изъ загона Носа въ судебныхъ отмѣткахъ обозначены разно: одинъ былъ де проводникомъ Носа и забиралъ котлы въ Козацкой Долинѣ; о другомъ сказано, что онъ присталъ къ ватажку Носу и грабилъ; о третьемъ—что онъ имѣлъ щитъ, добытый въ Лисянкѣ, и былъ въ ватагѣ у ватажка Носа. Что до мѣстности, гдѣ дѣйствовалъ Носъ, то это небольшой районъ въ предѣлахъ теперешняго звенигородскаго уѣзда; въ судебныхъ отмѣткахъ о носовскихъ гайдамакахъ поминаются по крайней мѣрѣ слѣдующія селенія и мѣстечка звенигородскаго уѣзда: Бугачевка, Козацкая Долина, Лисянка.

Ватажокъ *Саражинъ* [1]) дѣйствовалъ въ сѣверной части звенигородскаго уѣзда и между прочимъ въ Бояркѣ, гдѣ его загонъ и былъ захваченъ польскимъ подъѣздомъ. Судившіеся за участіе въ его загонѣ, Мусій Лебедпеченко и Марко Пластуненко, утверждали, что они ни въ грабежѣ, ни въ убійствахъ неповинны, ибо шли по мѣстности, по которой раньше проходилъ Желѣзнякъ, не оставившій послѣ себя для Саражина никакой поживы. О Саражинѣ поминаетъ покойный Максимовичъ [2]), какъ о предводителѣ запорожскаго загона, доходившаго по численности до 131 человѣка. Саражину будто бы подчинялись ватажки небольшихъ запорожскихъ группъ въ 17—20 душъ: Бандурка, Скорина, Петръ Вѣтеръ. Но по Максимовичу захваченъ былъ Саражинъ не польскимъ подъѣздомъ, а гусарской командой, въ которой онъ самъ раньше состоялъ квартирмейстеромъ, и притомъ не въ Бояркѣ, а при с. Нерубайкѣ (уман. у. при рч. Нерубайкѣ, къ В. отъ м. Торговицы). Согласить справку Максимовича съ данными Коднепской книги нѣтъ возможности. Быть можетъ даже, что въ обоихъ источникахъ идетъ рѣчь о разныхъ людяхъ, но однофамильцахъ.

Къ загонамъ Желѣзняка, наиболѣе отъ него отдалявшимся, какъ кажется, слѣдуетъ отнести загонъ *Ивана Чернаго*, который

---

[1]) Кодн. кн., стр. 536.

[2]) Максимовичъ. Сочиненія. Т. I, стр. 586.

названъ въ документахъ „атаманомъ отъ ватаги Желѣзняка“ [1]). Загонъ этотъ появлялся въ Орловцѣ (с. черкаск. у. при рч. Мѣдянкѣ къ ВЮВ отъ м. Городищъ) и вообще въ Смѣлянщинѣ. Въ распоряженіи этого атамана было моментами человѣкъ восемь гайдамакъ, но и съ такимъ ничтожнымъ отрядомъ онъ грабилъ и убивалъ, хотя одинъ изъ его подручниковъ и утверждалъ, что въ самомъ началѣ движенія гайдамаки избѣгали рѣзни.

Съ титуломъ „атамана отъ ватаги Желѣзняка“ встрѣчаемъ и другого *Чернаго Никиту* [2]), дѣйствовавшаго въ Уманщинѣ въ Воронномъ, Бастачкахъ, Зеленомъ Рогѣ (с. уман. у. при впаденіи рч. Копелы въ Горскій Тикичъ), Шабардашѣ. Никита Черный многихъ убивалъ и грабилъ. Удивительна его судьба: онъ самъ былъ убитъ гайдамаками, вѣроятно разбойничьими, пѣхавшими въ Воронное изъ Маньковки; гайдамаки эти захватили себѣ всю добычу, найденную при Черномъ.

Совершенно сторонникъ Желѣзняку и даже враждебнымъ ему выступаетъ ватажокъ *Паралюшъ* [3]) (sic), который, собравши загонъ, дѣйствовалъ съ нимъ въ с.-з. части Уманщины. Побывалъ онъ въ слѣдующихъ селахъ: въ Монастырищѣ, Охримовѣ, Цыбуловѣ, Попудиѣ, Княжей Крыницѣ. При немъ было два атамана—Панасюкъ и Каранышъ (sic); первый былъ человѣкъ мѣстный, родомъ изъ Охримова. Въ Монастырищѣ Паралюшъ сжегъ костелъ, подъ Цыбуловымъ же захватилъ стадо и, устроивъ въ тамошнемъ лѣсу облаву и выловивъ такимъ образомъ спрятавшихся тамъ шляхтичей, велѣлъ всѣхъ ихъ перебить. Когда ватага эта попала затѣмъ въ Княжу Крыницу и тамъ до Паралюша дошелъ слухъ, что въ с. Зарубинцахъ какіе то гайдамаки ограбили церковь, онъ немедленно послалъ туда на развѣдки одного изъ своихъ—Игната Щербину. Послѣдній пришелъ въ Зарубинцы, но тамъ немедленно былъ схваченъ зарубинской громадой и доставленъ въ с. Житникъ, гдѣ стоялъ какой то за-

---

[1]) Кодн. кн., стр. 12 и 51, а также 476.

[2]) Ibidem, стр. 593.

[3]) Кодн кн„ стр. 3 и 56.

гонъ Желѣзняка. Щербину ватага эта избила и бросила, а сама ушла въ Умань.

Очевидно, Паралюшъ дѣйствовалъ совершенно независимо, хотя и въ общемъ духѣ возставшихъ. Нельзя объяснить сожженія церкви загономъ Желѣзняка и ненависти, обнаруженной этимъ послѣднимъ загономъ къ ватагѣ Паралюша.

Всѣ вышеприведенныя данныя извлечены изъ дѣла Игната Щербины, одного изъ гайдамакъ ватаги Паралюша. Кодненской коммиссіей означенный Щербина обезглавленъ.

Очень распущеннымъ и даже разбойничьимъ выступаетъ предъ нами загонъ *Ивана Романченка.*

Для характеристики этого ватажка и его загона Кодненская книга даетъ намъ дѣло Ивана Мельника [1]).

Иванъ Мельникъ родомъ былъ изъ села Стычекъ нѣжинскаго полка, слѣдовательно по тогдашнему въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой былъ человѣкъ заграничный. Уже женатымъ перешелъ онъ съ мѣста своей родины черезъ Кіевъ въ с. Квитки черкас. у.). Прійдя туда, онъ былъ удержанъ квитковскими людьми для житья среди нихъ (przyszed do Kwiltek gdzie od ludzi gromadskich przytrzymany aby tam mieszkal). Очевидно жители недавней руины все еще чувствовали остатки старой пустыни, и для нормальнаго человѣческаго житія во вновь оживлявшихся селахъ имъ нужны были люди и люди. Въ первое время своего пребыванія въ селѣ Квиткахъ Иванъ занялся мельничнымъ дѣломъ (sedzial w mlynie) по найму; самостоятельнымъ же хозяиномъ сталъ онъ только послѣ того, какъ, промоловъ на мельницѣ цѣлую зиму, купилъ себѣ хату.

Незадолго до обострившагося проявленія возстанія въ 1768 г. пришелъ въ Квитки къ Ивану Мельнику запорожецъ Лапа и сталъ у него жить. И вотъ съ этимъ то Лапой, „gdy zaczęta sie rewolutia“ и „gdy orda do slobod wychodzila“, Мельникъ двинулся къ ватажку Романченку, который собиралъ загонъ для нападенія на орду. Нашли они Романченка въ Ольшаной. Три

---

[1]) Кодн. кн., стр. 1, актъ 3-й.

дня оставались они тамъ у него, пока онъ не повелъ ихъ къ московскому войску, вышедшему противъ орды. Далѣе о дѣлѣ съ ордой въ нашемъ документѣ рѣчи нѣтъ; сказано только, что дошелъ Романченко до Тыкича и тамъ распустилъ своихъ людей. Запорожецъ Лапа послѣ этого пристalъ къ ватажку Губѣ, который стоялъ въ Лебединѣ, а Мельникъ поторопился въ Квитки, чтобы переселить оттуда жену свою и дѣтей за границу. Когда же самъ онъ, уже переселивши жену и дѣтей, появился затѣмъ на ярмаркѣ въ Красноселицѣ, то былъ тамъ задержанъ квитковскими людьми и отданъ ближайшей военной подъяздовой командѣ въ Корсунѣ. О причинѣ этого задержанія Мельника квитковскими людьми выражено было основательное предположеніе судьями въ Кодиѣ. Мельникъ прямо былъ уличенъ въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ ватажкомъ Романченкомъ и запорожцемъ Лапой грабилъ с. Квитки, жегъ его и потому долженъ былъ уйти оттуда самъ и увести свою семью. Попавши за границу, Мельникъ тотчасъ же былъ тамъ принятъ въ счетъ при распредѣленіи на жителей пикиперскихъ тягостей: вмѣстѣ съ двумя другими крестьянами онъ долженъ былъ содержать одного пикипера, и за это его самого на правомъ берегу Днѣпра, когда онъ туда явился на время, стали величать пикиперомъ. Кодненскій судъ приговорилъ его обезглавить.

Интересно, что квитковская громада ничего не имѣла противъ Ивана Мельника ни при появленіи у него запорожца Лапы, ни затѣмъ при ихъ отправленіи къ Романченку въ Ольшану якобы для противодѣйствія вторгшейся въ слободы татарской ордѣ. Такого рода поступки Мельника люди считали совершенно согласными съ общими интересами. Но когда затѣмъ загонъ Романченка, въ которомъ былъ и Мельникъ, превратился въ грабительскую шайку, общественное преслѣдованіе ихъ стало естественнымъ.

Что Романченко былъ только грабителемъ, хотя это и отрицалъ Мельникъ въ своихъ показаніяхъ, видно и изъ другого судебнаго дѣла—нѣкоего Василія Чапенка [1]), также принадлежавшаго къ ватагѣ Романченка.

[1]) Кодн. кн., стр. 43.

Этотъ Чапенко присталъ къ загону Романченка по его личному подговору и притомъ значительно позже Ивана Мельника, когда интенсивность народнаго движенія уже ослабла. Ему было тогда не больше 21 года и жилъ онъ въ мѣстечкѣ Могилевѣ (с. алекс. у. херс. губ. при верховьи Ингула). Родомъ же онъ былъ изъ Могилева на Днѣстрѣ, причемъ оставилъ этотъ городъ вмѣстѣ съ родителями. Романченко встрѣчался съ Василіемъ Чапенкомъ на хуторѣ Щорбы, гдѣ у него, Романченка, была родственница. Романченко былъ не одинъ тамъ, а съ другомъ своимъ—Василіемъ Щербиной. Причемъ оба они были уже пикинерами. Счастливо уйдя отъ отвѣтственности за дѣла 1768 г., Романченко очевидно успѣлъ въ гетманщинѣ обрѣсти положеніе, нѣсколько маскировавшее его прошлое. Сталъ онъ даже не только пикинеромъ, а пикинерскимъ сотникомъ. Встрѣтясь съ Чапенкомъ въ хуторѣ Щорбы, Романченко подговорилъ его принять участіе въ кражѣ воловъ, увѣривъ его, что къ нему, Романченку, прійдетъ еще шесть человѣкъ для той же цѣли. Когда Чапенко согласился, начался цѣлый рядъ самыхъ неблаговидныхъ нападеній на крестьянскій скотъ, нападеній, оканчивавшихся впрочемъ часто неудачей. Сперва удавалось однако всѣмъ уходить отъ ареста; послѣ же одного нападенія на московскихъ фуражировъ, Чапенко, не имѣвшій подъ собой хорошаго коня, былъ схваченъ и отправленъ въ Кодню. На судѣ, кромѣ всего изложеннаго, обнаружилось, что въ 1768 году, когда губернаторъ кодненскій Радошевичъ бѣжалъ изъ Кодни на московскую границу, Василій Чапенко, не смотря на требованіе своихъ товарищей-нарубковъ убить ляха, укрывавшагося отъ преслѣдованія своихъ людей, не убилъ его и другимъ не далъ убить. Благодаря этому, человѣкъ, грабившій крестьянъ, оставленъ кодненскимъ судомъ свободнымъ отъ какого бы то ни было наказанія.

Въ нашихъ документахъ имѣется еще небольшая отмѣтка о третьемъ участникѣ ватаги Романченка. Соучастникъ этотъ—Карпо Настыченко [1]), родомъ изъ Юрковки, былъ оговоренъ не только односельчанами, но даже родною матерью. Поступки же

[1]) Кодн. кн., стр. 447.

его оказались неминуемо требующими смертной казни по законамъ той поры.

Судя по такимъ участникамъ загона Романченка и по его собственнымъ дѣяніямъ, мы должны вывести заключеніе, что загонъ Романченка былъ разбойничій, вслѣдствіе чего онъ и подвергался постояннымъ преслѣдованіямъ крестьянскихъ громадъ.

О загонѣ ватажка *Ремезы* мы имѣемъ свѣдѣнія изъ показаній крестьянина Грыцька Безносенка [1]), который, по собственному признанію его, въ 1768 году былъ самъ въ этомъ загонѣ.

Грыцько Безносенко въ 1768 году жилъ въ с. Вербовцѣ смѣлянскомъ, куда онъ передъ тѣмъ пришелъ на слободы изъ Луки подъ Межиричемъ. Родина же его была подъ Коростышевымъ въ с. Родовкѣ; оставилъ онъ ее еще съ отцемъ и матерью, промѣнявъ на с. Луки. Въ Вербовецъ, гдѣ зажилъ Безносенко, и явился Ремеза еще пока съ небольшимъ загономъ. Тамъ къ нему пристало нѣсколько вербовчанъ. Кромѣ самого Безносенка, это были по его сообщенію, Іовъ Савка, Трохимъ Куличка и Никита Гончаренко. Всѣхъ ихъ Ремеза заманилъ къ себѣ сообщеніемъ, что въ случаѣ неудачи въ Украинѣ имъ можно будетъ уйти въ гетманщину и тамъ поступить въ пикинеры, тѣмъ больше, что какъ разъ въ то время шелъ пикинерскій наборъ. Увеличивъ свой отрядъ, Ремеза долженъ былъ подумать о его вооруженіи, харчахъ и одеждѣ. Чтобы добыть все это, онъ рѣшилъ ограбить Вербовецъ, въ которомъ стоялъ. Когда же все необходимое было тамъ добыто, онъ двинулся на грабежи въ другихъ мѣстахъ. Тянулось это до тѣхъ поръ, пока въ селѣ Папужинцы (ум. у.) не наткнулся на уманскихъ надворныхъ козаковъ. Послѣдніе аттаковали ремезовскій загонъ, самого Ремезу убили и еще 20 его козаковъ также, остальные же гайдамаки поубѣгали, не стрѣлявши даже.

Кромѣ Безносенка, бѣжавшаго изъ-подъ Папужинцевъ заграницу и потомъ случайно пойманнаго уже въ пикинерскомъ званіи на скотокрадствѣ близъ Вербовца, интересенъ и другой

---

[1]) Кодн. кн. стр. 41, 5.

участникъ загона Ремезы—музыкантъ-бандуристъ Василій Ворченко [1]). Ворченко этотъ, родомъ изъ Виногородки, прійдя въ Козацкую Долину, былъ тамъ забранъ Ремезой для увеселенія ватаги. Пришелъ опъ съ ватагой въ с. Водяница (звенигор. у., при притокѣ Тыкича, къ ЮЗ отъ Лисянки), оттуда въ с. Кобылячку и наконецъ въ с. Папужницы, гдѣ, какъ уже сказано, ватага была разогнана, а Ремеза убитъ. И Безносенко, и Ворченко оба кодпенской коммиссіей обезглавлены.

Ватажокъ загона *Яремія Лупул* [2]), являющійся въ Кодпенской книгѣ съ званіемъ сотника, грабилъ со своимъ загономъ въ Уманщинѣ у кого попало, у пановъ и крестьянъ, вещи, скотъ, насѣки. Громады разныхъ селъ, каждая въ отдѣльности, предъявили къ нему претензіи въ мѣстномъ уманскомъ урядѣ на сумму въ нѣсколько тысячъ рублей. Кодпенской военно-судной коммиссіи пришлось имѣть у себя на судѣ, кромѣ самого Лупула, еще двухъ его ватажанъ—Василія Левченка и Михайла Тарана. Послѣднимъ выпали на долю приговоры, сравнительно довольно снисходительные—ихъ наказали 500 ударовъ розогъ у позорнаго столба, самого же Лупула кодпенскіе судьи приговорили къ смертной казни; только опъ ея не дождался и умеръ въ тюрьмѣ раньше.

Ватажки разбойничьихъ загоповъ *Богунъ и Джурджа* [3]) выходили на грабежъ въ Украину изъ-за границы. Высылалъ ихъ туда будто бы поручикъ черно-гусарскаго полка Маріановичъ. Были они между прочимъ въ Лисянкѣ.

Переходимъ теперь къ загопамъ и ватажкамъ ихъ, дѣйствовавшимъ въ юго-западной части Кіевщины въ районѣ дѣятельности Неживого.

Начнемъ съ загопа *Василія Шелеста*. О ватажкѣ этомъ въ кодпенской книгѣ есть только отдѣльныя упоминанія въ су-

---

[1]) Кодн. кн. стр. 449.

[2]) Кодн. кн. стр. 475, 476 и 486.

[3]) Кодн. кн. стр. 8.

дебныхъ отмѣткахъ [1]), но нѣтъ о немъ ни одного цѣльнаго документа. Мы не знаемъ поэтому даже численности его ватаги и тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ онъ перебывалъ. Въ отмѣткахъ о немъ извѣстный интересъ представляетъ то обстоятельство, что въ его ватагѣ попались люди „заграничные“; по крайней мѣрѣ изъ девяти гайдамакъ, судившихся за участіе въ грабежахъ вмѣстѣ съ нимъ, четыре—заграничныхъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ названы заднѣпрянскими. Затѣмъ, быть можетъ, важно и то, что изъ 9 извѣстныхъ намъ участниковъ въ дѣлахъ Шелеста 7 казнены смертною казнью, а одинъ шляхтичъ, Чоповскій, даже посаженъ на колъ; только двое отдѣлались розгами. Что до личностей этихъ девяти участниковъ, то изъ нихъ выдается, конечно, по своему происхожденію шляхтичъ Чоповскій, тотъ самый, что вмѣстѣ съ Неживымъ громилъ поляковъ въ Каневѣ, человѣкъ, очевидно, идейный и потому бывшій особенно ненавистнымъ польскому суду, который видѣлъ въ немъ опаснаго ренегата. Изъ двухъ избѣжавшихъ смертной казни одинъ Иванъ Хмаренко былъ портной изъ села Пшеничниковъ каневскихъ и былъ взятъ Шелестомъ въ ватагу для шитья одежи. По всей вѣроятности, этотъ Хмаренко работалъ у Шелеста до начала движенія 1768 г., когда Шелестъ вмѣстѣ съ Лускоиогомъ и Гнидой только что прибылъ изъ Запорожья и занимался заготовленіемъ оружія, одежды, обуви и пр. для гайдамакъ, сидя въ лѣсу Мотронинскаго монастыря [2]).

Существовалъ еще въ 1768 году загонъ ватажка *Василія Смѣлянскаго* [3]). О ватажкѣ этомъ знаемъ, что двое изъ его загона, попавши на коднеискій судъ, были приговорены къ повѣшенію. Одинъ изъ этихъ двухъ бывшихъ на судѣ, Максимъ Швецъ, былъ запорожецъ. Что до численности ватаги Василія Смѣлянскаго, то она изъ среднихъ: въ судебной отмѣткѣ сказано, что въ ней было 50 человѣкъ. Но никакихъ нѣтъ указаній на то, гдѣ Василій Смѣлянскій дѣйствовалъ съ своей ватагой, если только не считать за указаніе самого прозвища его.

---

[1]) Кодн. кн. стр. 481.

[2]) Кулишъ. Записки о юж. Руси, стр. 235, т. I.

[3]) Кодн. кн. стр. 485.

Ватажокъ *Иванъ Таранъ*[1]) дѣйствовалъ съ очень ничтожнымъ загономъ въ предѣлахъ Чигиринщины. Подъ Лебединомъ онъ былъ во главѣ всего шести человѣкъ, судя по показанію одного изъ бывшихъ въ его загонѣ, Ивана Щербины, приговореннаго коднепскимъ судомъ къ смертной казни.

Загонъ ватажка *Шунбры*[2]) дѣйствовалъ въ Смѣлянщинѣ, гдѣ подъ селомъ Мліевымъ и былъ разбитъ корсунскими надворными козаками. Въ ватагѣ этой было человѣкъ сто. Представшій на судъ коднепской коммиссіи одинъ изъ гайдамакъ Шунбры, Мусій Цкурный, былъ запорожецъ. Судъ приговорилъ его къ повѣшенію.

Нѣсколько больше загоновъ, чѣмъ въ районѣ Неживого, встрѣчаемъ мы въ центральныхъ частяхъ Кіевщины, гдѣ главныя силы возставшихъ были руководимы Швачкой и Бондаренкомъ. Большая заселенность этихъ послѣднихъ мѣстностей и, главное, присутствіе въ нихъ большаго числа помѣщичьихъ обиталищъ — замковъ, палацовъ и пр.—все это естественно концентрировало здѣсь и силы загоновъ. Послѣдніе впрочемъ нерѣдко отсюда заходили и въ районъ Неживого, и въ районъ Желѣзняка—помѣхи въ этомъ не было...

Въ разгаръ крестьянскаго движенія, которымъ мы заняты, въ южной части нынѣшняго бердичевскаго уѣзда на самое короткое время проявился ватажокъ *Никита Москаль*[3]), загонъ котораго былъ не изъ людныхъ, но который тѣмъ не менѣе интересенъ по своимъ разговорамъ съ крестьянами, рѣзко подчеркивавшимъ соціальные мотивы всего движенія.

Никита Москаль этотъ, по имѣющимся у насъ даннымъ, затѣялъ напасть на село Малинки, принадлежавшее пану Крыжановскому и арендованное въ то время паномъ Грабовскимъ. По всей вѣроятности до Никиты долетѣлъ слухъ о томъ, что Грабовскій, почуявшій, какъ и другіе паны, бѣду неминучую, всячески старался укрыть свои вещи, что сундуки съ этими ве-

---

[1]) Ibid. 449.

[2]) Коди. кн. стр. 486. Не ручаемся, что вѣрно передаемъ имя ватажка. Въ рукописи оно написано очень неразборчиво.

[3]) Коди. кн., стр. 421—437, 589—591.

щами онъ все желалъ спрятать въ православной церкви своего села, подобно тому, какъ это дѣлали другіе паны, прятавшіе свои вещи въ католическихъ костелахъ. Прослышалъ, вѣроятно, Никита и о томъ, что вся малинковская громада потребовала чтобы попъ ея, принявшій было уже въ церковь панскіе сундуки и чемоданы, на-отрѣзъ отказалъ пану Грабовскому въ подобномъ спрятѣ. на что̀ попъ и долженъ былъ пойти, рѣшившись даже кинуть пану церковные ключи и отказавшись отъ дозора за церковью...

Никита не сразу накинулся на село; предварительно развѣдчикъ его выспросилъ о всемъ необходимомъ нѣкоторыхъ малинковскихъ крестьянъ, находившихся на работѣ за селомъ. Отъ одного косаря развѣдчикъ узналъ между прочимъ, что Грабовскій свезъ свои сундуки изъ церкви въ лѣсъ, далѣе, что въ селѣ есть жидъ—шинкарь Хохомка и что въ панскомъ домѣ осталась молоденькая племянница Грабовскаго.

Имѣя всѣ эти свѣдѣнія, Никита Москаль въѣхалъ съ загономъ своимъ въ Малинки, завладѣлъ тамъ панной и немедленно послалъ экономическія подводы въ лѣсъ за панскими сундуками. Малиновцы охотно привезли ему панское добро, и онъ немедленно сталъ имъ распоряжаться. Велѣлъ сейчасъ же поразбивать сундуки съ платьемъ мужскимъ и женскимъ, самъ одѣлся въ богатый кунтушъ и велѣлъ пышно нарядить панну, объявивъ, что намѣренъ съ нею повѣнчаться. Передъ вѣнчаніемъ однако панну попъ долженъ былъ еще окрестить въ православіе.

Помѣхи во всѣхъ этихъ затѣяхъ Никитѣ никто не оказывалъ. Грабовскаго въ селѣ не было, надворныхъ козаковъ у него не имѣлось. Что же до малинковской громады, то она далеко была отъ мысли видѣть въ Никитѣ врага. Она пришла къ нему въ панскій дворъ съ хлѣбомъ-солью и охотно приняла приглашеніе на торжественное вѣнчаніе Никиты съ панной и на пиръ послѣ вѣнчанія.

Но вѣнчанію предшествовало крещеніе панны, причемъ заодно съ ней Никита велѣлъ попу окрестить и ея старую тетку, которая была при ней. Обѣ пани сопротивлялись крещенію, но ихъ крѣпко держали: тетку держалъ Прокопъ Головко и ста-

рая попадья, а панну—одинъ изъ гайдамакъ и молодая попадья. Въ совершеніи таинства крещенія при такихъ возмутительныхъ условіяхъ, равно какъ и въ совершеніи брака между Никитой и окрещенной панной не запирался потомъ самъ священникъ села Малинокъ, Григорій Ильиновичъ.

Послѣ вѣнчанія въ Малинкахъ всѣ пировали. Горилки панской и жидовской было добыто въ огромномъ количествѣ. Пили и всякія тонкія вина, оказавшіяся въ подвалахъ Грабовскаго; но изъ этихъ послѣднихъ не всѣ нравились малиновцамъ, и въ такомъ случаѣ бутылки разбивали и вино лили на землю; такая участь, напримѣръ, постигла большую бутыль „Larendogra“.

Не обошелся пиръ и безъ рѣчей. Никита Москаль говорилъ малиновцамъ: „панщины видбуваты бильшъ не будете, жыто и всякій хлибъ збирайте на свою корысть, сино коспть тилько соби, кабанивъ панськихъ рижте и йижте“. А Гаврило, сынъ Сивого, говорилъ одному изъ прислужниковъ Грабовскаго, козаку Мандзіошкѣ: „годи вамъ съ паномъ Грабовскимъ панувати: маемо инпыхъ панивъ; панщины робыть бильшъ не будемо“.

Послѣ пира Никита Москаль велѣлъ запречь въ панскую коляску четверку коней и вмѣстѣ съ панной Грабовской, своей женой, уѣхалъ черезъ Погребище въ Саражинцы. Дворъ и здѣсь былъ оставленъ паномъ, и Никита думалъ уже тамъ расположиться на нѣкоторое время, но тутъ его постигла неудача: и его, и его гайдамакъ захватила саражинская громада подъ арестъ. Было дано знать погребищенскому губернатору Эліашу Шишковскому, и тотъ явился въ Саражинцы съ козаками своими и подмогой отъ капитана польскихъ войскъ, находившагося въ Бердичевѣ; кромѣ того, генералъ Фабуловъ (sic), стоявшій въ Лещинѣ, далъ ему совѣтъ гайдамакъ уничтожить. Шишковскій безъ труда овладѣлъ всѣмъ загономъ и его добычей, состоявшей изъ вещей Грабовскаго. Панна Грабовская также была вызволена изъ рукъ своего нахальнаго суженаго.

Арестованнаго Никиту и многихъ изъ малиновцевъ, бывшихъ ближайшими соучастниками его грабежа, отправили сперва въ Бердичевъ, но, не найдя тамъ подходящей власти для производства слѣдствія и суда, отвели его въ Тульчинъ, гдѣ стоялъ

какой-то русскій генералъ. Предсталъ предъ нимъ Никита и во всемъ повинился. Генералъ выслушалъ все, посмотрѣлъ на ватажка и влѣпилъ ему три пощечины. На этомъ судъ долженъ былъ окончиться, но посланные Шишковскаго оставили Никиту подъ арестомъ. О дальнѣйшей судьбѣ Никиты свѣдѣній въ Кодненской книгѣ нѣтъ.

Женитьба Никиты Москаля на панночкѣ Грабовской, ограбленіе помѣщика ради корысти — все это говоритъ за то, что мы имѣемъ дѣло съ проходимцемъ, пользовавшимся смутной порой для личныхъ цѣлей; но интересно, что и при такихъ цѣляхъ этотъ проходимецъ долженъ былъ предъ крестьянами прикрыться желаніемъ спасти панщину и польскихъ пановъ. Своею проповѣдью противъ панщины онъ привлекъ малинковцевъ на свою сторону; вѣроятно, не меньшимъ успѣхомъ воспользовался бы онъ и въ Саражинцахъ, но тамъ, очевидно, у поляковъ была оборона сильнѣе, и саражинцы знали, что имъ не сдобровать самимъ, если они станутъ на сторону Москаля, разъ пріѣдетъ въ Саражинцы губернаторъ погребищенскій Шишковскій съ своими надворными козаками.

Ватажокъ *Савка Ильяшенко*[1]) дѣйствовалъ съ своей ватагой въ сѣверо-западной части Бѣлоцерковщины. Такъ, онъ побывалъ въ селѣ Романовкѣ, Маломъ Половецкомъ и другихъ. Заходилъ онъ впрочемъ и въ восточную часть Бѣлоцерковщины; былъ, напримѣръ, въ с. Блощинцахъ, откуда даже имѣлъ намѣреніе напасть на Бѣлую Церковь. Имѣлъ онъ при себѣ, надо полагать, значительный загонъ, иначе о нападеніи на Бѣлую Церковь онъ и думать не могъ бы. Повсюду, гдѣ Ильяшенко ни былъ, онъ избивалъ и пановъ, и жидовъ, даже собственноручно; добывалъ при этомъ и деньги. Интересно, что въ ватагѣ его попадались запорожцы. Какъ его ватажане на судѣ кодненской коммиссіи фигурировали Ѳедоръ Базарный, Левко Малый, Климъ Билый, Василь Прокопенко, Николай Чоповскій и Стефанъ Піотровскій. Изъ этихъ лицъ первые три — запорожцы. Званіе послѣднихъ двухъ—извѣстнаго уже намъ участника въ ва-

[1]) Кодн. кн. стр. 482—483—484.

тагѣ Неживого и въ загонѣ Шелеста шляхтича Чоповскаго, и товарища его шляхтича Піотровскаго—дѣлаетъ обоихъ ихъ интересными, разъ они входили въ составъ гайдамацкаго загона. Одинъ только Василь Прокопенко изъ Кіева былъ крестьянинъ. Въ такомъ подборѣ людей въ загонѣ Плыханенка военно-судная коммиссія не могла не усмотрѣть явно политическаго и соціальнаго характера и потому къ участникамъ ея отнеслась очень сурово. Наказанія, ею назначенныя въ данномъ случаѣ, были изъ ряду вонъ. Самъ Савка Плыханенко былъ колесованъ, Левко Малый четвертованъ, Климъ Билый тоже, Ѳедоръ Базарный и Василь Прокопенко повѣшены, Піотровскій обезглавленъ, судьба же Чоповскаго намъ уже извѣстна.

Почти одновременно дѣйствовали въ Бѣлоцерковщинѣ и загоны *Грицька Волка и Савечки.*

Грицько Волкъ [1]) ограбилъ село Погибляки и съ большой добычей съ сынами и женами ихъ скрывался въ лѣсу подъ Гутой Богуславской. Но о немъ донесли въ Богуславъ сотнику тамошнихъ надворныхъ козаковъ Шелесту, и этотъ послѣдній захватилъ его со всѣмъ его добромъ. Какъ только объ этомъ узналъ каменно-бродскій губернаторъ и намѣстникъ с. Боярки, немедленно потребовали они у Шелеста выдать имъ и самого Волка, и все имъ награбленное—на томъ основаніи, что они ихъ подданный. Шелестъ изъявилъ готовность исполнить ихъ просьбу, но до поры до времени добыча Волка оставалась въ богуславскомъ замкѣ, такъ какъ увезти ее оттуда безъ конвоя боялись.

О Савечкѣ тоже извѣстно мало. Загонъ его, кажется, состоялъ все больше изъ козаковъ каневскихъ и явился онъ въ Бѣлоцерковщинѣ только случайно, провѣдавъ, что надворные богуславскіе козаки съ сотникомъ Шелестомъ ушли изъ Богуслава по призыву полковника Протасьева, дѣйствовавшаго, какъ извѣстно, противъ Неживого и Швачки. Савечка рѣшилъ, что въ отсутствіе Шелеста не трудно будетъ овладѣть добычей Грыцька Волка, оставленной въ богуславскомъ замкѣ, и дѣйствительно—онъ не ошибся въ разсчетахъ. Узнавъ объ ограбленіи

---

[1]) Кодн. кн. стр. 177, 178.

Савечкой богуславскаго замка, Шелестъ взялъ у Протасьева нѣсколько десятковъ карабиперовъ и своихъ козаковъ и явился въ Богуславъ. Но въ Богуславѣ Савечки уже не было, и Шелестъ не рѣшился гнаться за нимъ въ виду разсказовъ о численности его загона. Двинулся за нимъ самъ Протасьевъ со всей своей командой и догналъ только у Мошенъ, гдѣ ватага была разбита и разсѣяна; многіе гайдамаки отосланы были при этомъ въ плѣнъ въ Переяславъ.

О ватажкѣ *Максимѣ* [1]) знаемъ изъ небольшой судебной отмѣтки, что онъ въ 1768 г. ходилъ „грабить полѣсье". Въ его загонѣ былъ между прочимъ тотъ самый Стефанъ Піотровскій, шляхтичъ по званію, который участвовалъ и въ загонѣ Савка Ильхаенка. Кромѣ Піотровскаго, изъ загона Максима фигурировалъ на кодненскомъ судѣ еще Василій Письмененко. Кодненская коммиссія и въ данномъ случаѣ, какъ въ дѣлѣ гайдамакъ Савка Ильхаенко, не могла быть снисходительной, усматривая въ средѣ Максимовыхъ гайдамакъ польскаго ренегата и замѣчая чисто политическое настроеніе всего загона.

Ватажокъ *Бандурка* [2]) имѣлъ загонъ въ 300 гайдамакъ и дѣйствовалъ съ нимъ и въ Бѣлоцерковщинѣ, и въ с.-з. части теперешняго Черкасскаго уѣзда; дѣйствовалъ почти одновременно со всѣми выдающимися ватажками. Изъ кодненской книги мы узнаемъ о той жестокой расправѣ, которой подвергались гайдамаки этого загона послѣ того, какъ ихъ разбилъ подъ Валявой князь Баратовъ, состоявшій, какъ кажется, офицеромъ какого то сербскаго полка. По свидѣтельству богуславскаго писаря Градовскаго, князь Баратовъ, въ виду численности загона Бандурки, усилилъ свою команду присоединеніемъ къ ней надворныхъ козаковъ бѣлоцерковскихъ, рокитянскихъ и богуславскихъ. Съ такими силами онъ послѣ стычки захватилъ въ плѣнъ всѣхъ до единого гайдамакъ Бандурки. Наказать ихъ онъ рѣшился примѣрно и потому велѣлъ выкопать яму, устроивъ въ ней импро-

---

[1]) Кодн. кн. стр. 483.

[2]) Кодн. кн. стр. 180, 448.

визированную тюрьму. Пока несчастные тамъ сидѣли, съ окрестныхъ селъ велѣно было созвать крестьянъ обоего пола и благочестивыхъ поповъ. Когда явилось народу довольно много, тогда Баратовъ велѣлъ плѣнныхъ гайдамакамъ выйти изъ ямы и стать по краямъ ея, а людямъ своей команды приказалъ стрѣлять въ нихъ. Конечно, и убитые, и раненные падали въ яму. Когда сверху никого изъ плѣнныхъ больше не было, князь Баратовъ велѣлъ своей командѣ засыпать яму и сравнять ее съ землей, хотя оттуда и неслись стоны недобитыхъ гайдамакъ. Отнятая у Бандурки добыча была распаевана между всѣми козаками и сербами, что были въ командѣ князя Баратова.

Ватажокъ *Степанъ Гловацкій* [1]) не былъ изъ числа ватажковъ идейныхъ. Загонъ его состоялъ изъ 11 душъ, и съ нимъ онъ рыскалъ взадъ и впередъ на довольно большомъ районѣ, грабя людей по дорогамъ, особенно при возвращеніи ихъ съ ярмарокъ. Такъ, онъ грабилъ крестьянъ у Шполы (звенигор. у.) и у Богуслава во время скотской ярмарки. Ни самъ Гловацкій, ни пять его соучастниковъ, попавшихъ на кодненскій судъ, сознавшись въ грабежѣ, не сознавались ни въ какихъ убійствахъ. Тѣмъ не менѣе военно-судная коммиссія самого Гловацкаго приговорила четвертовать, а остальныхъ обезглавить. Не смотря на такую строгость приговора, все же надо полагать, что Гловацкій, подобно Романченку, Лупулу, Параюшу и нѣкоторымъ другимъ, былъ не больше, какъ простой грабитель, пользовавшійся смутами 1768 года.

Ватажокъ *Яковъ Саченко* [2]) названъ въ судебной отмѣткѣ кодненской книги давнимъ гайдамакой. Онъ собралъ загонъ гайдамакъ и сказалъ имъ: „ходимъ у середыну Польщы до Билои церквы“. Достигъ ли онъ своей цѣли—не извѣстно, такъ какъ въ судебной отмѣткѣ ведется рѣчь только объ одномъ изъ участниковъ ватаги, заграничномъ крестьянинѣ Иванѣ Яновскомъ, который случайно заблудился въ лѣсу и отсталъ отъ загона въ

---

[1]) Кодн. кн. стр. 530 и 540.

[2]) Кодн. кн. стр. 541.

самомъ началѣ предпріятія. Яновскій этотъ утверждалъ, что ни онъ, да и никто при немъ изъ загона Саченка не грабилъ и не убивалъ. Тѣмъ не менѣе коденская коммиссія приговорила его обезглавить.

Конечно, въ коденской книгѣ мы нашли упоминаніе только о тѣхъ загонахъ, участники которыхъ были на коденскомъ судѣ. Но кромѣ помянутыхъ здѣсь, существовало еще много другихъ. Такъ, мемуаристъ Липпоманъ [1]) упоминаетъ о загонахъ, дѣйствовавшихъ близъ Гранова, Теплика, Дашова, Тульчина, Монастырища, Гайсина, Конелы, Божувки, Жидычина, Лодыжина. У Липпомана же есть указаніе и на то, что кромѣ Желѣзняка, до Балты прошелъ съ своимъ загономъ сотникъ Шило.

Нельзя думать однако, что и при этой добавкѣ Липпомана исчерпывается число загоновъ, дѣйствовавшихъ въ Украинѣ въ періодъ коліивщины. Ихъ несомнѣнно было больше, и они проникали далеко на западъ и югъ отъ кіевщины, куда главныя силы гайдамакъ даже вовсе и не стремились.

ГЛАВА II.

Крестьяне Кіевщины и Брацлавщины, какъ главные дѣятели коліевщины.

Движеніе 1768 года, представляя собою послѣднюю яркую вспышку такъ называемыхъ гайдамацкихъ волненій, заполняющихъ собою въ исторіи правобережной Украины весь XVIII в., отмѣчено польскими мемуаристами, какъ движеніе крайняго ожесточенія южно-русскаго поспольства и какъ рѣзкое проявленіе его необыкновенной дикости и грубости. Такая характеристика коліивщины представляется на первый взглядъ тѣмъ болѣе основательной, что вообще ужасны бываютъ народныя возстанія, вызванныя рядомъ тяжелыхъ утѣсненій со стороны тѣхъ, у кого власть и сила. Думается, не могла бы быть поэтому неужасной и коліивщина, разъ польскій гнетъ во вновь обрѣтенной правобережной Украинѣ, и въ религіозномъ, и въ экономъ-

[1]) Bunt hajdamaków na Ukrainie, стр. 39.

мическомъ отношеніи, былъ съ откровеннымъ нахальствомъ и неукоснительною послѣдовательностью возстановляемъ въ теченіе всего XVIII вѣка. При иныхъ ожиданіяхъ хлынувшаго въ этотъ край населенія и, главное, при иныхъ обѣщаніяхъ заманившаго его сюда шляхетства—времена Хмельницкаго со всею своею безпощадною суровостью должны были вернуться для народныхъ ненавистниковъ, для польской шляхты и жидовъ, ничему не научившихся изъ опыта прошлаго и ничего не забывшихъ, и времена эти дѣйствительно какъ будто бы вернулись во многихъ мѣстахъ и случаяхъ. Уманская рѣзня, убійства шляхты Швачкой въ Фастовѣ—все это страшныя проявленія разнузданныхъ страстей у мстителей за свою вѣру и свободу. Но если частями коліивщина и является повтореніемъ хмельницины, если въ тѣхъ или другихъ случаяхъ народное ожесточеніе въ 1768 году бывало крайнимъ, то все же это движеніе не можетъ сравниться, по проявленіямъ народной ненависти къ угнетателямъ, съ хмельницкой и съ другими народными крестьянскими движеніями въ Европѣ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ вся совокупность данныхъ относительно коліивщины. Особенно же хорошо можетъ быть выяснено сказанное на характеристикѣ самыхъ участниковъ движенія 1768 г. Поэтому, если мы теперь, въ добавокъ къ охарактеризованнымъ уже нами ватажкамъ этого движенія, выведемъ, пользуясь все тѣми-же данными Кодненской книги, еще и простыхъ гайдамакъ въ большихъ ватагахъ и загонахъ и крестьянъ—пособниковъ тѣхъ и другихъ,—то мы не сомнѣваемся, что люди эти ни въ чьихъ глазахъ не явятся фанатическими борцами за одушевляющее ихъ дѣло, и что большинство ихъ не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ борцами хмельницины.

Ясна причина—отчего могла произойти такая разница въ настроеніи боровшихся народныхъ массъ въ двѣ взятыя нами эпохи. Во времена хмельницины боровшимся не было иного удовлетворительнаго выхода изъ тяжелаго положенія, созданнаго для нихъ Рѣчью Посполитой, какъ побѣда надъ поляками. Избавляться отъ гнета удаленіемъ за Днѣпръ въ дикія мѣста будущей слободской Украины было нелегко: немыслимо было

семейнымъ людямъ уходить и въ Запорожье. Въ XVIII же вѣкѣ отъ тяжелаго польскаго гнета можно было переселяться если не въ гетманщину, гдѣ становилось людно, то въ значительно уже устроившуюся слободскую Украину; да наконецъ и вольности войска запорожскаго стали привлекательны даже семейнымъ людямъ, такъ какъ, чѣмъ дальше, запорожское государство переставало быть военной общиной, и въ немъ все больше и больше обрѣтали силу земледѣльческія и семейныя начала. Не въ одной побѣдѣ надъ поляками могъ, поэтому, теперь заключаться выходъ изъ тяжелаго положенія, созданнаго послѣ недавней руины Рѣчью Посполитой для южно-русскаго правобережнаго православнаго населенія, успѣвшаго за какіе нибудь полвѣка вновь культивировать недавнюю пустыню. А разъ, кромѣ исхода, опредѣляемаго побѣдой надъ врагомъ, существуютъ и другіе,—ожесточеніе, фанатизмъ борцовъ—явленія не необходимыя и скорѣй даже исключительныя.

Не малое вліяніе на настроеніе боровшихся должно было имѣть и другое обстоятельство — это участіе въ возстаніи не всего южно-русскаго населенія, какъ при Хмельницкомъ, а только населенія недавней руины, т. е. почти всей Кіевщины и Брацлавщины, составлявшей двѣ трети нынѣшней подольской губерніи. Что возстаніе вспыхнуло именно въ этой части, а не въ болѣе западныхъ и заселенныхъ частяхъ южной Руси—можетъ казаться какъ будто необъяснимымъ. И въ самомъ дѣлѣ, если опредѣлить силу гнета, который испытывали тогда русскіе крестьяне отъ поляковъ [1]), то окажется, что наиболѣе ужасна была жизнь крестьянства на Волыни, затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ бывшей руинѣ, въ Полѣсіи и сѣверной части Кіевщины, тягости крѣпостническихъ отношеній становились легче, и наконецъ—въ предѣлахъ остальной Кіевщины и Брацлавщины, гдѣ собственно и была руина, объявленныя помѣщиками льготы въ началѣ заселенія дѣлали до поры до времени жизнь явившихся сюда вновь крестьянъ и вовсе сносною. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, нерѣдко случалось, что волынскіе крестьяне,

[1]) Арх. Ю.-З. Р. ч. VI, т. II. Изслѣдованіе о крестьянахъ (предисловіе къ актамъ), стр. 44—55.

уходя отъ своихъ грозныхъ помѣщиковъ, селились въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ, какъ въ мѣстностяхъ съ удобными условіями жизни. Конечно, подобная разность въ условіяхъ крестьянскаго быта въ одномъ государствѣ обусловливалась тѣмъ, что въ мѣстностяхъ густо заселенныхъ, далекихъ отъ степныхъ границъ, польскіе помѣщики пользовались своими крѣпостническими правами въ самой широкой степени, въ мѣстностяхъ же, гдѣ въ рабочихъ былъ большой недочетъ, гдѣ крестьянствомъ надо было дорожить и куда его надо было еще зазывать, сами помѣщики сознавали необходимость представленія ему всевозможныхъ льготъ, по крайней мѣрѣ до поры до времени. Во второй половинѣ XVIII столѣтія, впрочемъ, въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ въ большинствѣ случаевъ льготные годы уже прошли, но все же опасеніе, чтобы вновь земля не опустѣла, заставляло помѣщиковъ не особенно рѣзко проявлять свои права. И вотъ, при такихъ то условіяхъ вспыхиваетъ возстаніе не на Волыни, не въ Полѣсіи, не въ Подоліи, а именно въ менѣе стѣсненной Кіевщинѣ. Необъяснимое съ перваго взгляда явленіе это однако имѣетъ свой вполнѣ опредѣленный смыслъ. Прежде всего, конечно, важно то, что южно-русское населеніе Волыни, западной Подоліи и Полѣсья несло ярмо давнее, нѣкоторымъ образомъ привычное, и потому до поры до времени оно его опротестовывало только пассивнымъ образомъ—побѣгами. Не то—сравнительно недавніе слобожане Кіевщины: они явились въ край въ надеждѣ на лучшее и, отвыкнувъ за долгіе годы слободъ (слободы давались на 15—30 лѣтъ) отъ мысли о крѣпостной зависимости, выражали прямой активный протестъ злымъ замысламъ шляхетства нарушить ихъ льготное житье. А такъ какъ къ шестидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія всѣмъ почти слободамъ сроки истекли, то и число крестьянъ, готовыхъ силою отбиваться отъ насовывавшагося на нихъ ярма крѣпостничества, становилось все больше и больше. Когда же одновременно съ тѣмъ въ Кіевщинѣ, въ предѣлахъ переяславской епархіи, поднялось, какъ это было уже нами отмѣчено, сильное гоненіе на православіе, которое должно было быть замѣнено широко пропагандируемой уніей, то для начала возстанія нуженъ былъ только небольшой толчекъ. Толчкомъ такимъ, какъ извѣстно, была барская конфедерація.

Конечно, если бы возстаніе въ Кіевщинѣ, никѣмъ не защищенной, не встрѣтило на своемъ пути силъ чужого государства, то расширилось бы оно и по всему Подолію, и по Волыни, и по Полѣсью, хотя тамъ и была кой-какая оборона,—и быть можетъ исторія знала бы вторую хмельницину. Но этого не случилось. Районъ возстанія остался ограниченнымъ, и данное обстоятельство, какъ мы уже сказали, было второй причиной, отъ которой зависѣло настроеніе боровшихся съ поляками въ 1768 году. Сила, интензивность движенія непремѣнно обусловливается обиліемъ участниковъ, однаковостью въ воззрѣніяхъ большой массы людей: вѣра въ успѣхъ своего дѣла тогда растетъ, и притомъ не отъ одного сознанія своей матеріальной силы, но и вслѣдствіе сокровенныхъ мотивовъ. Тогда намѣченная цѣль освящается въ глазахъ участниковъ дѣла въ такой мѣрѣ, что ею начинаютъ они легко оправдывать всякія средства къ ея осуществленію, включая и самыя возмутительныя. Такъ было въ хмельницину, когда вся южная Русь была въ возстаніи, но не такъ было въ коліивщину, когда только часть южно-русскаго народа поднялась за свои права и вѣру. Фанатическое настроеніе отдѣльныхъ коліевъ не слѣдуетъ принимать за настроеніе цѣлаго народа.

Изъ 440 гайдамакъ, свѣдѣнія о которыхъ мы извлекли изъ Кодненской книги, о трехстахъ мы знаемъ, откуда они родомъ и гдѣ жили въ періодъ коліивщины. Изъ этихъ трехсотъ двѣсти шестьдесятъ четыре человѣка оказываются принадлежащими правому берегу Днѣпра. Обращаясь теперь къ обѣщанной выше характеристикѣ отдѣльныхъ гайдамакъ, мы именно прежде всего примемъ въ разсчетъ правобережцевъ района недавней руины. При этомъ мы увидимъ, что въ этой, даже наиболѣе существенной, группѣ возставшихъ не было завзятости борцовъ хмельницины: передъ нами все больше будутъ проходить люди, какъ будто не твердо вѣрящіе въ успѣхъ возстанія и потому не считающіе его дѣломъ всей своей жизни; исключенія, конечно, окажутся, но ихъ не будетъ много. Нельзя будетъ намъ пройти молчаніемъ и вполнѣ отрицательные элементы среди борцовъ за правое дѣло: эти элементы были—и ихъ не скроешь.

Однимъ изъ заслуживающихъ вниманія гайдамакъ означенной выше мѣстности былъ встрѣчавшійся намъ уже при характеристикѣ Швачки Олекса Якименко [1]). Это былъ молодой человѣкъ 25 лѣтъ, родомъ изъ села Яцокъ бѣлоцерковскихъ. Въ Яцкахъ же онъ и жилъ и былъ, значитъ, человѣкомъ вполнѣ осѣдлымъ. При появленіи въ Бѣлоцерковщинѣ Швачки и его ватаги, Якименко тотчасъ же присталъ къ нему и участвовалъ во многихъ его дѣяніяхъ. Такъ, въ с. Гребенкахъ онъ убилъ пятерыхъ шляхтичей, изъ которыхъ по имени зналъ только двухъ—пана Симашка и пана Кондрацкаго, а потомъ, когда пришелъ съ Швачкой въ Фастовъ, онъ и счетъ потерялъ убитымъ имъ панамъ. Былъ онъ, наконецъ, и въ дѣлѣ подъ Блощинцами, гдѣ, какъ извѣстно, Швачка понесъ пораженіе отъ русскаго полковника Протасьева. Якименко при этомъ оказался въ числѣ 500 другихъ гайдамакъ, взятыхъ въ плѣнъ и отведенныхъ въ Кіевъ, гдѣ и его, какъ другихъ, продержали съ годъ, прежде чѣмъ рѣшили—кого изъ нихъ сослать, кого отпустить. Якименко былъ въ числѣ отпущенныхъ во свояси. Онъ пришелъ къ отцу въ Яцки, но былъ тутъ арестованъ паномъ Кондрацкимъ, сына котораго онъ убилъ. Попавши затѣмъ въ руки военно-судной коднепской коммиссіи, Якименко не подъ пыткой, а добровольно показалъ все вышеприведенное, очевидно, считая себя нравственно правымъ. Ожидавшая его смертная казнь не смутила его, какъ человѣка, не сомнѣвавшагося въ необходимости того дѣла, въ которомъ онъ принималъ участіе и за которое теперь карали его.

Другой гайдамака правобережной Украины, *Михайло Казанъ* [2]) тоже присталъ къ гайдамачеству не изъ-за личной наживы. Изъ показаній его на судѣ узнаемъ, что родомъ онъ былъ изъ с. Дацокъ смѣлянскихъ, взросъ же въ с. Орловцѣ при отцѣ, рано потерявъ мать. Вскорѣ его женили на дивчинѣ изъ с. Будокъ смѣлянскихъ. Матеріальные недостатки заставили Михайла поступить въ число надворныхъ козаковъ въ Корсунѣ. Изъ Корсуня онъ однако часто навѣдывался къ своимъ въ с.

[1]) Коди. кн., стр. 49, 5.

[2]) Коди. кн., стр. 12, 51.

Орловецъ. Здѣсь, въ Орловцѣ, онъ засталъ однажды Ивана Чернаго, „атамана отъ ватаги Желѣзняка“. Этотъ Иванъ Черный, очевидно, основательно уяснилъ и Михайлу Казану, и многимъ другимъ изъ орловецкой громады всю тягость, испытываемую ими отъ пановъ и уніатовъ, и всю серьезность цѣлей Желѣзняка. И вотъ Михайло Казанъ и другіе жители Орловца охотно вступили въ ватагу Ивана Чернаго и двинулись съ нимъ къ Корсуню, не производя однако нигдѣ рѣзни: тогда еще только начиналось возстаніе, и сами гайдамаки не пріучены были къ рѣзнѣ. Въ ватагѣ Желѣзняка однако Михайло Казанъ оставался недолго, тѣмъ не менѣе послѣ разгрома, постигшаго всю ватагу Желѣзняка и Гонты, его арестовали, не имѣя противъ него никакихъ уликъ. Отъ бѣды его избавилъ заступившійся за него панъ Дунинъ, товарищъ хоругви панцырной. Дунинъ взялъ его къ себѣ на службу, но Михайло Казанъ бѣжалъ отъ него. Его словили и засадили въ корсунскую кордегардію. Оттуда онъ съ нѣсколькими другими бѣжалъ и на этотъ разъ—къ донцамъ, у которыхъ былъ въ теченіе двухъ недѣль. Его вновь схватили, когда онъ однажды ѣхалъ въ Орловецъ къ роднымъ. Отданный вновь суду кодненской коммиссіи, онъ былъ обезглавленъ. Ни грабежей, ни грубаго личнаго разсчета за Казаномъ не было. Онъ, какъ видимъ, человѣкъ семьи,—ея онъ не забываетъ среди всѣхъ треволненій тяжелой политической поры. Сознаніе общественныхъ обязанностей ведетъ его сперва къ Желѣзняку, а потомъ къ донцамъ, которыхъ онъ, конечно, считалъ присланными на защиту интересовъ, близкихъ и ему. Юность—Казану было не больше 21 года—оправдываетъ его въ послѣдней ошибкѣ.

Пониманіе текущихъ политическихъ условій встрѣчаемъ мы, между прочимъ, еще и въ лицѣ нѣсколькихъ сегединскихъ крестьянъ—братьевъ Ризниченковъ, Михайла и Тимоша, Ивана Поповича и Ивана Ботвинёнка [1]). Послѣдній былъ, правда, въ краѣ сравнительно недавній житель: пришелъ онъ въ село Сегединцы только въ 1765 г., но сдѣлался здѣсь вполнѣ осѣдлымъ человѣкомъ и, очевидно, не намѣренъ былъ вновь уходить на свою родину—въ село Христиновцы, на лѣвомъ берегу Днѣпра въ лубенскомъ полку. Чувствуя всю моральную тягость

[1]) Кодн. кн. стр. 11, 49.

условій своего житья, названные сегединскіе крестьяне и Ботвиненко сами на свой страхъ и рискъ однако ничего не затѣвали враждебнаго шляхетству; только когда пришелъ въ ихъ село Неживый и истолковалъ имъ положеніе дѣлъ да въ добавокъ прочелъ мнимую на самомъ дѣлѣ, но дѣйствительную для него самого золотую грамоту русской императрицы, они послѣ серьезнаго раздумыванія рѣшились пристать къ ватагѣ Неживого и порвать съ своимъ легальнымъ положеніемъ. Что такъ поступили они именно послѣ того, какъ взвѣсили и все имъ претерпѣваемое, и всякія надежды на успѣхъ, о которомъ могъ говорить Неживый—это мы заключаемъ изъ интересныхъ показаній Ботвиненка на судѣ. По словамъ его, Неживый сразу не обрѣлъ адептовъ между сегединцами; это только послѣ ухода его крестьяне Ризниченки и Поповичъ, сойдясь, рѣшили догнать ушедшаго ватажка и пристать къ нему, причемъ убѣдили въ необходимости такъ поступить и Ботвиненка. Впослѣдствіи Ризниченки и Поповичъ перешли, съ согласія Неживого, въ ватагу Желѣзняка, а Ботвиненко остался съ Неживымъ и, очевидно, былъ съ нимъ до послѣдней возможности, потомъ же бѣжалъ къ сербамъ въ черный гусарскій полкъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ только онъ снова вернулся въ Сегединцы, разсчитывая за давностью избѣгнуть кары за гайдамачество, но его схватили, и кодненская коммиссія приговорила его къ обезглавленію. О судьбѣ же Ризниченокъ и Поповича свѣдѣній нѣтъ.

Вникая въ сущность приведенныхъ гайдамацкихъ біографій, не трудно видѣть по нѣкоторымъ изъ нихъ, что въ ватаги шли больше люди молодые, и что они, являясь убѣжденными, идейными, были такими, между прочимъ, благодаря окружающей ихъ средѣ и въ частности, быть можетъ, благодаря ихъ собственнымъ семьямъ. И Михайло Казанъ, и Олекса Якименко—люди хорошихъ семей, съ которыми связь у нихъ не обрывается до конца ихъ жизни. Тоже заключеніе, надо думать, невольно должно явиться у всякаго и при пересмотрѣ массы другихъ гайдамацкихъ біографій. Наиболѣе однако яркой иллюстраціей связи ватажной молодежи съ убѣжденными стариками своихъ селъ можетъ служить дѣло двухъ Дубенныхъ—отца и сына, относитель-

но котораго мы имѣемъ въ Кодненской книгѣ interrogatoria et responsoria gromady litwinowskiey [1]).

Дубенный—сынъ, а не отецъ, только и былъ собственно гайдамакой въ одномъ изъ загоновъ. О немъ однако мы знаемъ только, что онъ присталъ къ коліямъ, поѣхавшимъ на Литвиновку, и затѣмъ участвовалъ въ убійствѣ четырехъ шляхтичей, подвернувшихся этому загону. Что до грабежа, то ватага, о которой рѣчь, позволяла себѣ грабить только панское добро, какъ это, напримѣръ, случилось во время пребыванія ея въ Литвиновкѣ.

Гораздо интереснѣе Дубеннаго—сына Дубенный—отецъ, такъ какъ, очевидно, благодаря ему и сынъ сталъ гайдамакой. При самомъ началѣ движенія, этотъ человѣкъ полагалъ, что только гайдамаки вызволятъ угнетенное поспольство изъ бѣды. Поэтому онъ необычайно обрадовался приходу гайдамацкой ватаги въ Литвиновку, зазвалъ всю ватагу въ свой дворъ—и она долго тамъ прохлаждалась, добывая себѣ медъ, пиво и горилку изъ панскихъ погребовъ. А раньше еще, когда тѣ-же гайдамаки подошли къ селу Житники, онъ далъ имъ подробныя указанія относительно того, какъ удобнѣе захватить нужный имъ скотъ во владѣніяхъ пана, и тогда же пересказалъ имъ о той несправедливости, какую онъ самъ понесъ отъ пана. Панъ, по его словамъ, несправедливо отнялъ у него „десятину“ (?). Ободряемый надеждой на успѣхъ поднявшагося возстанія, старикъ Дубенный, не стѣсняясь, нападалъ на польскіе порядки и усердно вооружалъ противъ нихъ своихъ односельчанъ и сосѣдей въ с. Житники. Прійдя въ это послѣднее, онъ сталъ настаивать, чтобы житниковцы отказались отъ панщины, говоря: „якъ далеко земли до неба—такъ ляхамъ до насъ, бо вже ихъ чорты забралы; а якъ що робытымете на ихъ панщыну, якъ робылы, то знову впреться у село яка-небудь чортяка“. Когда же прошелъ слухъ, что въ пятигорскомъ лѣсу появился польскій отрядъ для преслѣдованія гайдамакъ, съ которыми житниковцы и литвиновцы братались, то Дубенный сталъ настаивать

[1]) Кодн. кн. 575—580.

на необходимости для нихъ заранѣе вооружиться для встрѣчи отряда. „Стійте на варти коло села, говорилъ онъ, бо чувъ я видъ козакивъ, що йе въ пьятыгоровскому лиси поляки. Щобъ воны не почалы напротывно васъ помсты, визьмить косы, спысы, цапы, хто що мае. Та дывиться, не давайтесь имъ!“ Дубенный открыто сталъ выражать также свое расположеніе къ католичеству и уніи. Многимъ полякамъ онъ говорилъ „żeby się odrzekali wiary swiętey y abżędkow“. А по показаніямъ нѣкоей Терезы Ольшевской онъ даже „blaznił przeciwko wierze swiętey“. Прійдя къ ней однажды, онъ повелъ такую рѣчь; „прыставайте до виры православной, тилько же не до такои, якъ теперъ завелась у насъ. Ни,—такои намъ не треба. Прыставайте, кажу, до такои, яка була въ насъ до цього часу. И колы вже прыстаете до насъ, то треба буде видректися одъ виры польськои и наплювать на неи, та отця святого, що жыве у Рыми—бо то антихристъ, що людей обманюе. Треба буде вамъ тоди залышать и тихъ писень, що доси по косціолахъ та церквахъ „выквинтовувалы“. Уніатамъ, говорятъ, также доставалось отъ Дубенного. Однажды онъ вышелъ на встрѣчу шедшимъ изъ церкви съ уніатскаго богослуженія и прямо сказалъ имъ: „проклятый той, хто одправлявъ службу, и той, що слуха уніативъ“.

Такъ держалъ себя Василій Дубенный, пока движеніе гайдамацкое все ширилось и надежды возставшихъ на одолѣніе врага были основательны хоть сколько-нибудь. Послѣ же ряда пораженій, понесенныхъ гайдамаками, Василій Дубенный сталъ склоняться къ мысли, что все спасеніе въ русскихъ. Характерно выражено все это въ показаніяхъ его брата, Михаила Дубенного, которыя мы тутъ и приводимъ.

„Прыйшовшы до мене,—говорилъ онъ,—братъ мій Васыль почавъ мене лякать Кодней, почавъ вговорювать мене, щобъ я йихавъ за границю шукать протекціи въ москаливъ. Я зрикався та казавъ ёму: „схаменысь ты, Васылю, и зробы такъ, якъ я тоби молодшый параяку“. А винъ мени на те: „схаменысь ты самъ! Ты не хочешъ иты зо мною—то хыба хочешъ встряпуть у Кодню?“ А я ёму: „не попаду я у Кодню, бо ни въ чому я не выноватый“. Тоди винъ зновъ: „И чого тоби жалко?—Одного

вола? Мени жъ більшъ нічого не жалко: доволи вже буть въ пиддапстви панамъ польськимъ". И писля цёго я все жъ сказавъ: „не пойду", тилько жъ винъ почавъ пидбуджувать мене то прыйнлось пойихать. Оце уже мы йдемо и прыйизжаемо до Торговыци, до титки нашои, дали и за Торговыцю зайихалы, прямуючы до граници. Саме передъ границей зустричаймо якогось чоловика, Васыль и пыта его: „видкиля ты, чоловиче? Той одвича: „зъ заграныци". „Що жъ тамъ чувать"? „Чувать— чуму!" Почувши таке, я й кажу братови, „вернемось, брате, до Литвиновкы". Завернулы. Йдемо до Гранова, де тоди стоявъ сербьскый майоръ. Васыль и пишовъ до того майора прохать протекціи. Прыходыть назадъ, каже: „цей нічого не вдіе". Йдемо тоди шукать другого и знаходымо въ Исяровци. Исяровськый майоръ пыта насъ: „чого вамъ треба?" Васыль и каже, що не хочемо буть пидъ польськымы панами, а тилько пидъ москалямы. „Я, додавъ винъ, заразъ сына мого альбо племенныка запышу до войска чы панщыну стожусь робыть—треба мени тилько, щобъ було въ мене степу доволи, лису и воды. Якъ що цього буде досыть, то й слободы осажу". Майоръ одповивъ Васылеви: „идите до старшого майора, а я тоби напышу лысть— то винъ дасть тоби протекцію и знайде мисце, заразомъ и запыше васъ въ канцеляріи". Я, змирковавши дило, выйшовъ заразъ зъ хаты, а Васыль забавывся ще зъ майоромъ. Майоръ заразъ послявъ по поручепію. Поручникъ прыйшовъ и заразъ пойихавъ зъ намы на ничъ на квартыру. Въ вечери пытаю Васыля: „брате, щось зле буде зъ того, що роспочавъ; до решты самъ себе знищышъ и мене переведешъ ни на вищо, бо одныменшъ въ мене остатню сорочку". Одповивъ мени Васыль: „мовчы, бо розибью тоби кіемъ голову. Робы, що до тебе надлежыть—гляды тилько коней та санкы". Тоди я, доставшы зъ санокъ горилкы, напывся разивъ два и лигъ въ санкахъ спаты. Колы зновъ прыходыть Васыль и каже; „брате, ты ни у вищо не втручайся, дывысь тилько за кіньмы; майоръ казавъ, що зъ намы у Литвиновку пошле поручныка и гусарывъ на залогу (гарнизонъ), и щобъ мы соби вильно жылы въ Литвиновци черезъ зыму до весны и хлибъ вымолочувалы, бо хочъ бы заразъ

перетяглысь заграныцю, то все одно не було-бъ чымъ худобу до кинця зимы додержать".

Неизвѣстно, осуществилась ли обѣщанная протекція и могла ли даже она осуществиться, но для Литвиновки пребываніе тамъ сербского поручика съ небольшимъ отрядомъ во всякомъ случаѣ осталось памятнымъ: одни изъ сербовъ кинулись захватывать подводы, нагруженныя панскимъ хлѣбомъ для отправки на Волынь, другіе начали бить войта и только тогда отпустили его, когда онъ отказался отъ войтовства и проч. Въ виду такого результата отъ сербской протекціи, разсчеты на нихъ, сербовъ, Васыля Дубенного, были по меньшей мѣрѣ несвоевременны. Въ этомъ отношеніи съ нимъ не сходились, очевидно, другіе селяне, которымъ не чужды были общественные интересы. Характеренъ въ этомъ отношеніи разговоръ Васыля Дубенного по дорогѣ въ Литвиновку, когда онъ уже велъ сербовъ. Заночевали они тогда на пути въ Бузовкѣ у Васылёваго кума—мельника бузовецкаго. Мельникъ и мельничиха приняли Васыля съ его мнимыми защитниками радушно, но когда на другой день утромъ они вырядили уже своихъ гостей, то мельничиха возлѣ воротъ отозвала Васыля въ сторону и сказала: „схаменысь, куме,—що ты робышъ?" На это однако Васыль только отвѣтилъ: „побачышъ, кумо, що я тамъ зроблю".

Для передачи съ полной обстоятельностью всего склада понятій старика Дубенного, мы не ограничились пересказомъ содержанія нашего документа въ той его части, которая относится къ 1768 году, но приняли въ разсчетъ и другую, относящуюся къ 1770 и 1771 годамъ. Благодаря этому, мы видимъ, что Дубенный въ разное время искалъ разныхъ средствъ для достиженія своей цѣли; сперва онъ ждалъ облегченія отъ гайдамакъ, потомъ отъ русскихъ. Принявъ же во вниманіе все это, невольно приходишь къ заключенію, что въ лицѣ Васыля Дубенного мы имѣемъ одного изъ тѣхъ изстрадавшихся стариковъ, по внушенію которыхъ шли въ гайдамацкія ватаги и ихъ дѣти, и многіе, находившіеся подъ ихъ вліяніемъ.

Интересны въ ватагахъ и такіе люди, какъ Кондратъ Микищенко, человѣкъ среднихъ лѣтъ, состоявшій эсауломъ богу-

славскихъ козаковъ. Несмотря на свое личное сравнительно выгодное положеніе, онъ его мѣняетъ на опасное, невѣрное положеніе гайдамаки, пристаетъ къ страшному Швачкѣ и остается съ нимъ до самого его пораженія. Сознаніе общественной неправды, очевидно, завело его такъ далеко. Схваченный впослѣдствіи поляками, онъ былъ присужденъ къ смерти (родъ казни въ документѣ не обозначенъ) [1]).

Кромѣ открыто шедшихъ въ гайдамачество и приставшихъ къ тѣмъ или другимъ ватагамъ, очень многіе изъ кіевскаго и брацлавскаго крестьянства дѣйствовали противъ поляковъ порознь, не соединяясь въ ватаги. Убить въ это время поляка или жида считалось доблестью—и мы наталкиваемся поэтому въ Кодпенской книгѣ на массу дѣлъ объ убійствѣ шляхтичей и жидовъ. Не позорно было также несбереженіе папскаго добра и даже полное его присвоеніе отдѣльными лицами—и объ этомъ опять таки читаемъ мы въ документахъ Кодпенской книги.

Пересмотримъ сперва рядъ дѣлъ объ убійствахъ, совершенныхъ людьми, стоявшими внѣ ватагъ.

Тутъ передъ нами выступаетъ рѣзко опять должностное лицо—отъ села Шпичинецъ паволоцкихъ (село сквир. у. близъ границы бердичевскаго, къ з. отъ м. Паволочи), Мартынъ Лобода [2]). И онъ, подобно многимъ другимъ, не дорожилъ своимъ сравнительно видпымъ положеніемъ въ селѣ и только воспользовался имъ для того, чтобы хоть въ теченіе короткаго времени съ большимъ успѣхомъ гнать ненавистныхъ ему поляковъ и уніатовъ. Онъ то и дѣло разыскивалъ прятавшихся пановъ и жидовъ и отдавалъ ихъ на убійство; не щадилъ при этомъ и женщинъ, причемъ съ особенною яростью преслѣдовалъ жену гуменного, который былъ мазуръ родомъ. Дѣйствовалъ, впрочемъ, Мартынъ Лобода не совсѣмъ въ одиночку; у него были между крестьянами сознательные пособники. Однимъ изъ такихъ пособниковъ состоялъ между прочимъ нѣкій Яковъ

---

[1]) Кодп. кн. 448.

[2]) Кодп. кн. стр. 62, 63.

Руденко, человѣкъ лѣтъ 35, родомъ изъ села Жалобного, что за Звягелемъ, пришедшій всего года за четыре до возстанія въ Шпичапицы паволоцкія на слободы. Здѣсь ему не жилось хорошо, такъ какъ подстароста чинилъ ему всякія несправедливости—отнималъ у него скотъ и проч. Вслѣдствіе этого, руководимый Мартыномъ Лободой, Яковъ Руденко сталъ безжалостно убивать попадавшихся ему шляхтичей и жидовъ, а потомъ даже присталъ къ донцамъ въ надеждѣ, что, принадлежа къ нимъ, онъ будетъ имѣть возможность съ большей безопасностью совершить свои преслѣдованія. Не удивительно поэтому, что когда онъ былъ схваченъ поляками и отданъ на судъ кодпенской коммиссіи, то эта послѣдняя присудила его къ обезглавленію. Та-же кара еще раньше постигла его руководителя—Мартына Лободу.

Слѣдя за убійствами порознь, обратимъ вниманіе на то, что сильнымъ негодованіемъ противъ поляковъ проникались нерѣдко тѣ изъ надворныхъ козаковъ, которымъ паны, приставшіе къ барской конфедераціи, велѣли идти за ними отстаивать дѣло конфедератовъ. Многіе изъ такихъ невольныхъ конфедератовъ при первой возможности дезертировали, не желая сражаться за дѣло неправое, и послѣ дезертирства становились людьми, годными на многое. Въ Кодпенской книгѣ мы имѣемъ, между прочимъ, дѣло нѣкоего Тимка. Этотъ Тимко, вмѣстѣ съ другими 13-ю козаками, бѣжалъ, изъ конфедерацкихъ рядовъ, попалъ затѣмъ въ тюрьму, потомъ же очутился въ Цыбуновѣ и здѣсь косой зарѣзалъ шляхтянку. Въ это время онъ уже былъ въ связи съ гайдамаками. Кодпенская коммиссія присудила его къ смерти.

Общераспространеннымъ въ это время нерасположеніемъ къ полякамъ объясняется, очевидно, и другой случай подобнаго убійства: въ селѣ Черепинѣ косой убилъ шляхтянку крестьянинъ Игнатъ Гудимъ [1]).

Убивали при этомъ не только шляхтичей, такъ или иначе насолившихъ убивавшимъ, но и незнакомыхъ. Такъ, крестьянинъ Лихогруденко [2]) изъ Рокитной, вмѣстѣ съ какимъ-то Ро-

[1]) Кодп. кн., стр. 445.

[2]) Кодп. кн., стр. 493.

говскимъ, убилъ шляхтича, встрѣченнаго на дорогѣ. Кодненская коммиссія Лихогруденка приговорила къ обезглавленію, а Роговскаго къ четвертованію. Судя по наказанію, надо думать, что Роговскій былъ польскій ренегатъ. Иначе ничѣмъ нельзя объяснить проявленной по отношенію къ нему жесткости со стороны кодненской коммиссіи.

Къ смертной казни по дѣлу такого рода, какъ только что пересказанное, присуждены были также Хведько Киресса, Петро Микитенко и Андрушка, Гайдаевъ сынъ [1]). Они убили кіями какого-то шляхтича. На судѣ первые два отказывались сознаться въ убійствѣ, третій же Андрушко, Гайдаевъ сынъ, сознался и донесъ на сотоварищей. Грабежа при убійствѣ не было.

Крайняя жестокость иногда только проявлялась при совершеніи этихъ убійствъ. Такъ, уроженецъ села Кочерницъ уманскихъ Васыль Паламаренко [2]), былъ однажды въ селѣ Ромахъ и въ присутствіи многихъ прислужницъ пани Чаплинской сталъ ее, Чаплинскую, бить, и, когда она уже упала въ безсознательномъ состояніи, Паламаренко разбилъ ей голову, вынулъ мозгъ и отдалъ его собакамъ. Чаплинская была тещей регимептаря Стемпковскаго, предсѣдателя кодненской коммиссіи. Къ сожалѣнію, въ судебной отмѣткѣ нѣтъ указанія на время совершенія означеннаго преступленія. Если оно совершено уже во время существованія кодненскаго суда, то легко могло быть вызвано ненавистью къ Стемпковскому, которою, быть можетъ, объясняется и самая лютость Паламаренка.

Грозой былъ для поляковъ и Васыль Бабачекъ, крестьянинъ родомъ изъ Соколовки уманской [3]). Много убійствъ совершилъ онъ среди шляхты въ селѣ Волощиновкѣ уманской. Застрѣлилъ, между прочимъ, паню Пшемійскую и прикончилъ ударомъ копья уже пораненнаго другими пана Пшемійскаго. При этомъ Бабачекъ сказалъ сыну убитаго, Антонію Пшемійскому: „a wiesz ty o tym, przeklęty lachu, że was wszystkich lachow suka na morzu w kę-

---

[1]) Коди. кн. стр. 461.
[2]) Коди. кн. стр. 475.
[3]) Коди. кн. стр. 475.

pie rodzi y wy stąd pochodzicie wszyscy y początek swoy od tego rodzaju maice". Конечно, Бабачекъ казненъ.

Ужасна также была расправа крестьянъ съ панами въ селѣ Волиянкѣ. Въ ближайшемъ къ Волиянкѣ лѣсу спрятадось 18 человѣкъ шляхты [1]). Крестьяне Волиянки, узнавъ объ этомъ, тотчасъ пустились на поиски ихъ и, отыскавъ, цѣлою громадою участвовали въ ихъ убійствѣ. Не были пощажены при этомъ и дѣти. Большинство участниковъ этого избіенія были потомъ согнаны поляками въ Бѣлую Церковь и здѣсь безъ суда и расправы казнены. На долю кодненской коммиссіи изъ числа волиянцевъ только немногіе остались для рѣшенія ихъ участи. Однимъ изъ такихъ былъ Мыкола Лавренчукъ. Кодненская коммиссія приговорила его къ смертной казни, хотя о немъ только извѣстно было, что онъ находился въ Волиянкѣ въ моментъ избіенія шляхты, но никакихъ не было указаній на то, чтобы онъ самъ принималъ участіе въ этомъ кровавомъ дѣлѣ.

Въ селѣ Копельскомъ полякамъ также довелось жизнью заплатить за тотъ гнетъ, какой отъ нихъ терпѣло поспольство [2]). Войтомъ въ этомъ селѣ былъ Хведоръ Дворакъ, родомъ изъ Чорнополя. Онъ во всемъ готовъ былъ слѣдовать указаніямъ людей, враждебныхъ панамъ, и нисколько не заботился о соблюденіи установленнаго въ селѣ порядка. Благодаря этому, бывшій въ с. Копельскомъ Якимъ Зарудный, числившійся козацкимъ сотникомъ, былъ организаторомъ поимки 22 шляхтичей, и затѣмъ по его же распоряженію всѣ они были убиты, убитъ былъ и губернаторъ копельскій вмѣстѣ съ писаремъ. Въ судебной отмѣткѣ по этому дѣлу сказано, что Зарудный тогда же убилъ отца своего, зятя и дѣтей послѣдняго. Чѣмъ объяснить эти послѣднія убійства? Не то ли было ихъ причиной, что отецъ и зять Зарудпаго не были на сторонѣ возставшихъ и не мѣшали ли они Якиму совершать его расправу съ панами?

Видную роль въ это время сыгралъ въ Копельскомъ и эсаулъ козацкій Иванъ Гучала изъ Чорнополя [3]). Онъ передъ

[1]) Кодн. кн. стр. 491.
[2]) Кодн. кн. стр. 495.
[3]) Ibidem.

тѣмъ, какъ раздраженіе въ с. Конельскомъ противъ поляковъ дошло до крайнихъ предѣловъ, согласился спрятать у себя въ хлѣву ксендза францисканскаго ордена. Ксендзъ и пришелъ къ нему, не подозрѣвая, конечно, что самъ Гучала—одинъ изъ наиболѣе ярыхъ ненавистниковъ поляковъ и уніи. Узнать это однако ему довелось, какъ только Зарудный приступилъ къ расправѣ съ шляхтой. Гучала тогда выдалъ ксендза Зарудному и другому земляку своему Романюку — и францискапецъ былъ убитъ на глазахъ конельскихъ крестьянъ.

Интересенъ еще небольшой эпизодъ, которымъ сопровождалась вся эта конельская исторія. Когда были добыты шляхтичи, предназначенные къ убійству, и между ними оказались люди, собиравшіеся идти въ конфедерацію, то тотчасъ Зарудный и др. предположили, что при нихъ должны быть деньги на покупку лошадей. Предположеніе оказалось основательнымъ. Деньги были добыты и распаеваны между добывшими. Завѣдывалъ этимъ Грыцько Швець, получившій также свою долю. Смущеннымъ панамъ онъ при этомъ заявилъ: „досыть вамъ вже тутъ панувати“.

Накопившаяся у крестьянъ противъ поляковъ ненависть, какъ извѣстно, не уступала въ силѣ ненависти ихъ къ жидамъ. Убійства жидовъ людьми внѣ ватагъ были поэтому въ періодъ движенія 1768 года чуть ли не чаще убійствъ шляхты. Фактовъ въ этомъ родѣ въ книгѣ нашей масса. Мы приведемъ только нѣкоторые изъ нихъ.

Такъ, мы знаемъ, что невдалекѣ отъ Животова[1]) крестьяне Илько Хабло, Степанъ, сынъ Марка Дышлового, Максимъ Тихоходовъ, Климъ Маковонюкъ и Андрей Конопельчукъ, имѣя въ виду убить нѣсколькихъ жидовъ, призвали къ себѣ изъ Животова для этой цѣли гайдамакъ. Тѣ явились, убили двухъ жидовъ и одну жидовку, а нѣсколькихъ жидовокъ, оставленныхъ въ живыхъ, вмѣстѣ съ дѣтьми забрали съ собой въ Животовъ и тамъ окрестили ихъ. Названные выше крестьяне за столь явное содѣйствіе убійству жидовъ всѣ были приговорены кодненскою коммиссіею къ смертной казни.

---

[1]) Кодн. кн. стр. 464.

Другой случай проявленія ненависти къ жидамъ встрѣчаемъ въ слободѣ Антоновкѣ [1]). Тамъ служилъ у пана Подгурского дьякъ Кондратъ Горбенко. И вотъ этотъ то Горбенко, какъ только гайдамачина стала заявлять себя, измѣнилъ своему пану и убилъ жида. Наказанъ онъ повѣшеніемъ.

Особенно легко рѣшались люди на убійство жидовъ подвыпивши. Такъ, въ хуторѣ Москвитиновкѣ [2]) тамошняго арендаря-жида зарѣзалъ крестьянинъ Уласъ Данчисилъ, родомъ изъ с. Саяновки. Данчисилъ вмѣстѣ съ четырьмя паробками сталъ гулять и пить въ своемъ селѣ, такъ что въ Москвитиновку всѣ они пришли уже пьяные, и тутъ то въ шинкѣ Данчисилъ напалъ съ ножемъ на арендаря-жида и убилъ его. Кодненская коммиссія приговорила Данчисила къ смертной казни.

Жиды не знали, куда и укрываться. Изъ крестьянъ никто не желалъ ограждать ихъ отъ грозившихъ имъ бѣдъ. Такъ, въ Умани во время рѣзни плотникомъ у какой то жидовки, строившей себѣ домъ, былъ крестьянинъ с. Бузовки, Никита Москаленко [3]). Въ рѣзнѣ онъ не принималъ участія, но когда гайдамаки напали на жидовку, у которой онъ работалъ, и когда она, убѣгая отъ нихъ, въ ужасѣ кинулась къ нему на шею, прося защитить ее, то онъ тотчасъ сбросилъ ее съ себя и хладнокровно смотрѣлъ затѣмъ, какъ ее убивали. На другой день этотъ самый плотникъ, встрѣтивъ фельдшера—выкреста и принявъ его за жида, съ силой ударилъ его въ грудь, намѣреваясь убить его, если же не совершилъ этого убійства, то только потому, что на выручку фельдшеру подоспѣли другіе гайдамаки, знавшіе, что фельдшеръ выкрестился. Конечно, кодненская коммиссія приговорила Москаленка къ смертной казни.

Арендарямъ-жидамъ особенно трудно было разсчитывать въ это время на спасеніе. Выше мы уже привели одинъ случай убійства арендаря крестьяниномъ, а вотъ и другой изъ массы подобныхъ. Въ селѣ Ризановкѣ лисянской [4]) убилъ арендаря

---

[1]) Кодн. кн. стр. 486.
[2]) Кодн. кн. стр. 490.
[3]) Кодн. кн. стр. 497.
[4]) Кодн. кн. стр. 493.

жида крестьянинъ Иванъ Панасенко. Приговоренъ и онъ за это къ смертной казни.

Убивать жидовъ было какъ бы обязательно. Такъ, когда Илько Семеновичъ, крестьянинъ с. Снятовки [1]), пріѣхалъ однажды во время ярмарки въ Сквиру и, встрѣтясь тамъ съ знакомымъ, разговорился о томъ, что онъ дѣлалъ въ Умани, то на вопросъ—сколькихъ онъ убилъ тамъ жидовъ, онъ отвѣчалъ: „а столько, сколько Богъ далъ“. Разговоръ этотъ былъ подслушанъ сквирскимъ писаремъ, и по его доносу Илько былъ схваченъ и отданъ на судъ кодненской коммиссіи, которая приговорила его къ смертной казни.

Жидамъ не помогало часто и желаніе выкреститься ради сохраненія жизни. Такъ, пожелалъ принять крещеніе жидъ въ с. Насташки [2]), но тамошній попъ, Петръ Куцековичъ, вѣроятно признавая неискреннимъ обращеніе жида къ православію въ опасную минуту, отказался окрестить его. Жидъ былъ убитъ, попъ же Петръ Куцековичъ за свой отказъ окрестить его былъ отданъ въ Кодню, и если не былъ тамъ казненъ, то только потому, что до суда умеръ въ кодненской ямѣ.

Отнимая легко у шляхты и жидовъ жизнь, крестьяне бывшей руины еще легче относились къ панскому и жидовскому имуществу. Особенно часто добро ненавистныхъ людей захватывали крестьяне послѣ того, какъ имъ доводилось столкнуться съ гайдамацкими отрядами. Такъ, послѣ того, какъ въ Каменномъ Бродѣ [3]) побывалъ Желѣзнякъ и разграбилъ все, что хотѣлъ, изъ имущества пана Пясецкаго, спасшагося изъ Каменнаго Брода бѣгствомъ въ Бѣлую Церковь, крестьяне каменно бродскіе, какъ это уже было нами разсказано, тотчасъ же стали захватывать въ свою пользу и всякія панскія „заушнички“, и бекеши зеленыя съ бѣлымъ мѣхомъ, и хлѣбъ изъ панскихъ амбаровъ, причемъ одни брали по мѣшку по мѣрѣ надобности, другіе же и для продажи. Оставленный же Пясецкимъ для охраны добра

---

[1]) Кодн. кн. стр. 490.

[2]) Кодн. кн. стр. 525, 535 и далѣе.

[3]) Кодн. кн. стр. 85.

крестьянинъ Процько Замковый, не имѣя возможности противодѣйствовать громадянамъ своимъ, а быть можетъ и лично увлекшись легкостью наживы, поневолѣ послѣ ослабленія движенія долженъ былъ бѣжать изъ Каменнаго Брода. Бѣжалъ онъ въ Бердичевъ и тамъ года четыре спустя, какъ уже помнили мы, былъ на ярмаркѣ узнанъ Пясецкимъ и отданъ подъ судъ. Кара его не постигла, потому что до рѣшенія дѣла онъ умеръ въ кодненской ямѣ.

Многіе изъ крестьянъ, нанявшихся въ рабочіе къ панамъ, прослышавъ о надвигающихся въ ихъ село гайдамакахъ, начинали считать себя свободными отъ всякихъ данныхъ обязательствъ и въ добавокъ завладѣвали изъ панскаго добра—чѣмъ могли. Такъ, въ с. Жаботинѣ рабочимъ на селитряномъ заводѣ нанялся крестьянинъ Иванъ Веремієнко [1]) Прежде всего онъ долженъ былъ отслужить пару воловъ, что получилъ отъ мѣстнаго жида-арендаря, а далѣе могъ разсчитывать на извѣстную плату деньгами по мѣрѣ отслуживанія. Между тѣмъ другіе крестьяне вырѣзали въ селѣ жидовъ и грозили смертію самому пану, такъ что послѣдній не выходилъ со двора; вмѣстѣ съ нимъ въ домѣ, оставивъ свой шинокъ, сидѣли въ страхѣ мѣстные арендарь съ арендаркой. Веремієнко въ это время какъ разъ пасъ своихъ двухъ воловъ, полученныхъ въ счетъ отработка, и 9 панскихъ. Получивъ вѣсть отъ козацкаго атамана о томъ, что дѣлается въ селѣ, онъ, не долго думая, погналъ весь скотъ за границу—и тамъ остался, обзаведясь полнымъ хозяйствомъ. Кодненская коммиссія получила въ свои руки данное дѣло только потому, что ужъ долго спустя Иванъ Веремієнко пришелъ на польскую сторону къ родичамъ и тутъ-то попался въ руки властямъ. Дѣло кончилось безъ смертнаго приговора удовлетвореніемъ истца-пана гражданскимъ порядкомъ.

Жидовское добро присваивали себѣ не только тогда, когда жиды были въ селахъ, но и на дорогахъ во время ихъ бѣгства изъ опасныхъ мѣстъ. Бѣжало жидовъ довольно много между прочимъ изъ-подъ Фастова и даже изъ-подъ Бѣлой Церкви. Одинъ

---

[1]) Кодн. кн. стр. 36.

изъ такихъ укрывавшихся отъ грозящей бѣды жидъ Лейба Пергель, арендарь бѣлоцерковскій [1]) раньше, чѣмъ самъ бѣжалъ, выпроводилъ изъ Бѣлой Церкви свою жену, усадивъ ее на возъ, наполненный перинами и всякимъ добромъ. На бѣду жидовки вблизи села Червоного у воза ея загорѣлась ось, и она, не зная что дѣлать, бросила среди поля возъ съ конемъ и все имущество, а сама поспѣшила спрятаться въ высокомъ хлѣбѣ въ сторонѣ отъ дороги. Черезъ нѣсколько времени къ возу подъѣхали какіе то крестьяне, опорожнили его, часть пуху изъ перинъ пустили по вѣтру, забрали буланого коня и уѣхали. Мужъ потерпѣвшей послѣ прекращенія возстанія предъявилъ искъ въ 487 червонныхъ злотыхъ къ крестьянину села Червоного Хведору Осадчему, состоявшему въ этомъ селѣ на слободѣ послѣ переселенія съ мѣста родины въ Полѣсіи. Основаніемъ для обвиненія былъ буланый конь, которымъ одно время Осадчій владѣлъ и который былъ будто бы именно конь Пергеля. Основаніе нѣсколько шаткое, но во всякомъ случаѣ могло быть, что Осадчій и овладѣлъ Пергелевыми вещами, ибо вообще грабежи жидовъ, спасавшихся бѣгствомъ, были въ большомъ ходу: это видно и изъ показаній Осадчаго, отрицавшаго свое личное участіе въ грабежѣ Пергелева воза и коня.

Какъ видимъ, всякія средства пускались въ ходъ людьми бывшей руины противъ поляковъ и жидовъ. Изъ числа считавшихъ возстаніе дѣломъ необходимости, какъ знаемъ, наиболѣе безстрашные и полные силъ шли сами въ ватаги, менѣе же рѣшительные, не желавшіе вполнѣ разстаться съ осѣдлою жизнью въ устроенныхъ мѣстахъ, дѣйствовали въ одиночку, каждый отдѣльно, истребляя шляхту и жидовъ и присваивая себѣ ихъ неправдой нажитое добро. Надежда не сдѣлаться жертвами польскаго и жидовскаго мщенія, при невступленіи въ ватаги и при соблюденіи тайны, также могла быть однимъ изъ мотивовъ, руководившихъ этой второй группой людей. Но, кромѣ ихъ, были между мѣстными людьми и такіе, которые, вполнѣ сочувствуя

---

[1]) Кодн. кн. стр. 418.

затѣянному вызволенію края изъ польскихъ рукъ, стремились рисковать собой еще меньше, оказывая только посильное пособничество, гайдамакамъ. И много же бывало случаевъ, когда для успѣха движенія существованіе въ селахъ людей, готовыхъ только на пособничество, являлось рѣшающимъ въ дѣлѣ.

Возьмемъ въ разсчетъ прежде всего готовность крестьянъ къ пристанодержательству. Укрыть въ то время кого нибудь враждебнаго полякамъ не считалось особенно опаснымъ; большинство неосновательно думало, что смертная казнь не можетъ грозить за это. Предположеніе же это сослужило дѣлу возстанія не малую службу. Во-время спрятанная кучка гайдамакъ не могла не быть цѣнной въ общемъ счетѣ силъ, и кто знаетъ, какое количество поляковъ бывало ею истреблено при благопріятныхъ обстоятельствахъ послѣ того, какъ укрыватель спасъ ихъ отъ какого нибудь численнаго польскаго отряда. Такими укрывателями, или пристанодержателями въ интересующее насъ время очень часто бывали пасѣчники. Заниматься этимъ дѣломъ имъ было удобнѣе, чѣмъ кому бы то ни было изъ селянъ, такъ какъ пасѣки обыкновенно бывали при садкахъ и чаще на окраинахъ селъ. При томъ же для пасѣчниковъ, людей обыкновенно уже старыхъ, но нерѣдко привыкшихъ къ жизни политической въ прежніе годы, единственнымъ способомъ содѣйствовать дорогому для нихъ дѣлу—было укрывать нуждающихся въ убѣжищѣ собратій, непосредственно участвовавшихъ въ возстаніи.

Въ Коднепской книгѣ мы встрѣтили нѣсколько случаевъ пристанодержательства пасѣчниками. Такъ, въ селѣ Волосовѣ близъ Хмѣльника [1]) былъ пасѣчникъ Хведоръ. И вотъ у него въ пасѣкѣ нашли пріютъ двое гайдамакъ, которые во-время успѣли уйти изъ пасѣки отъ преслѣдованій, причемъ не успѣли только захватить съ собой оружія. Въ Цыбуловѣ же пасѣчникъ пани Павловской Зинько [2]) передержалъ у себя довольно много гайдамакъ, испуганныхъ польскимъ подъѣздомъ, остановившимся въ

---

[1]) Кодн. кн. стр. 445.

[2]) Кодн. кн. стр. 451.

Монастырищѣ. Укрывательство это не могло не сдѣлаться извѣстнымъ, поэтому Зинько, по уходѣ гайдамакъ, заявилъ о томъ, что они у него были, „двору“ своему, но уже тогда, когда гайдамаки были въ Цыбуловѣ и потому находились внѣ опасности. Свой поступокъ Зинько объяснялъ на судѣ тѣмъ, что онъ, Зинько, будто былъ связанъ гайдамаками и будто связаннымъ они его держали до самаго своего ухода. Нѣсколько сложнѣй услугу оказалъ гайдамакамъ пасѣчникъ попа въ Рязаной Крыницѣ Самуилъ Шиманскій [1]). Онъ не только далъ у себя пріютъ гайдамакамъ, случайно наткнувшимся на польскій „подъяздъ“, но и отправился въ сторону, гдѣ подъяздъ остановился, чтобы узнать, изъ какого числа людей состоялъ онъ. Этимъ свѣдѣніемъ должно опредѣлиться—какъ быть спрятавшимся: уходить ли, или оставаться въ спряту.

Попадались пристанодержатели и помимо пасѣчниковъ. Такъ, въ селѣ Майдановкѣ принялъ къ себѣ въ гости 12 гайдамакъ крестьянинъ Василій Мовончукъ [2]). У него они пили и гуляли.

Интересно, что всѣ эти пристанодержатели, призванные на коднепскій судъ, отдѣлались сравнительно дешево. Три пасѣчника поплатились только долгимъ сидѣніемъ въ коднепской ямѣ до суда, потомъ же были выпущены, и одинъ только Мовончукъ почему-то былъ наказанъ 50 ударами розогъ.

Пособничество гайдамакамъ со стороны крестьянъ выражалось и въ другихъ формахъ. Такъ, очень часто крестьяне, можетъ быть изъ страха большой отвѣтственности, не убивали сами пановъ, которые были въ ихъ рукахъ, а доставляли ихъ гайдамакамъ. Изъ приведенной выше характеристики Швачки мы знаемъ уже, что крестьяне села Скреловки Олекса Кочубай, Василій Юценко и Кузьма Ткаченко [3]) приложили не мало старанія на изловленіе супруговъ Ольшевскихъ и зятя ихъ Русецкаго съ женой и дѣтьми и затѣмъ на доставку ихъ въ Фастовъ. Олекса Кочубай при этомъ былъ поставленъ громадой своего

[1]) Коди кн. стр. 462.

[2]) Коди. кн. стр. 484.

[3]) Коди. кн. стр. 538, 539.

села сторожемъ на дорогѣ, по которой должны бѣжать паны. Скреловская громада сочла все это своимъ дѣломъ и за трудъ доставки пановъ уплатила обоимъ подводчикамъ по 7 коп. Если крестьяне при этомъ пособничествѣ разсчитывали избѣгнуть большой отвѣтственности, то въ этомъ они глубоко ошиблись: на судѣ кодненской коммиссіи всѣ три названные крестьянина были приговорены къ обезглавленію.

Отдавалъ гайдамакамъ на убійство шляхтичей и крестьянинъ Петръ Петрицкій изъ Григоровки родомъ [1]). Онъ ревностно розыскивалъ спрятавшихся шляхтичей по лѣсамъ и затѣмъ тоже отправлялъ ихъ на убійство въ Фастовъ. Въ помощь для отысканія шляхты въ лѣсахъ бралъ онъ себѣ дѣтей. Такимъ путемъ онъ сбылъ Швачкѣ 8 шляхтичей. Кодненская коммиссія приговорила Петрицкаго къ обезглавленію.

Въ селѣ Черепанѣ [2]) крестьянинъ Климъ также отдалъ на убійство какимъ то гайдомакамъ шляхтича Лаховскаго. И Климъ этотъ, конечно, былъ приговоренъ въ Коднѣ къ обезглавленію.

Затѣмъ въ поминавшейся выше Скреловкѣ крестьянинъ Васыль Сарана [3]) долго розыскивалъ скрывавшагося пана Гутовскаго. Найдя же его, онъ привелъ его въ село на цѣпи, обхвативъ его панское горло. Изъ Скреловки Сарана отвезъ пана Гутовскаго въ Фастовъ къ Швачкѣ. За преступленіе это въ Коднѣ былъ обезглавленъ не только Сарана, но и его односельчанинъ Иванъ Крытыча, бывшій только при отправкѣ пана Гутовскаго.

Далѣе, близъ Зотова, въ слободкѣ Ставокъ крестьянинъ Герасимъ Гладенко [4]), завлекши къ себѣ пановъ обѣщаніемъ за извѣстную плату скрыть ихъ и получивши уже эту плату, неожиданно поотвозилъ ихъ гайдамакамъ на убійство. Къ Гладенку въ Коднѣ отнеслись поэтому особенно сурово: его четвертовали живымъ.

---

[1]) Кодн. кн. стр. 446.
[2]) Кодн. кн. стр. 445.
[3]) Кодн. кн. стр. 481—482.
[4]) Кодн. кн. стр. 482.

Всякое пособничество къ убійству шляхты, очевидно, приравнивали въ Кодиѣ къ убійству. Въ одномъ случаѣ въ селѣ Баранье Поле богуславскаго ключа крестьянинъ Якимъ Сыкуненко [1]) выказалъ свою готовность служить гайдамакамъ только тѣмъ, что впустилъ къ себѣ двухъ изъ нихъ—брата своего Паиаса Сыкуненка и еще какого-то, и не помѣшалъ имъ у себя въ хатѣ убить шляхтича, котораго они привезли съ собой. И вотъ и въ данномъ случаѣ кодненская коммиссія приговорила пособника гайдамакъ къ смертной казни.

Въ Шпичанцахъ, наконецъ, крестьянинъ Пилипъ Радникъ [2]), при содѣйствіи извѣстнаго уже намъ войта Мартына Лободы, повезъ было на убійство къ гайдамакамъ шляхтянку Маріапу Бальпевичъ, но на дорогѣ былъ встрѣченъ попомъ, который отобралъ у него обезумѣвшую отъ страха шляхтянку и спасъ ее. Пойманный впослѣдствіи Пилипъ Радникъ, конечно, былъ обезглавленъ.

Не такъ строго относилась кодненская коммиссія къ крестьянамъ, оказывавшимся виновными въ третьяго рода пособничествѣ гайдамакамъ—въ сообщеніи имъ, гдѣ спрятаны панскія вещи. Между тѣмъ этого рода пособничество повторялось въ 1768 г. постоянно и приносило, конечно, гайдамакамъ существенную выгоду, доставляя имъ необходимыя на поддержаніе движенія средства. Особенно интересный примѣръ готовности крестьянъ доставить гайдамакамъ панское добро мы уже встрѣчали въ селѣ Малинкахъ [3]) Мы знаемъ уже, что малинковская громада прежде всего не дозволила попу Грабовскому спрятать вещи въ православной церкви, несмотря на то, что попъ Пилиповичъ даже уже принялъ вещи въ церковь. Затѣмъ, когда Грабовскій закопалъ вещи въ лѣсу, малинковскіе крестьяне, зная, гдѣ именно онѣ были закопаны, при приходѣ въ село загона Никиты Москаля, по первому требованію послѣдняго, не только указали мѣсто спрята, но и поѣхали сами за вещами. Такъ поступили сторожъ въ Малинкахъ Антонъ Скработунъ и

---

[1]) Кодн. кн. стр. 484.

[2]) Кодн. кн. стр. 485.

[3]) Кодн. кн. стр. 428—429.

еще три другіе крестьянина—Гаврило Повхимчукъ, Петро Тимченко и Левко Черный.

Вполнѣ обязательнымъ считалось также указывать гайдамакамъ, гдѣ спрятаны и вещи жидовскія. Такъ, въ селѣ Ситнянкѣ смѣлянской крестьянинъ Васыль Лобуренко [1]), родомъ изъ Шарогрода, содѣйствовалъ тому, чтобы войтъ ситнянскій, державшій шинкъ вмѣсто спасшагося бѣгствомъ жида, указалъ гайдамакамъ — гдѣ спрятаны вещи бывшаго арендаря. Кодненская коммиссія приговорила Лобуренка къ наказанію розгами.

Пособничество гайдамакамъ выражалось далѣе доставленіемъ имъ то оружія, то пороху, то лошадей, то водки. Такъ, крестьянинъ Иванъ Коваль, родомъ изъ села Антоповки подъ Володаркой [2]), живя въ с. Пруссахъ смѣлянскихъ и занимаясь вмѣстѣ съ дядей своимъ слѣсарствомъ, доставлялъ гайдамакамъ „списы“ (копья). На судѣ онъ отрицалъ это, опровергая сдѣланный на него допосъ и всячески стараясь избѣгнуть кары; дѣло дѣйствительно затянулось, но фактъ доставки ковалемъ копій гайдамакамъ все же остается фактомъ. Иначе держалъ себя на судѣ другой крестьянинъ Хведоръ Семеры (въ какомъ селѣ— не сказано [3]), приготовлявшій порохъ и доставлявшій его тоже гайдамакамъ Онъ открыто признался въ своемъ пособничествѣ. Смертная казнь была за то его удѣломъ. Въ данномъ случаѣ суровость наказанія вызвана, конечно, тѣмъ, что пособничество выразилось въ доставленіи пороха.

Легче относилась кодненская коммиссія къ поставщикамъ лошадей для гайдамацкихъ ватагъ. Такъ, Яцко Панасенко [4]), посодѣйствовавшій гайдамакамъ, якобы по ихъ настоянію, овладѣть въ Цыбуловѣ парой коней панскихъ, отдѣлался только предварительнымъ сидѣніемъ въ кодненской ямѣ. Впрочемъ, еще до ареста онъ былъ вынужденъ вознаградить свою экономію отдачей ей пары своихъ воловъ и шести рублей. Не слишкомъ рисковалъ собою и крагець (портной) Иванъ Хмаренко изъ села

---

[1]) Кодн. кн. стр. 246.

[2]) Кодн. кн. стр. 10,78.

[3]) Кодн. кн. стр. 447.

[4]) Кодн. кн. стр. 78.

Пшеничниковъ [1]), по приглашенію ватажка Шелеста, еще въ самомъ началѣ возстанія шившій для его „заграничной“ ватаги необходимую одежу. Хмаренко былъ признанъ въ Кодпѣ заслуживающимъ не смертной казни, а только розогъ. Остался не казненнымъ вовсе винникъ Каленникъ Вдовиченко [2]), выказавшій свою готовность быть пригоднымъ для гайдамакъ доставленіемъ имъ „спуста“ (spust) горилки. Гайдамаки отблагодарили его за водку какимъ-то кафтаномъ, захваченнымъ на грабежѣ.

Пособничество гайдамакамъ со стороны крестьянъ выражалось часто и готовностью ихъ быть провожатыми. Въ указаніи дорогъ часто нуждались тѣ гайдамацкія ватаги, которыя составлялись изъ людей „заграничныхъ“ или же хотя и правобережныхъ, но все-же незнакомыхъ съ тѣми или другими мѣстами Кіевщины. Иногда цѣлая громада заботилась о томъ, чтобы та или другая ватага получила вѣрныя указанія относительно пути. Въ такихъ случаяхъ давался провожатый отъ цѣлой громады. Подобный примѣръ мы имѣемъ въ Новоселицѣ [3]), гдѣ громада вырядила въ провожатые гайдамакамъ своего односельчанина Грыцька Литвина. Впослѣдствіи новоселецкая громада не отказалась даже отъ своего распоряженія, когда о немъ дознавалась кодненская коммиссія; громада только не брала на себя отвѣтственности въ томъ, что ея провожатый отдалъ на убійство гайдамакамъ какого-то мазура. Какъ кажется, Грыцько Литвинъ былъ приговоренъ къ смертной казни собственно за эту выдачу мазура. Не за провожаніе, надо думать, постигла смертная казнь и другаго провожатаго, Яцка Роботенбута [4]) родомъ изъ Бугачевки. Проводивъ гайдамакъ въ Козацкую долину, онъ самъ пожился тамъ котлами, которые захвачены были гайдамаками. За эти то котлы его и осудили на смерть. Обвиненный же въ простомъ проводничествѣ Максимъ Дрыжаковъ [5]), кажется мельникъ по профессіи, наказанъ всего только 300 ударами розогъ.

---

[1]) Кодн. кн. стр. 481.
[2]) Кодн. кн. стр. 448.
[3]) Кодн. кн. стр. 440.
[4]) Кодн. кн. стр. 447.
[5]) Кодн. кн. стр. 476.

Привелъ онъ гайдамакъ на хуторъ Задеренка, который и былъ ограбленъ. Всѣхъ гайдамакъ было при этомъ 8 душъ, и ватажкомъ ихъ былъ Черный. Наконецъ проводникъ гайдамацкій Степанъ Плицкій [1]) родомъ изъ с. Острѣкъ, въ Блощинцахъ, взявшійся проводить гайдамакъ въ слободы окрестныхъ пановъ, наказанъ смертію, но это, очевидно, въ виду того, что, благодаря его указаніямъ, паны лишились очень многаго.

Къ удивленію, сильно виноватыми въ глазахъ коднепской коммиссіи являлись пособники—музыканты, хотя вся ихъ вина состояла въ услажденіи гайдамакъ игрой на бандурѣ или скрипкѣ въ дни ихъ стоянокъ и кутежей. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ въ Коднепской книгѣ только указанія относительно четырехъ такихъ музыкантовъ, да и то указанія, слишкомъ краткія. Такъ, о бандуристѣ Васылѣ Ворченкѣ [2]), родомъ изъ с. Винногородки, мы знаемъ только, что, явясь въ с. Козацкую долину, засталъ онъ тамъ ватажка Ремезу съ его небольшимъ загономъ, что затѣмъ онъ присталъ къ этому загону и вмѣстѣ съ нимъ побывалъ въ селахъ Водзянкѣ, Кобылячкѣ, Папужинцахъ. О другомъ музыкантѣ, скрипачѣ Мусіи Шепчекѣ [3]), мы знаемъ еще меньше. Въ судебной отмѣткѣ о немъ значится, что гайдамаки гдѣ-то въ корчмѣ договорили его играть имъ на скрипкѣ, и что тотъ на это согласился, но что въ качествѣ такого напятаго гайдамацкаго музыканта онъ оставался одни только сутки, такъ какъ былъ арестованъ польскими властями. Бандуристъ же Михайло [4]), зять Сокового, родомъ изъ Чорного Поля (ключа конельскаго) былъ обвиненъ не только въ томъ, что игралъ гайдамакамъ, къ которымъ пристадъ, но и въ томъ, что вмѣстѣ съ ними участвовалъ въ грабежахъ и даже въ убійствѣ двухъ жидовъ. Михайло бандуристъ по поводу обвиненій этихъ могъ только утверждать, что онъ занимался во время самыхъ грабежей своимъ дѣломъ—игрой на бандурѣ. Какъ доказательство его участія въ грабежѣ, обвинители считали найденную у него панскую жилетку (kami-

[1]) Кодн. кн. стр. 490.
[2]) Кодн. кн. стр. 449.
[3]) Кодн. кн. стр. 483.
[4]) Кодн. кн. стр. 491.

zelku) и шляхетскую юбку, но вещи эти Михайло обрѣлъ не самъ, а ему ихъ дали гайдамаки за игру. Наконецъ о четвертомъ музыкантѣ, бандурнстѣ Прокопѣ Скрягѣ [1]) судебная отмѣтка не говоритъ даже, что онъ былъ при гайдамакахъ въ качествѣ музыканта; его вина состояла яко-бы въ томъ, что онъ навелъ допцовъ на пана Спендовскаго и при этомъ грабилъ и билъ.

Изъ всѣхъ четырехъ музыкантовъ только Шенчекъ былъ оставленъ кодненской коммиссіей ad resolutionem, остальные же три казнены смертію.

Прослѣдивъ, въ какія формы отливался протестъ взбунтовавшагося противъ порядковъ Рѣчи Посполитой населенія недавней руины, мы до сихъ поръ изъ числа участвовавшихъ въ движеніи имѣли въ виду людей, на себѣ испытавшихъ неудобство опротестовываемаго порядка и притомъ людей идейныхъ, убѣжденныхъ въ правотѣ своего образа дѣйствій. Но не они одни вели дѣло возстанія. Формы тогдашняго протеста были привлекательны и для людей, хотя бы и мѣстныхъ, но руководившихся не любовью къ родинѣ, а только стремленіемъ къ личной наживѣ. Поэтому то мы и встрѣчаемъ среди коліевъ массу людей нравственно потерянныхъ, которымъ какая-либо идейность была недоступна. Отъ ихъ содѣйствія отказываться идейнымъ руководителямъ движенія было невозможно, въ виду численной ничтожности собравшихся ватагъ, но все же ихъ участіе въ гайдамацкихъ рядахъ не могло во многихъ случаяхъ не накладывать на движеніе разбойничьей окраски. А такая окраска движенія охотно была подчеркнута врагами возставшихъ, умышленно умалчивавшими о его другой сторонѣ—высокой, идейной. Крайняя фальшь подобныхъ взглядовъ очевидна. Но даже и при такой фальшивой постановкѣ дѣла всякими усмирителями движенія и польскими мемуаристами, повѣдавшими о коліивщинѣ потомству, правыми все же не оказались поляки, противъ которыхъ гайдамаки шли. Слишкомъ ясно, что самая возможность существованія

[1]) Кодн. кн. стр. 497.

въ краѣ обильнаго числа людей потерянныхъ, готовыхъ на разбой, есть серьезный показатель крайней непригодности порядковъ въ краѣ, гдѣ люди такіе появляются.

Переходя къ непосредственной характеристикѣ отмѣченной несимпатичной группы гайдамакъ, мы наталкиваемся въ Коднеской книгѣ на цѣлые загоны, преслѣдующіе чисто разбойничьи цѣли, не говоря уже объ отдѣльныхъ грабителяхъ.

Обратимъ сперва вниманіе на нѣсколько грабительныхъ загоновъ, вродѣ отмѣченныхъ нами въ концѣ первой главы.

Изъ дѣла, въ которомъ упоминается объ одномъ изъ такихъ загоновъ, мы узнаемъ, что бѣлоцерковской магдебургіи былъ доставленъ, по прекращеніи усиленнаго движенія, крестьянинъ Олекса Бугаенко, родомъ изъ с. Соловники [1]). Магдебургія сняла съ него немедленно допросъ и затѣмъ для суда препроводила въ Кодню, гдѣ подсудимый повторилъ только свои начальныя показанія. Изъ показаній же этихъ оказалось, что онъ, Олекса Бугаенко, вмѣстѣ съ одиннадцатью другими—то односельчанами, то ближайшими сосѣдями—принадлежалъ къ гайдамацкому загону, который занимался исключительно грабежами. Въ селѣ Пинчукахъ ограбили люди эти жида, добывъ отъ него 55 рублей, потомъ въ селѣ Саламанкахъ у другого жида—арендаря отняли они коней и сколько-то денегъ. Прослышавъ затѣмъ какъ-то, что въ Пинчукахъ ночуетъ панъ Милецкій, намѣстникъ села Грабинокъ, они забрали у него коней и платье. Наконецъ, еще у какого-то жида отняли деньги и полотно. Послѣ грабежа начался между участниками ватаги дѣлежъ добычи. На брата вышло по 15 рублей деньгами да еще рубля на четыре вещей на каждаго. И на этомъ похожденія кончаются: почти всѣ люди ватаги уходятъ въ Кіевъ или Васильковъ. Только одинъ какой-то скоро умеръ, а Бугаенко попался въ руки поляковъ. Въ Коднѣ его приговорили къ обезглавленію.

Во всемъ этомъ дѣлѣ, очевидно, единственною цѣлью гайдамакъ является грабежъ, и въ показаніяхъ Бугаенка это отмѣчено очень ясно. Онъ пересчитываетъ, и что было взято, и

---

[1]) Кодн. кн. стр. 64.

какъ подѣлено, и посколько пришлось на брата. Послѣ же того, какъ пожива была добыта, соединившіеся въ ватагу люди не придумали для себя ничего лучшаго, какъ бѣжать заграницу и проживать тамъ мирно и тихо.

Не лучше, судя по нѣкоторымъ участникамъ, и ватага уманскихъ крестьянскихъ паробковъ и ремесленниковъ, о которой мы имѣемъ свѣдѣнія, благодаря показаніямъ Ивана Макосійчука, сперва обвиненнаго только въ намѣреніи ограбить православную церковь, а потомъ и въ гайдамачествѣ [1]). Родомъ Макосійчукъ былъ изъ Умани. До 19 лѣтъ онъ жилъ при отцѣ и матери; когда же они умерли незадолго до начавшейся „ризанины“, онъ, Иванъ, пошелъ будто бы въ Немировъ къ брату своему, но дорогой въ с. Пятигорахъ присталъ къ нищимъ, „до тыхъ, що возкамы по селахъ йиздять“, и съ ними попалъ въ Животовъ. Пришли де они туда въ субботу, а на другой день въ воскресенье Макосійчукъ спозаранку выпилъ изрядно и затѣмъ отправился въ церковь къ обѣднѣ. Во время службы онъ замѣтилъ, что титоръ, обходя молящихся съ ящикомъ для пожертвованій на церковь, высыпалъ оттуда при размѣнѣ денегъ на цѣлый рубль мелочи. Макосійчукомъ при видѣ рубля, по его собственнымъ словамъ, овладѣло непреодолимое желаніе воспользоваться и этимъ рублемъ, и остальными деньгами. Онъ осмотрѣлся кругомъ и, хотя былъ пьянъ, однако замѣтилъ, что южная входная дверь не заперта на замокъ, а только заложена засовомъ. Макосійчукъ подошелъ къ двери, тихонько отсунулъ засовъ и сталъ ждать конца службы. Дождавшись его, онъ вмѣстѣ съ другими, бывшими въ церкви, вышелъ западными дверьми въ церковный дворъ и дальше на улицу. Титоръ между тѣмъ, когда церковь опустѣла, успѣлъ запереть западныя двери на замокъ и уйти домой. Макосійчукъ же, котораго все не покидало зародившееся въ немъ желаніе овладѣть церковными деньгами, пройдя немного по улицѣ, снова вернулся въ церковный дворъ и никѣмъ незамѣченный проникъ южными дверями въ церковь. Дверь онъ тотчасъ же приперъ засовомъ и прежде, чѣмъ приняться за деньги, палъ

[1]) Кодн. кн. стр. 69.

на колѣни предъ иконой Божьей Матери и помолился ей. Чтобы завладѣть ящикомъ съ деньгами, ему надо было обломать желѣзный ободокъ, и онъ началъ это производить случившимся тутъ въ церкви какимъ то старымъ ножемъ. Но ножъ сломался, съ шумомъ упалъ на земь, равно какъ и выломанный ящикъ съ деньгами. Шумъ этотъ услышали дѣти титора, игравшіе на дворѣ близъ церкви. Побѣжали они къ отцу и сказали, что „въ церкви щось стука“. Пришелъ титоръ, отперъ западныя двери и сразу замѣтилъ, что нѣтъ ящика съ деньгами, но грабителя нигдѣ въ церкви уже не было. Какъ только онъ услышалъ, что отпираютъ западныя двери, такъ тотчасъ же полудневыми дверьми вышелъ во дворъ и спрятался тамъ въ высокомъ бурьянѣ. Титоръ замѣтилъ отпертую дверь, тоже вышелъ во дворъ, со всѣхъ сторонъ огороженный. Такъ какъ все это было имъ продѣлано очень быстро, то онъ могъ видѣть, что въ единственныя ворота изъ двора никто не выходилъ, и потому началъ искать грабителя въ бурьянѣ. Найдя, отвелъ его къ попу. Черезъ два дня отправили его въ Трояновъ, недалеко отъ Кодни.

Военно-судной коммиссіи личность Макосійчука показалась подозрительной. Стали его допрашивать—не былъ ли онъ въ Умани во время рѣзни и не участвовалъ ли въ ней. Макосійчукъ отвѣтилъ, что въ Умани во время рѣзни былъ, но самъ никого не рѣзалъ и не грабилъ. Это вызвало въ слѣдователяхъ сомнѣніе, и одинъ изъ нихъ сказалъ: „какъ это ты никого не рѣзалъ и не убивалъ, когда тамъ всѣ убивали—копьями, ножами цѣпами, заступами; развѣ у кого рукъ не было, то тотъ только и не убивалъ. Убито вѣдь 18000 (?). Убійцы подговаривали даже дѣтей убивать“. Но Макосійчукъ стоялъ на своемъ. Послѣ этого къ прежнимъ своимъ показаніямъ онъ прибавилъ, что послѣ уманской рѣзни, когда и о немъ, и о его братѣ Савкѣ люди стали утверждать, будто оба они гайдамаки, они оба ушли оттуда, и онъ, Иванъ Макосійчукъ, попалъ въ Животовъ, гдѣ вознамѣрился и впрямь пристать къ гайдамакамъ; около 20 другихъ уманскихъ парубковъ оказалось тутъ же. Гайдамаки, которые ихъ приняли, прельщая добычей, напустили ихъ на животовскихъ жидовъ. И тутъ то пошла страшная

рѣзня. Въ одномъ домѣ убили 12 жидовъ разнаго пола и возраста, а въ погребѣ нашли еще четырехъ, которые также легли трупомъ, потомъ и въ другихъ домахъ всюду искали жидовъ по погребамъ, даже въ печахъ, и одни изъ нападавшихъ убивали ихъ, другіе бросали трупы убитыхъ въ колодцы, въ пруды. Повсюду въ домахъ при этомъ убійцы не забывали захватывать всякія пожитки убитыхъ и деньги. Однако все награбленное пришедшими изъ Умани молодцами они должны были отдавать принявшимъ ихъ гайдамакамъ, вѣроятно, для равнаго дѣлежа. Макосійчукъ же умудрился, впрочемъ, тайкомъ уберечь рублей 40, что однако не помѣшало ему въ томъ же Животовѣ польститься на церковный ящикъ. Само собой, прежній разсказъ его о приходѣ въ Животовъ съ „старцями“, несмотря на всю свою правдоподобность, былъ вымышленъ. Товарищи его послѣ дѣлежа добычи старались укрыться, гдѣ кто могъ, и въ этомъ успѣли; Макосійчукъ же, не укрывшійся, былъ военно-судною коммиссіей приговоренъ къ обезглавленію. Слишкомъ очевидно, что и въ данномъ случаѣ не любовь къ родинѣ руководила всякими Макосійчуками, а простая жадность къ деньгамъ и наживѣ. Иначе не ставили бы они себѣ цѣлью грабежъ нѣсколькихъ жидовъ, и страхъ не принудилъ бы ихъ разойтись изъ ватаги безъ намѣренія такъ или иначе дѣйствовать противъ враговъ края.

Грабежъ ставили себѣ цѣлью и тѣ гайдамаки, о которыхъ мы узнаемъ изъ дѣла крестьянина Матвія Горбачука, ихъ соучастника [1]). Матвій Горбачукъ родился въ селѣ Солодковцахъ на Подолѣ каменецкомъ, выросъ же въ с. Сильницѣ за р. Богомъ въ одной милѣ отъ Тульчина. Въ Сильницѣ Горбачукъ жилъ при отцѣ Даніилѣ и матери Катеринѣ Горбатыхъ, помогая имъ въ ихъ крестьянской работѣ. Въ 1768 г. семья Горбатыхъ попала въ тяжелое положеніе: случившійся тогда набѣгъ татаръ стоилъ имъ много, такъ какъ Сильница, какъ многія другія села, подверглась ихъ разграбленію. Старикъ Данило Горбатый отправился на заработки въ Баръ, а сынъ его, Мат-

[1]) К. вн. стр. 118 и слѣд.

вій Горбачукъ, пока остался вмѣстѣ съ братомъ при семьѣ тетки своей, потомъ же ушелъ отъ нея искать заработка на сторонѣ. Прошелъ онъ будто бы Тульчинъ, с. Крыщинцы, г. Лодыжинъ, с. Грановъ, с. Липовецъ, с. Казапки, с. Дзюпково и наконецъ попалъ въ с. Балабановку, гдѣ нашелъ себѣ мѣсто будтобы у попа годовымъ парубкомъ, нанявшись за пять рублей въ годъ, за двѣ рубахи, одни штаны и двѣ пары чобитъ. Прослужилъ онъ уже будто бы тамъ съ недѣлю, какъ къ хозяину его пришелъ родной братъ его, черпецъ изъ монастыря Волошскаго за Днѣстромъ. Объ этомъ гостѣ узналъ-де балабановскій коммиссаръ, позвалъ его къ себѣ, распросилъ и, признавши въ немъ бродягу, арестовалъ. Балабановскому попу не мало труда стоило вызволить брата. Въ это же будто время обратилъ коммиссаръ свое вниманіе и на Горбачука и тоже сталъ его распрашивать—и кто онъ, и откуда онъ, и хотя Горбачукъ пересказалъ ему все только что изложенное, однако коммиссаръ ни въ чемъ ему не повѣрилъ въ виду его безпаспортности. Чтобы вынудить у Горбачука признаніе во всемъ, онъ велѣлъ его высѣчь, но, не добившись никакого сознанія и послѣ сѣченія, отправилъ его въ Кодню. Тамъ новое сѣченіе дало иные результаты: Горбачукъ отказался отъ первыхъ показаній и разсказалъ, что послѣ татарскаго набѣга, какъ только и въ ихъ далекомъ селѣ пронеслась вѣсть про гайдамаковъ, онъ, Горбачукъ, вмѣстѣ съ Степаномъ Перебейносенкомъ и Иваномъ Ѳеодоровичемъ отправился въ Уманъ. Прійдя туда, они всѣ трое поступили въ ватагу Гонты и оставались съ ней до тѣхъ поръ, пока Кречетниковъ не захватилъ всѣхъ. Но тутъ ему, Горбачуку, и его товарищамъ посчастливилось: имъ удалось бѣжать изъ-подъ ареста. Въ время же своего пребыванія въ рядахъ Гонты они всѣ три дѣлали то же, что и другіе гайдамаки: убивали жидовъ, студентовъ коллегіума, и только будто бы шляхтичи не попадались имъ подъ руку. Грабили при этомъ исправно, и Горбачукъ съ точностію показалъ, сколько добылъ онъ рублей и всякаго добра. Тутъ были и „сукни небеснія“ отъ студентовъ, и „пасы червоные“, и „куптуши гранатовые“, и наконецъ—кони. Довольные добытымъ, названные три молодца

вернулись въ Сильницу, и двое изъ нихъ разсчитывали не уходить оттуда, а Горбачукъ двинулся къ чужимъ людямъ на заработки. Работникомъ однако ему быть не довелось: его опять завлекли къ себѣ гайдамаки. Шелъ онъ однажды утромъ рано по направленію къ Животову черезъ лѣсъ или вѣрнѣе „чагарникъ“ и вдругъ видитъ вышедшаго оттуда гайдамака, манящаго его къ себѣ. Какъ было не подойти!—и Горбачукъ подошелъ. Гайдамака провелъ его къ своимъ, которыхъ было всего четверо. Тутъ его почастовали горилкой и накормили рыбой, добытой при грабежѣ, показали и деньги свои, пообѣщавъ дать ихъ и ему, если онъ къ нимъ пристанетъ. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ—и Горбачукъ остался въ ватагѣ, являясь въ ней шестымъ; трое гайдамакъ были заграничные, а двое правобережные. Чтобы испытать новаго товарища, гайдамаки вырядили его на шпіонство въ Балабановку, давъ ему на дорогу шесть копѣекъ, хлѣба и рыбы. Въ Балабановкѣ Горбачукъ зашелъ къ попу, считая это безопаснымъ, но тамъ его тотчасъ признали за гайдамаку и отдали въ руки коммиссара. Затѣмъ послѣдовала отправка въ Кодню, гдѣ приговорили его къ обезглавленію.

Какъ видимъ, не въ убѣжденіяхъ была причина гайдамачества Горбачука и его товарищей: жажда наживы, корысть только и руководили этими людьми.

Еще больше, чѣмъ мелкихъ грабительскихъ шаекъ изъ среды мѣстныхъ людей, было въ интересующее насъ время отдѣльныхъ лицъ съ грабительскими инстинктами, размѣщавшихся по ватагамъ, и идейнымъ, и безъидейнымъ, или дѣйствовавшихъ въ одиночку. Нельзя, напримѣръ, причислить къ идейнымъ людямъ одного изъ упоминавшихся у насъ гайдамакъ изъ загона Ремезы Грыцка Безносенка [1]). Привлеченный въ гайдамачество увѣреніями Ремезы, что отъ польскаго суда легко будетъ укрыться переходомъ въ гетманщину и зачисленіемъ тамъ себя въ никинеры, онъ не счелъ неблаговиднымъ принять участіе въ разграбленіи села Вербовца, въ которомъ самъ жилъ долго на

[1]) Коди. кн. стр. 41.

слободахъ. Затѣмъ, уже послѣ того, какъ ватага Ремезы была разбита, и онъ, Безносенко, въ числѣ многихъ своихъ сотоварищей, спасся уходомъ въ гетманщину, уже послѣ всего этого онъ занимался, по заявленію вербовчанъ скотокрадствомъ и вообще всякимъ воровствомъ, и между прочимъ опять же въ Вербовцѣ. Конечно, кодненская коммиссія и такихъ присуждала къ обезглавленію.

Очень тяжелое впечатлѣніе производитъ и личность Васыля Кучерины [1]), родомъ изъ с. Гунчи, что неподалеку Грановъ. Кучерына этотъ, вмѣстѣ съ другими гайдамаками, въ с. Рашговкѣ грабилъ крестьянъ, забирая у нихъ полотна, намитки, ружья, деньги; деньгами старался онъ брать хоть по рублю съ человѣка. Не постѣснялся онъ и изъ церкви взять 15 рублей. Въ Коднѣ его тоже приговорили къ смертной казни.

Ужасенъ и извѣстный уже намъ гайдамака ватаги Бондаренка—Корній [2]), этотъ „hultaj z calego swiata rodem“, какъ его назвали въ кодненской коммиссіи. Человѣкъ вполнѣ безпріютный, онъ, какъ мы знаемъ, работалъ на поташныхъ заводахъ въ Полѣсіи, шатаясь изъ одного въ другой и воруя при случаѣ крестьянскія свитки, полушубки и проч. Завлеченный Бондаренкомъ въ ватагу, онъ былъ ему полезенъ, какъ грубая физическая сила, но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря ему и подобнымъ ему удальцамъ, на бондаренковой ватагѣ лежитъ упрекъ въ крайней жестокости: тутъ, какъ мы видѣли, было и изнасилованіе женщинъ, и убиваніе жидовъ безъ разбора пола и возраста, и подговариваніе жиденка за пощаду отъ смерти убить собственную мать и т. д. и т. д. И на всемъ этомъ, судя по документу, лежитъ печать безсердечной злобы потерянаго человѣка, какимъ и былъ Корній, которому въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ всѣ только что перечисленныя дѣянія.

И такихъ, какъ Корній, было, разумѣется, не мало среди рабочихъ на поташныхъ заводахъ; быть можетъ, конечно, не всѣ были такъ ожесточены своею бездомностью, какъ Корній,

---

[1]) К. кн. стр. 455.

[2]) К. кн. стр. 533.

но во всякомъ случаѣ большинству изъ нихъ терять было нечего, и они становились гайдамаками просто изъ-за желанія хоть временно пожить лучше, чѣмъ жилось на заводахъ. Не краше была жизнь и такъ называемыхъ винниковъ, т. е. рабочихъ на винокурняхъ—и мы ихъ также цѣлыми массами встрѣчаемъ въ рядахъ гайдамакъ. Нуждаясь въ численной силѣ, идейные гайдамаки часто являлись на винницы для вербовки этихъ людей. Такъ, мы знаемъ, что крестьянинъ изъ с. Балановки, Нечиталенко [1]), пріѣхавъ на Пасху на ярмарку въ Марковпю, присоглашалъ между прочимъ въ гайдамачество винника Луцка Количенка и др. бывшихъ на ярмаркѣ. Кодненская же коммиссія, когда однажды довелось ей за случайное присвоеніе панскихъ коней судить одного винника, кинувъ ему подозрѣніе въ гайдамачествѣ, такъ опредѣлила роль винниковъ во время коліивщины [2]): „pod czas rzizaniny nic nie robili winniky, tylko lachow y żydow rzneli y rabowali“; далѣе выводилось наѣздническое заключеніе „to y ty musiales to czynic“.

Приставали подчасъ къ движенію и просто какіе-то потѣшники, къ которымъ вполнѣ пристала кличка гультаевъ, почему-то слишкомъ усердно раздаваемая тогда поляками направо и налѣво. Изъ такихъ потѣшниковъ особенно трудно объяснимы охотники вступать въ законный бракъ съ паннами, причемъ панны этихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ перекрещивали въ православіе, какъ это устроилъ, напримѣръ, ватажокъ Никита Москаль, самъ женившійся на паннѣ Грабовской [3]), а въ нѣкоторыхъ оставляли ихъ католичками. Кромѣ поминанія о женитьбѣ Никиты Москаля, встрѣчаемъ мы въ Кодненской книгѣ еще поминаніе о женитьбѣ Луцка Полищенка [4]) изъ села Обозовки уманской; его женили гайдамаки на паннѣ Лажовской, и бракъ совершалъ православный попъ. Затѣмъ есть еще помѣтка о томъ, что крестьянинъ Васыль Котляренко упросилъ гайдамакъ помочь ему

[1]) К. кн. стр. 316.
[2]) К. кн. стр. 58.
[3]) К. кн. стр. 482, 429 и др.
[4]) К. кн. стр. 493.

жениться на панѣ Студзинской [1]). Гайдамаки, чтобы исполнить его просьбу, должны были прибѣгнуть къ насилію. Такимъ только образомъ бракъ этотъ состоялся. За то и Васыль Котляренко потомъ усердствовалъ: онъ и дворъ панскій въ Юровкѣ грабилъ вмѣстѣ съ гайдамаками, и даже совершилъ святотатство, похитивъ 54 рубля изъ церковныхъ денегъ. Кодненская коммиссія обоихъ названныхъ гультаевъ приговорила къ обезглавленію.

Оглядываясь назадъ и мысленно переживая весь рядъ убійствъ, грабежей, насилій, тутъ перечисленныхъ, нельзя, конечно, не содрогаться и считать людьми мягкими даже лучшихъ изъ коліевъ, а затѣмъ нельзя также не видѣть, что коліивщина дала таки не мало жертвъ.

При такомъ признаніи однако жестокости коліевъ, стоитъ затѣмъ только припомнить Кодню со всѣми пересказанными ужасами ея—и приведенное у насъ въ началѣ главы заключеніе польскихъ мемуаристовъ о крайней лютости народнаго малорусскаго характера перестаетъ идти въ счетъ, какъ заключеніе, продиктованное національной ненавистью, заставляющей забывать, что во всякой борьбѣ, а особенно въ борьбѣ народныхъ недисциплинированныхъ силъ, звѣрство неизбѣжно гораздо болѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если борцами или карателями являются государства. Въ виду этого послѣдняго этическаго факта смѣлыя рѣшенія вопросовъ народной этики польскими мемуаристами обратились бы прямо во вредъ имъ и ихъ народа, если бы столь сложныя заключенія, какъ заключенія о присущей народамъ лютости и мягкости, могли быть дѣлаемы послѣ наблюденій, сравнительно незначительныхъ.

Далѣе, что до другой половины нашего признанія—о громадности жертвъ, заклапныхъ въ 1768 году, то оно никоимъ образомъ не должно устранять отъ вниманія того обстоятельства, что коліивщина не хмельнищина, и что, какъ ни краснорѣчивы описанія уманской рѣзни у польскихъ мемуаристовъ, и какъ ни ужасны многія сцены, нами приведенныя, все же исторія хмель-

---

[1]) К. кн. стр. 588.

нищины всегда дастъ рядъ болѣе ужасныхъ картинъ, и притомъ завзятые козаки Хмельницкаго всегда будутъ затмевать, и качественно, и количественно, сравнительно вялыхъ и неувѣренныхъ въ своемъ дѣлѣ коліевъ. Быть можетъ, повтореніе этой несомнѣнной истины излишне именно въ виду ходячихъ представленій, будто коліивщина—одно изъ самыхъ ужасныхъ и значительныхъ возстаній южно-русскаго народа.

ГЛАВА 3.

Участіе въ коліивщинѣ лѣвобережцевъ, гайдамакъ степей и запорожцевъ.

Сложившіяся для Украины политическія условія во второй половинѣ XVIII-го вѣка не дали коліямъ возможности достичь своихъ цѣлей. Противъ рожна трудно было прати, хотя потенціально возможный ростъ возстанія сталъ уже сказываться сравнительно рано. Правда, движеніе не проникало далеко на западъ и югъ, не захватило Волыни, Полѣсія и Подоліи, но все же къ нему примкнули и отдѣльные лѣвобережцы, и гайдамаки степей, и запорожцы. Какъ ни мало всѣ они помогли дѣлу, все же ихъ участіе въ движеніи придало послѣднему именно тотъ видъ, какой оно имѣло. Возстаніе, наведенное самими крестьянами бывшей руины, едва ли отличалось бы и той степенью организаціонной стройности, какую могли внести въ него только запорожцы, и той степенью ожесточенія, которую естественно было проявлять степнымъ гайдамакамъ и выбитымъ изъ колеи крестьянамъ лѣваго берега Днѣпра.

Какъ извѣстно, не всѣмъ крестьянамъ, попавшимъ на лѣвый берегъ Днѣпра послѣ сгона 1712 года, удалось устроиться соотвѣтственно естественнымъ человѣческимъ желаніямъ. Оказавшись тутъ въ очень скоромъ времени лишенными земельной собственности, попавъ въ зависимость къ ширившемуся сословію

„державцевъ“, которымъ въ силу гетманскихъ универсаловъ стала принадлежать земля, и наконецъ начавъ испытывать и всякое незаконное „драпежство“ со стороны державцевъ, крестьяне эти естественно стали искать лучшихъ условій существованія и—то мѣняли державцевъ въ предѣлахъ гетманщины, переходя отъ бѣдныхъ къ богатымъ, то устремлялись на правый берегъ Днѣпра, привлекаемые туда извѣстными „слободами“ и отсутствіемъ тяжелыхъ повинностей вродѣ пикинерства. Названіе лѣзныхъ, шатающихся (отъ польскаго слова luźny, łoźny—праздношатающійся, свободный) было тогда имъ присвоено, и они не сразу осѣдали даже и послѣ прихода на правый берегъ (Лазаревскій). Многіе при этомъ, заставъ тамъ народное броженіе и полное разочарованіе ранѣе поселившихся въ сулимыхъ панами „слободахъ“, часто вовсе не осѣдали въ качествѣ мирныхъ иммигрантовъ, а пристава̀ли къ элементамъ бродившимъ, движимые то сознаніемъ своей солидарности съ ними, то желаніемъ половить рыбу въ мутной водѣ. Такой выходъ изъ тяжелыхъ жизненныхъ условій многимъ пришелся по сердцу и вслѣдъ за первыми гетманцами, приставшими къ коліямъ, на правый берегъ Днѣпра двинулись изъ Малороссіи всякіе недовольные элементы. Русскіе форпосты съ ихъ рогатками и кучками солдатъ, воздвигнутые вдоль границы гетманщины и Рѣчи Посполитой, не могли, конечно, задержать этого довольно людnаго движенія,—людnаго впрочемъ только по тогдашней степени населенности и Украины, и Малороссіи.

Констатируя здѣсь, такимъ образомъ, интересный фактъ союзничества между крестьянами праваго и лѣваго берега Днѣпра, мы однако дальше такого констатированія не пойдемъ. Пользуясь, какъ главнымъ источникомъ для настоящей работы, Коднепской книгой, мы естественно имѣемъ свѣдѣнія почти исключительно о тѣхъ гайдамакахъ, которые были подданными Рѣчи Посполитой, такъ какъ только они и подлежали ея суду; что же до гетманцевъ, то они, какъ жители лѣвобережной Украины, находившейся во власти русскаго правительства, не могли фигурировать на польскомъ судѣ въ Коднѣ и подлежали суду русскихъ властей, а потому и обстоятельныхъ свѣдѣній о нихъ въ

польской Кодненской книгѣ нельзя встрѣтить. Положимъ, и въ ней попадаются иногда подсудимые гайдамаки родомъ изъ-за Днѣпра, изъ предѣловъ то нѣжинскаго, то лубенскаго полка, но всѣ они большею частію давніе выходцы изъ гетманщины, явившіеся на правый берегъ не во время возстанія [1]). За давностью ихъ прихода въ правобережную Украину, польскія власти разсматривали ихъ, какъ подданныхъ Рѣчи Посполитой, и судили своимъ судомъ, щедро раздавая имъ смертныя казни. Но не этими лѣвобережцами интересуемся мы теперь; для насъ важны явившіеся на правый берегъ уже въ періодъ возстанія, представлявшіе собою по отношенію къ коліивщинѣ сочувствующій элементъ. И вотъ о такихъ то лѣвобережцахъ Кодненская книга не даетъ ничего, кромѣ косвенныхъ упоминаній.

Не богаты мы фактами и о гайдамакахъ степей, хотя этимъ послѣднимъ принадлежала въ движеніи очень серьезная роль: у нихъ была военная опытность, и они то были во многихъ случаяхъ организаторами ватагъ и загоновъ. Давно выбывшіе изъ какихъ бы то ни было законныхъ кадровъ Рѣчи-ли Посполитой, или даже гетманщины, люди эти обыкновенно ютились въ вольностяхъ войска запорожскаго и чаще всего въ бугогардэвской паланкѣ, гдѣ главнымъ ихъ притономъ былъ Мигейскій островъ, или просто Мигея [2]). Издавна носили они названіе гайдамакъ и по давней судьбѣ своей были наиболѣе близки посполитымъ, выбивавшимся теперь, въ 1768 году, изъ бѣды. Въ большинствѣ это были крестьяне Кіевщины, Брацлавщины и Подоліи, бѣжавшіе въ разное время отъ польскихъ преслѣдованій за участіе въ бунтахъ. Притонъ, къ которому они пристали, издавна существовалъ въ запорожскихъ степяхъ: притонъ этотъ созданъ былъ давними левенцами, родственными по духу опришкамъ Червоной Руси и игравшими роль во время возстанія Хмельницкаго. Въ XVIII вѣкѣ въ степи поуходили многіе крестьяне, участвовавшіе при Паліѣ и Самусѣ въ возстаніяхъ начала сто-

---

[1]) Кодн. кн., см. объ Иванѣ Мельникѣ, о Кондратѣ Письменномъ, о Ботвинкѣ и пр.

[2]) Скальковскій. Ист. Новой Сѣчи, ч. II, стр. 318.

лѣтія. Затѣмъ сюда же должны были скрыться сподвижники Верлана и Гриш, избѣгшіе смертной казни послѣ возстанія 1734 и слѣдующихъ годовъ. Наконецъ, и послѣ этого крупнаго движенія, каждый сравнительно мелкій крестьянскій бунтъ давалъ значительный процентъ выбитыхъ изъ легальнаго строя и вынужденныхъ для сохраненія себя отъ непосильной борьбы за существованіе уходить въ глубь запорожскихъ степей. Такимъ образомъ, въ послѣднихъ непрерывно держались полуразбойничьи гнѣзда, страшныя для сосѣднихъ забужскихъ татаръ,для донцовъ и для пановъ южной Руси [1]). Не было въ XVIII вѣкѣ движенія на Украинѣ, въ которомъ бы не принимали участія эти гайдамаки по ремеслу; отъ нихъ то и самыя движенія назывались гайдамацкими. Въ коліивщинѣ въ числѣ боровшихся противъ поляковъ они также составляли извѣстный контингентъ, хотя, быть можетъ, и не столь значительный, какъ это обыкновенно принимается.

Мы замѣтили уже, что и относительно гайдамакъ степей Кодпепская книга почти пе даетъ намъ фактовъ. Объяснить данное обстоятельство неподсудностью этихъ гайдамакъ польскому суду, какъ это мы сдѣлали относительно лѣвобережцевъ, нѣтъ основаній. Хотя они жили въ предѣлахъ вольностей войска запорожскаго, однако къ запорожскому войску они не причислялись, ибо войско это вслѣдствіе вліянія русскаго правительства не имѣло возможности включить ихъ легально въ свою семью. Не удивительно поэтому, что власти Рѣчи Посполитой склонны были считать ихъ подданными своего государства, имѣя въ виду, что дѣйствительно большинство ихъ вышло когда-то изъ предѣловъ Украины. Въ виду этого военно-судная коммиссія судила ихъ, какъ и своихъ правобережныхъ крестьянъ, причемъ проявляла по отношенію къ нимъ особенную строгость: въ немногихъ судебныхъ отмѣткахъ о такихъ подсудимыхъ, значащихся „заграничными“, мы то и дѣло паталкиваемся на приговоры „scięty“, „powieszony“. Если же при всемъ томъ дѣлъ о такихъ гайдамакахъ по ремеслу въ нашей Кодненской книгѣ немного, то на

---

[1]) Скальковскій. Ист. Н. С., стр. 307.

это, какъ кажется, есть свои причины. Конечно, наша Коденская книга заключаетъ въ себѣ только ничтожную часть дѣлъ по расправѣ съ гайдамаками, однако все же намъ трудно удержаться отъ предположенія, что и вообще въ движеніи 1768 года гайдамаки степей не были особенно численнымъ элементомъ. Во первыхъ, въ виду стѣсненнаго положенія даже и въ предѣлахъ вольностей войска запорожскаго, они во второй половинѣ XVIII вѣка такъ или иначе уже переходили въ легальныя условія существованія, то приставая въ—плотную къ кошу, который принималъ ихъ къ себѣ тайно отъ всѣхъ многочисленныхъ опекуновъ своихъ, то осѣдаясь правдами и неправдами въ гетманщинѣ или даже въ Украинѣ на польской сторонѣ; вслѣдствіе же этого ихъ становились все меньше и меньше и пополнять собою ряды возставшихъ на Украинѣ они могли слабо. Во—вторыхъ, и извѣстная намъ ничтожная численность гайдамацкихъ ватагъ въ теченіе всей коліивщины склоняетъ невольно къ мысли, что возставшимъ крестьянамъ Кіевщины и Брацлавщины приходилось бороться съ поляками главнымъ образомъ собственными силами. Мы только и знаемъ во время коліивщины небольшіе отряды возставшихъ; самъ Желѣзнякъ подъ Уманью имѣлъ послѣ соединенія съ Гонтой всего только 2000 человѣкъ въ своемъ распоряженіи, а Швачка—1000, другіе же ватажки, особенно ватажки загоновъ, предводительствовали часто сотнями и десятками—не больше. Да и какъ бы оно могло быть иначе? Послѣ руины опустошенная страна не могла сразу возстановить прежней густоты населенія. Вступая же въ борьбу собственными силами, коліи не могли имѣть большихъ ватагъ.

Но если гайдамакъ степей въ 1768 г. было немного въ украинскомъ движеніи, то все же участіе ихъ въ немъ несомнѣнно. Въ подтвержденіе этого мы имѣемъ между прочимъ указаніе въ Коденской книгѣ того пути, по которому двигались въ Украину эти отщепенцы. Въ числѣ документовъ Коденской книги находимъ допросъ военно-судной коммиссіей крестьянина Ивана Рябошапки [1]). Рябошапка этотъ былъ родомъ изъ лубенскаго полка,

[1]) Коди. кн., стр. 74.

изъ с. Лохвицы. Тамъ онъ выросъ, женился и достигъ 34-лѣтняго возраста. Мирное теченіе его жизни было нарушено предписаніемъ русскихъ властей идти ему въ числѣ другихъ погоничей при подводахъ, отправлявшихся къ турецкой границѣ по случаю войны. Отказаться отъ исполненія этой повинности было невозможно — и Рябошапка по неволѣ долженъ былъ совершить путь до м. Степанешть. Въ Степанештахъ же вслѣдствіе голода и крайней нужды рѣшился онъ кинуть подводы и бѣжать домой. Дойдя до Днѣстра близъ Могилева, Рябошапка зашелъ въ бывшій тамъ монастырь, переночевалъ у монаховъ, и на другой день монастырскій человѣкъ переправилъ его черезъ рѣку, но не къ Могилеву, потому что тамъ была чума, а къ какому то селу прямо противъ монастыря. Тутъ ужъ онъ былъ въ польскихъ предѣлахъ и потому смѣлѣе двинулся далѣе. Путь онъ избралъ такой: чрезъ села Грушки и Баренки на Немировъ, изъ Немирова на Липовецъ, Чернявку, Тетіевъ, Буки, Ризану Крыницю и Ерепъ. Въ послѣднемъ селѣ онъ былъ арестованъ тамошнимъ коммиссаромъ. На допросѣ его допытывали, почему онъ прошелъ черезъ названные имъ села и города. Путь этотъ считался необычнымъ для мирныхъ людей, такъ какъ по немъ ходили почти исключительно гайдамаки. Рябошапка заявилъ, что ближайшимъ путемъ вернуться домой онъ боялся, потому что могъ тамъ попасться русскимъ военнымъ отрядамъ, русскіе же всѣхъ бѣглыхъ погоничей при встрѣчѣ съ ними обыкновенно избивали до полусмерти. Другихъ показаній Рябошапка не далъ, хотя и былъ сѣченъ. Кодненской коммиссіи пришлось поэтому за недостаткомъ уликъ отпустить его, несмотря даже на его безпаспортность, которою онъ тоже объяснялъ выбранный имъ окольный гайдамацкій путь.

Какъ ни неважно само по себѣ пересказанное дѣло, но все же изъ него мы узнаемъ, что былъ даже особый путь, по которому вторгались въ Украину гайдамаки съ юга, а кромѣ того— мы наталкиваемся тутъ на одну изъ группъ гетманцевъ, попадавшихъ въ ряды возставшихъ на правомъ берегу Днѣпра, — наталкиваемся на бѣглыхъ погоничей русскихъ военныхъ подводъ. При допросѣ Рябошапки кодненскіе судьи сами констати-

ровали и то, что такихъ бѣглыхъ погопичей было не мало, что бѣжали они домой группами въ нѣсколько человѣкъ, и что наконецъ по пути черезъ Украину съ голода и нужды приставали они къ гайдамакамъ. Для нихъ отмѣченный выше путь былъ дорогою уже заранѣе проторенною. Торною же сдѣлали ее именно гайдамаки степей.

Всѣхъ „заграничныхъ“ гайдамакъ, отмѣтки о которыхъ мы встрѣчаемъ въ Кодпенской книгѣ, мы насчитали 32 человѣка. Въ одиночку эти люди рѣдко попадались въ той или другой гайдамацкой ватагѣ, а больше группами въ нѣсколько человѣкъ. Такъ, въ ватагѣ Василія Шелеста, дѣйствовавшаго вблизи Днѣпра, было нѣсколько заграничныхъ [1]). Кромѣ того, и въ совсѣмъ небольшихъ гайдамацкихъ загопахъ „заграничные“ всегда являлись въ группахъ [2]). Кодпенская коммиссія, какъ уже было отмѣчено, отнеслась къ этимъ „заграничнымъ“ крайне немилостиво: всѣ они или обезглавлены, или повѣшены.

Несомнѣнно наконецъ участіе въ коліивщинѣ и третьяго элемента, посторонняго крестьянамъ группы, запорожцевъ. Въ нихъ, по самому складу ихъ понятій, движеніе коліевъ необходимо должно было вызвать самый живой откликъ. Какъ ни тяжела была судьба общины ихъ при кошевыхъ Лантухѣ и Кальпишевскомъ, являвшихся во многихъ случаяхъ поневолѣ правительственными чиновниками, тѣмъ не менѣе пониманіе интересовъ своей народности, и въ предѣлахъ, и за предѣлами вольностей войска запорожскаго, а равно и сознаніе своихъ человѣческихъ правъ — все это жило въ славномъ запорожскомъ товариществѣ, и оно охотно несло свои головы, по крайней мѣрѣ въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ, каждый разъ, какъ гдѣ-либо на Украйнѣ прорывался протестъ противъ чужеземнаго гнета.

Собственно объ участіи запорожцевъ въ коліивщинѣ собрано пока очень мало фактическаго матеріала; немного его и въ на-

---

[1]) Кодн. кн., стр. 481.

[2]) Кодн. кн., стр. 537.

шей Кодненской книгѣ. Конечно, быть можетъ, что такой недостатокъ фактическихъ данныхъ обусловленъ малымъ количествомъ найденныхъ и разобранныхъ до сихъ поръ документовъ. Но не вѣрнѣе ли допустить, что дѣлъ по поводу участія запорожцевъ въ коліивщинѣ не находятъ въ большомъ количествѣ именно потому, что въ большомъ количествѣ ихъ и быть не могло. Конечно, о полномъ невмѣшательствѣ запорожцевъ въ движенія гайдамаковъ вообще и въ частности въ движеніе 1768 года, какъ на этомъ настаивалъ и настаиваетъ г. Скальковскій, и рѣчи быть не можетъ. Усматривая въ гайдамацкихъ возстаніяхъ одинъ только разбойничьи цѣли и не признавая тождества дѣйствительныхъ цѣлей этихъ движеній съ цѣлями запорожскаго товарищества, г. Скальковскій, обѣляя послѣднее, всячески и даже насильственно отрицаетъ солидарность запорожцевъ съ гайдамаками 1768 г. Но слишкомъ очевидно, что даже въ распоряженіи самого г. Скальковскаго имѣются данныя, идущія въ разрѣзъ съ его заключеніями, какъ это давно уже отчетливо показалъ Максимовичъ въ своихъ замѣткахъ на его книгу „Haѣзды гайдамакъ“. Уже въ этой книгѣ отмѣчено, что 600 запорожцевъ двинулись въ 1768 году въ Украину на помощь возставшимъ крестьянамъ [1]). Максимовичъ же добавляетъ къ этому числу еще 420, относительно которыхъ онъ имѣлъ свѣдѣнія изъ подлинныхъ актовъ 1768 г. [2]). Ясно поэтому, что запорожцы принимали участіе и въ коліивщинѣ, какъ и въ прежнихъ крупныхъ волненіяхъ XVIII вѣка. Но мы думаемъ, что приведенныя данныя, при сличеніи ихъ съ запорожскими силами вообще, показываютъ также, что запорожцы въ 1768 году, какъ и вообще послѣ возвращенія своего въ русское подданство въ 1734 году, далеко не свободно могли отдаваться своимъ влеченіямъ, и участіе какой-нибудь тысячи ихъ въ близкомъ ихъ сердцу дѣлѣ показываетъ, какъ сильно измѣнились времена сравнительно съ XVII и началомъ XVIII вѣка, когда являлись они на Украину открыто, явно, въ количествѣ многихъ тысячъ человѣкъ. Конечно, въ Запорожьѣ много значило „товарищество“, какъ это отмѣтилъ Максимовичъ, возражая г.

[1]) Скальковскій.

[2]) Максимовичъ. Сочиненія, т. I, стр. 586.

Скальковскому; конечно, товарищество часто шло туда, куда не хотѣла идти войсковая старшина,—но все же старшина въ Запорожьѣ имѣла большую силу и, разъ надъ старшиной висѣлъ мечъ запретовъ со стороны тѣхъ, кому Запорожье подчинялось, разъ пособничество гайдамакамъ строго возбранялось кошу, товариству трудно было идти въ полный разрѣзъ съ кошемъ и экспедировать въ Украину слишкомъ большіе отряды. Воля запорожца въ это время была уже стѣснена, и онъ только нелегально могъ слѣдовать ея влеченіямъ. Не можемъ, поэтому, не думать, что и въ 1768 г. какъ въ теченіе всего XVIII вѣка, запорожцы участвовали въ гайдамацкихъ отрядахъ только въ небольшомъ числѣ. При такомъ же условіи и дѣлъ о запорожцахъ—гайдамакахъ могло сохраниться сравнительно немного. Запорожье въ это время оказывало больше нравственное давленіе на возставшихъ, и эти послѣдніе держались поэтому запорожской военной организаціи, заведя у себя полковника и куренныхъ атамановъ, и въ своихъ нападеніяхъ на врага руководствовались запорожскою же опытностью въ веденіи партизанской войны.

Что запорожцы склонны были именно къ этого рода войнѣ при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилось тогда товарищество,—это можно заключить по явленію, вѣроятно не случайному въ архивныхъ документахъ по интересующему насъ вопросу, — а именно по тому, что запорожцы, судившіеся на польскомъ судѣ за возстаніе 1768 года, оказываются побывавшими не въ большихъ ватагахъ ватажковъ Желѣзняка, Швачки, Неживаго и Бондаренка, а только въ загонахъ. Такъ, изъ Кодненской книги мы знаемъ, что три запорожца, Ѳедоръ Базарный, Левко Малый и Климъ Билый [1]) состояли въ загонѣ Плыхапенка, дѣйствовавшаго въ Бѣлоцерковщинѣ, то оказывая помощь Швачкѣ, то грабя и убивая шляхту и жидовъ въ селахъ Маломъ Половецкомъ, Романовкѣ и др. Въ той-же Кодненской книгѣ находимъ указаніе и на загонъ Василія Смѣлянскаго, въ которомъ участвовали запорожцы; изъ числа ихъ названы два—Максимъ Швець и опять какой-то Ѳедоръ Базарный [2]).

[1]) Кодн. кн., стр. 482—483.

[2]) Кодн. кн., стр. 486.

Перебирая далѣе другихъ запорожцевъ, участниковъ въ коліивщинѣ, мы не удивимся, если и между ними окажутся проходимцы, имѣющіе въ виду только нагрѣть руки во время чужой бѣды. Такимъ, намъ кажется, былъ запорожецъ Лапа. О немъ мы знаемъ только, что въ началѣ движенія 1768 г. онъ пришелъ въ село Квитки и, поселясь тамъ въ домѣ крестьянина Мельника, подговорилъ этого послѣдняго пойти въ гайдамаки въ загонъ Романченка, который въ то время былъ въ с. Ольшаной. Знаемъ дальше, что Лапа въ томъ же загонѣ Романченка двинулся на подмогу русскимъ войскамъ противъ напавшихъ тогда на Украину татаръ, и что затѣмъ онъ съ р. Тыкича, гдѣ Романченко почему то распустилъ свою ватагу, прошелъ въ Лебединъ къ ватагѣ Губы, которая сгибла потомъ, какъ кажется, подъ Сквирой [1]). Заключеніе наше о грабительскихъ цѣляхъ Лапы мы выводимъ изъ того уже извѣстнаго намъ обстоятельства, что ватага Романченка нерѣдко грабила крестьянъ и состояла изъ людей вродѣ Ивана Мельника, Василія Чапенка, Карпа Настыченка, которыхъ головой выдавали польскому суду ихъ односельчане [2]).

Предположеніе, что въ большинствѣ случаевъ запорожцы размѣщались не въ большихъ гайдамацкихъ ватагахъ, а въ загонахъ, быть можетъ, находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ, что всѣ тѣ 420 запорожцевъ, на которыхъ указываетъ Максимовичъ, какъ на участвовавшихъ въ движеніи 1768 года, входили въ составъ загоновъ. Названы при этомъ у Максимовича загоны Саражина, Василія Щербины, Клима Крутя, Гайдая, Мирона Губы [3]).

Но не подлежитъ сомнѣнію, что попадались запорожцы и въ крупныхъ отрядахъ Желѣзняка, Швачки и др. Косвенное указаніе на это мы находимъ въ доносѣ на запорожца Іосыпа Перевертайла, сдѣланномъ на кодненскомъ судѣ „хлопцемъ Желѣзняка“, Василіемъ Весніовскимъ. О доносѣ этомъ разскажемъ въ связи съ общимъ ходомъ дѣла Перевертайла, поданнаго суду кодненской коммиссіи вмѣстѣ съ своими четырьмя товарищами—

---

[1]) Максимовичъ. Сочин., т. I, стр. 586.

[2]) Кодн. кн., стр. 1, 43.

[3]) Максимовичъ. Сочинен., т. I, стр. 586.

запорожцами, Ильинымъ Билымъ, Стефаномъ Бильцемъ, Максимомъ Магромъ и Иваномъ Гладыренкомъ [1]). Остановиться на этомъ процессѣ поучительно, во-первыхъ, потому, что изъ него видно, ради какихъ цѣлей запорожцы проникали въ Украину, подчасъ торгуя, подчасъ маскируя торговлей свою поддержку возставшимъ; во вторыхъ—потому, что въ немъ слишкомъ замѣтно стремленіе польскихъ судей установить не только правдами, но и неправдами тотъ фактъ, что запорожцы были ревностными участниками тяжелаго бунта, и тѣмъ какъ бы дать основаніе своему мнѣнію—что не будь запорожцевъ, все бы пожалуй было благополучно на Украинѣ.

На судѣ относительно Іосыпа Перевертайла узнано было слѣдующее.

Іосыпъ Перевертайло, или какъ его величаютъ польскіе судьи Юзко, былъ родомъ *изъ Мишурова* подъ Кременчугомъ. Сперва онъ служилъ у людей наймытомъ, а потомъ, собравшись со средствами и купивъ себѣ пару воловъ, сталъ ѣздить то за рыбой въ Сѣчь, а то и дальше въ Крымъ за солью. И то, и другое возилъ онъ продавать на Украину и потому, конечно, хорошо зналъ въ ней разныя мѣстности. По словамъ его, незадолго предъ „ризанниой“ 1768 г. онъ купилъ себѣ въ предѣлахъ вольностей войска запорожскаго на рѣчкѣ хатку и сталъ заниматься доставкой оттуда сѣна, вѣроятно, въ Сѣчь. Въ самый разгаръ коліивщины онъ именно былъ будто бы занятъ этимъ дѣломъ. Но вскорѣ въ судьбѣ Перевертайла многое измѣнилось. Въ это время онъ считался сичовымъ козакомъ, запорожцемъ, и потому, когда въ 1769 году весной вышелъ указъ кошеваго идти на турокъ, онъ, какъ и большинство запорожцевъ, оставилъ свое мирное дѣло и вмѣстѣ съ другими двинулся подъ Очаковъ, гдѣ пробылъ цѣлое лѣто, а на зиму вернулся въ Запорожье. Въ слѣдующемъ 1770 г. этотъ походъ былъ запорожцами повторенъ, и Перевертайло не отсталъ отъ другихъ и тогда. Лѣто и осень пробыли они тогда въ дѣлѣ, и Перевертайло ушелъ оттуда только подъ конецъ осени, участвуя въ отрядѣ, которому было поручено конвоировать

[1]) Кодн. кн., стр. 31—36.

бѣлогородскихъ татаръ, отдѣлившихся отъ турокъ. Дойдя въ качествѣ конвоира до рѣчки Саксагана, Перевертайло вмѣстѣ съ пятью товарищами своими, запорожцами—Тимошемъ Билымъ, Степаномъ Бильцемъ, Максимомъ Магромъ и Иваномъ Гладыренкомъ—отсталъ отъ отряда, такъ какъ у всѣхъ ихъ де кони пристали. Зазимовали они тогда въ протопоповой слободѣ подъ Крыловымъ, причемъ дали о себѣ знать крыловской канцеляріи. Весной же взяли они себѣ по проходному виду отъ протопопа Димитра, думая отправиться въ Сѣчь, что́ и было отмѣчено въ данныхъ имъ протопопомъ бумагахъ. Сомнѣваясь однако въ законности полученныхъ видовъ, и Перевертайло, и его сѣчевые товарищи отправились показать ихъ въ крыловской (русской) канцеляріи. Тамъ они, по словамъ Перевертайла, не застали „главника“, а только прапорщика „молоденькаго“—и этотъ—то „молоденькій“ прапорщикъ сказалъ будто бы имъ, что съ свидѣтельствами отъ протопопа Димитра они могутъ идти куда угодно, и что въ нихъ паспортахъ они не нуждаются. Удовлетворенные такимъ отвѣтомъ, запорожцы двинулись въ с. Глинскъ. (Село александр. уѣзда херс. губ., крыловской сотни, миргород. полка, при р. Цыбульникѣ, къ ЗЮЗ отъ Крылова).

Тутъ замѣтимъ, что исполненіе всякихъ формальностей относительно паспортовъ для запорожцевъ, не желавшихъ выходить изъ границъ легальности, было дѣломъ крайней необходимости послѣ грозныхъ предписаній кошевому и всѣмъ запорожскимъ старшинамъ отъ разныхъ представителей русской власти. Еще Разумовскій въ наказѣ своемъ запорожской старшинѣ настаивалъ въ 1755 г., чтобы запорожцы, отлучаясь куда бы то ни было изъ коша, брали паспорты и на заставахъ билеты; даже при отправкахъ въ зимовники въ предѣлахъ своихъ вольностей считался необходимымъ билетъ[1]). Но, разумѣется, формальности эти, слишкомъ стѣснительныя для вольныхъ людей, были выполняемы только желающими. Тѣ-же, кому надо было идти вершить политическія дѣла, какихъ русскія власти и запорожскіе старшины, ими направляемыя, одобрить не могли, и тѣ, которыя

[1]) Нѣсколько документовъ къ исторіи гайдамачины, А. Скальковскаго. „Кіев Стар.“ 1885 г., книга 10-я.

искали матеріальной поживы въ краѣ, гдѣ все было перевернуто народнымъ движеніемъ вверхъ дномъ,—тѣ паспортами не всегда запасались, а если и запасались, то не всегда тамъ, гдѣ было нужно, и при этомъ далеко не слѣдовали указанному въ нихъ маршруту.

Послѣднее случилось по невѣдѣнію и съ нашими пятью запорожцами, къ которымъ присталъ еще какой-то Иванъ Кравецъ, уроженецъ правобережной Украины. Встрѣтились они будто-бы въ Глинскѣ съ прикащикомъ какого-то Графова, маіора сербскаго гусарскаго полка, съ гусаромъ Иваномъ Лисенкомъ, и этотъ то Лисенко убѣдилъ ихъ будто бы идти къ россійской арміи, выступившей противъ турокъ. Давши ему свое согласіе, Перевертайло и его товарищи, имѣя возъ съ провіантомъ и кладью, двинулись въ путь вмѣстѣ съ Лисенкомъ, имѣвшимъ также два воза съ провіантомъ; медленно двигались они и недалеко прошли впередъ, такъ какъ въ возы были упряжены волы—по четыре въ каждый возъ. И вотъ у села Тышкувки, близъ мѣстечка Турія (теперь деревня дубенск. уѣзда, при р. Иквѣ), были они задержаны стражникомъ, стоявшимъ на turwarci, какъ не имѣвшіе законныхъ видовъ, гусаръ же Лисенко, задержанный сперва также, былъ отпущенъ и съ двумя своими возами и прислугой продолжалъ путь по направленію къ арміи.

Вся эта исторія, узнанная изъ устъ самого Перевертайла, не представлялась правдивой польскимъ судьямъ; когда же къ дѣлу прибавились добровольныя показанія на Перевертайла и его товарищей Желѣзнякова хлопца Василія Весніовскаго, тогда и подавно неповинность въ гайдамачествѣ и Перевертайла, и его друзей стала казаться еще болѣе подозрительной.

Показанія свои на Перевертайла и его товарищей Весніовскій на судѣ измѣнялъ однако два раза, если не больше. Сначала онъ заявилъ было, что Перевертайла онъ видѣлъ во время рѣзни въ Умани и именно тогда, когда было вырѣзано 18,000 шляхтичей и жидовъ [1]) т. е. 1768 г., и что узналъ онъ его по копю. Какія такія характерныя особенности были у копя Пере-

[1]) Кодн. кн., стр. 34.

вертайла, чтобы Весніовскій могъ помнить его три года, въ показаніяхъ Весніовскаго не отмѣчено, но Перевертайло, опровергая справедливость заключеній Весніовскаго, отмѣтилъ ее, сказавъ, что если онъ, Перевертайло, не ковалъ своего коня и подшивалъ на его копыта какую-то обувь [1]), то дѣлалъ онъ это, какъ и всѣ запорожцы, по запорожскому обычаю, такъ что подшитые обувью копыта, очевидно, не могли бы служить уликой тождественности коня, видѣннаго Весніовскимъ въ Умани въ 1768 году, съ тѣмъ, на которомъ былъ Перевертайло взятъ въ секвестръ, ибо подъ Уманью было много запорожцевъ. Къ приведенной культурной подробности относительно обуви коня въ оправданіяхъ Перевертайла присоединяется и другая. Онъ утверждалъ, что коня своего онъ обрѣлъ только недавно, а именно въ истекшій мясопустъ, у какого-то цыганскаго атамана, съ пятью патрами осѣвшагося на время въ слободѣ Переводчиковой, о чемъ должны, по его словамъ, помнить люди названной слободы. Указалъ при этомъ Перевертайло, что уплатилъ онъ цыгану за своего коня 16 рублей и въ додачу далъ ему своего прежняго коня, который пошелъ въ 4 рубляхъ [2]).

Смущенный энергичностью протеста Перевертайла, Весніовскій сталъ уже утверждать, что онъ помнитъ только коня, а не всадника, а потомъ добавилъ, что видѣлъ Перевертайла и коня не въ Умани, а въ Бендерахъ, въ заключеніе же сталъ настаивать на томъ, что и Перевертайло, и его товарищи грабили и убивали въ польскихъ предѣлахъ въ прошломъ 1770 г., и что Перевертайло на своемъ копѣ былъ тогда и въ Жаботинѣ, и въ Смѣлой, и въ Корсунѣ, и въ Богуславѣ, и въ Умани. Утвержденіе это 19-ти лѣтній Весніовскій рѣшился бросить и прямо въ глаза оговореннымъ имъ лицамъ. Особенно при этомъ страннымъ показалось его вторичное обвиненіе, что они, запорожцы, wraz z jego panem Żelezniakiem rabowali i zabijali. Очевидно, однако, что wraz z panem Żelezniakiem Перевертайло могъ бы дѣйствовать только въ 1768 году, а никакъ не въ 1770,

---

[1]) Кодн. кн., стр. 7.

[2]) Рубли здѣсь литовскіе. Тогда литовск. рубль=5 рус. рублямъ.

такъ какъ Желѣзнякъ уже сошелъ со сцены въ 1768 году [1]).

Въ виду всѣхъ этихъ разнорѣчій по правиламъ судопроизводства того времени оставалось только для выясненія истины прибѣгнуть къ пыткѣ. Въ Кодненской книгѣ сохранился протоколъ korporalnych konfessat, т. е. показаній, данныхъ подъ пыткой по настоящему дѣлу Весніовскимъ и Перевертайломъ; въ протоколѣ сохранилось еще указаніе на пытку Максима Магра, но этотъ послѣдній при мученіяхъ замиралъ.

Для наглядности сдѣлаемъ здѣсь выписку изъ этого протокола.

Punkta przeciwko Maximowi Magrze y Iuskowi Perewertaylowi na korporalne konfessata [2]).

1-mo. Dla czego wyszedl z zagranicy z Juskiem Perewertaylem do polskiey z drugimi z nim będącemi?

In illo puncto dormiebat et nihil dixit Maxym Magro.

R (respondit) Jusko Perewertaylo—iż wyszlismy do armiy, ale nic na rabunki żadne.

2-do. W Polszchę będąc gdziescie rabowali szlachty, żydow, mużykow y silascie ich zabili?

Etiam in illo dormiebat (Maxym Magro), propterea nihil dixit.

R (respondit) Perewertaylo—iz niedziesmy nie rabowali szlachty, a ni żydow y żodnych nie zabialismy.

3-tio. Gdziescie zdobycz y komu te z rabunków oddawali.

Et in illo puncto dormiebat (Maxym Magro) etiam nihil dictum ab illo est.

R (respondit) Juzko Perewertaylo—że żadney zdobyczy nie mielismy, a ni komu nie dawalismy y wcale do niczego nie przyznaie y w Humaniu nie byłem, y konia tego swego, ktorego Wesniowski miał poznać, kupiłem. Zguła wszystko do konfessat dobrowolnych tylko przyznaię".

---

[1]) „Кіевск. Стар." 1888, книжка 12-я, сообщеніе г. Андріевскаго.

[2]) Кодн. кн. стр. 20.

Послѣ этого кодненскому суду оставалось только отпустить и мнимаго гайдамацкаго ватажка Перевертайла, и его товарищей, тѣмъ болѣе, что ихъ личности не представляли ничего загадочнаго. Обо всѣхъ ихъ извѣстно было, что они запорожцы, числившіеся въ куренхъ. О Перевертайлѣ мы уже имѣли указанія, скажемъ теперь и объ остальныхъ. Тимишъ Билый былъ родомъ изъ Прохоровки переяславскаго полка и долго торговалъ рыбой и солью въ Сѣчи, до самой турецкой войны. Другой, Степанъ Билецъ, также родомъ изъ Прохоровки, ушелъ на Запорожье изъ Кіева и десять лѣтъ числился въ каневскомъ куренѣ. Третій, Максимъ Магро, родомъ изъ Келиберды переяславскаго полка, также долго жилъ на Запорожьѣ. Наконецъ, четвертый, Иванъ Гладыренко и родомъ былъ изъ запорожской земли; родился онъ въ Кодакахъ и тамъ выросъ, а въ Сѣчи былъ потомъ записанъ въ куренѣ каневскомъ. Вооружены всѣ эти люди были пистолетами; у кого былъ одинъ пистолетъ, а у кого и два.

Едва ли однако всѣ эти люди были бы такъ скоро отпущены Кодней, если бы, несмотря на уяснепіе дѣла путемъ допроса подсудимыхъ подъ пыткой, кодненскіе судьи не сочли нужнымъ допросить еще подъ пыткой Василія Весніовскаго, личность котораго никому не могла внушать довѣрія. Въ Кодненской книгѣ сохранился только о[т]рывокъ „korporalnych konfessat“ этого доносчика. Приводимъ его.

Punkta na Wasyla Wissniowskiego inkarcerata [1]).

1-mo. Czy byli w Umaniu Juzko, Maxym Magro y inni, czy rabowali, czyli nie, gdzie i kiedy?

R. iż nie byli, tylkom się przeż iednego konia zbalamutił, żem na nich powiedział.

2-do. Za co pierwey powoływał tych ludzi, a potym odwołał, kto go namówił na to y jak go namowiali?

R. iż mnie nie namowili, tylko mnie persowadowali, abym iam na dusze swoie nie brał, co teraz rewokuie żem ich nie widział a ni ich znam“.

[1]) Кодн. кн., стр. 16.

Понятно, что послѣ этого показанія дѣло о запорожцахъ необходимо должно было окончиться ихъ освобожденіемъ.

Все данное дѣло показываетъ намъ, какъ привыкла польская слѣдственная коммиссія къ появленіямъ запорожцевъ въ Украинѣ ради поддержанія возставшихъ крестьянъ. Относительно Перевертайла и его товарищей, конечно, произошла грубая ошибка, но во многихъ случаяхъ дѣйствительно запорожцы подъ предлогомъ торговли или подъ предлогомъ переходовъ въ русскіе предѣлы оставались въ Украинѣ и принимали участіе въ гайдамацкомъ движеніи, приставая не всегда только къ небольшимъ загонамъ, но иногда и къ большимъ ватагамъ, вродѣ дѣйствовавшей подъ Уманью.

Случалось, что и запорожцы шли на помощь возставшимъ въ полной увѣренности, что таково желаніе царицы; особенно легко овладѣвала подобная иллюзія запорожцами, проживавшими вдали отъ коша, этого запорожскаго центра вѣрныхъ политическихъ новостей.

Въ подтвержденіе можемъ сослаться на показанія запорожца Алексѣя Ногайца, уличеннаго въ гайдамачествѣ и бывшаго на судѣ кіевской губернской канцеляріи 23 октября 1768 г. [1]). Въ показаніяхъ этихъ между прочимъ читаемъ: „... многіе запорожскіе козаки шли за границу въ Польшу, объявляя, что якобы по указу велѣно запорожцамъ собираться къ находящимся въ Польшѣ россійскимъ войскамъ противъ поляковъ для защищенія живущихъ въ Польшѣ греческаго исповѣданія людей“.

И такъ, при всѣхъ затрудненіяхъ, какія встрѣчали запорожцы для фактическаго проявленія своихъ симпатій къ угнетаемой Украинѣ, они все же проникали туда, хотя и нелегально. Но не отразиться на числѣ запорожцевъ, проникавшихъ въ Украину, упомянутыя затрудненія не могли: прежде въ XVII в. бывало все товарищество шло вызволять украинцевъ, въ количествѣ чуть не десятковъ тысячъ, теперь же изъ общаго числа запорожцевъ 13,000 человѣкъ [2]) едва-едва проникала туда какая-нибудь тысяча.

---

[1]) Максимовичъ. Сочиненія, т. I, стр. 606.

[2]) Скальковскій.

Пересмотрѣвъ имѣвшіяся у насъ данныя объ участіи въ коліивщинѣ лѣвобережцевъ, степныхъ гайдамакъ и запорожцевъ, мы только и можемъ повторить ранѣе сказанное,—что коліивщина есть только слабый отблескъ того, что бывало на Украинѣ раньше въ XVII и даже въ началѣ XVIII столѣтія. Одна уже слабая населенность Украины въ XVIII вѣкѣ, послѣ руины, необходимо должна была свести это движеніе до размѣровъ сравнительно ничтожныхъ. Во время его дѣйствовали десятки и сотни возставшихъ, тогда какъ раньше полякамъ приходилось имѣть дѣло съ десятками тысячъ и даже сотнями тысячъ козаковъ и посполитыхъ. Изъ посторонннихъ участниковъ въ коліивщинѣ только лѣвобережцы, надо полагать, поддерживали возстаніе сколько-нибудь значительными силами. Степныхъ же гайдамакъ къ концу столѣтія становилось все меньше и меньше—и помощь ихъ коліямъ была далеко не такъ велика, какъ это обыкновенно думаютъ. Наконецъ и самое Запорожье въ это время не могло давать сколько-нибудь замѣтнаго контингента пособниковъ. Слѣдствіемъ же всего этого и является тотъ, какъ намъ кажется, несомнѣнный фактъ, что коліивщина есть движеніе чисто крестьянское, заключенное притомъ въ предѣлы только большей части Кіевщины и Брацлавщины.

ГЛАВА 4.

Мѣры правительства Рѣчи Посполитой противъ коліевъ.

Извлекши съ возможною полнотою изъ Коднепской книги все то, чѣмъ характеризуются участники коліивщины, отъ ватажковъ до послѣднихъ пособниковъ возставшихъ крестьянъ включительно, мы считаемъ нелишнимъ обратиться теперь къ характеристикѣ дѣйствій польскаго правительства Рѣчи Посполитой въ разгарѣ коліивщины и непосредственно послѣ нея, собравъ для этого тѣ мелкіе разрозненные факты, какіе по данному вопросу встрѣчаемъ и въ той же Коднепской книгѣ, и у польскихъ мемуаристовъ.

Извѣстно, что во второй половинѣ XVIII вѣка все войско Рѣчи Посполитой, дѣлившееся издавна на двѣ большія части—

литовскую и польскую, не заключало въ себѣ даже по спискамъ 17000. Но и изъ этого числа на защиту интересовъ государства въ предѣлахъ украинскихъ воеводствъ, гдѣ разразилась коліевщина, приходилась всего только четверть польской части войска. А такъ какъ во всей польской части было 12000 солдатъ, то въ каждой изъ четырехъ „партій“ этой части могло быть по 3000 человѣкъ. Быть можетъ, при надлежащей воинской дисциплинѣ такого числа обученныхъ военному строю солдатъ было бы вполнѣ достаточно для подавленія крестьянскаго движенія 1768 года, особенно если принять въ разсчетъ численную слабость возставшихъ; но въ томъ то и дѣло, что при отсутствіи въ польскомъ войскѣ дисциплины и „украинская партія“, какъ и три остальныя, никогда не заключала въ себѣ и двухъ третей полагавшагося въ ней числа людей. Обыкновенно *регментарь*, т. е. начальникъ партіи самъ бывалъ въ отсутствіи и его замѣнялъ кто-нибудь изъ его подчиненныхъ, которому онъ давалъ титулъ „стражника“. Въ свою очередь очень часто не бывали при войскѣ и *ротмистры*, т. е. начальники хоругвей, на которыя дѣлилась вся партія; эти тоже замѣщали себя—*поручиками*, которые однако опять таки часто уѣзжали въ свои помѣстья, сложивъ обязанности по командѣ хоругвью на *намѣстниковъ*. Но, кромѣ начальствующихъ, не бывало часто на лицо и „*товарищей*“ и „*шереговыхъ*“, изъ которыхъ составлялись хоругви. Подъ товарищами же разумѣлись исключительно дворяне, записывавшіеся добровольно въ хоругвь, и ихъ бывало при нормальномъ порядкѣ по 25 человѣкъ въ хоругви, а подъ „шереговыми“—тѣ слуги товарищей, которыхъ эти послѣдніе приводили съ собою обыкновенно въ количествѣ 3—4 человѣкъ для образованія хоругви. Благодаря указаннымъ удаленіямъ во свояси и начальниковъ, и подчиненныхъ, нерѣдко въ хоругви, вмѣсто нормальнаго по штатамъ числа 100—125 человѣкъ, бывало всего человѣкъ 30—40. И подобная недостача въ людяхъ случалась тѣмъ чаще, что на содержаніе ихъ не хватало средствъ: казенныя средства, которыя ротмистры получали отъ регментаря для распредѣленія между товарищами, часто растрачивались на частныя нужды и кутежи, такъ что волей неволей приходилось распускать по до-

мамъ часть солдатъ. Притомъ же кичившіеся титуломъ „товарищей“ паны часто вовсе не думали о своихъ обязанностяхъ, считая себя неуязвимыми со стороны суда при существовавшихъ военныхъ непорядкахъ [1]).

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ изъ „украинской партіи“ нерѣдко на лицо бывало человѣкъ 700 и много много если 1000. Съ такими же силами, еще недисциплинированными, трудно было дѣйствовать противъ трехъ-четырехъ гайдамацкихъ ватагъ численностью въ 2000 и въ 1000 душъ и противъ значительнаго числа болѣе мелкихъ гайдамацкихъ загоновъ. Надо было подавлять и сравнительно организованныя группы возставшихъ, предводительствуемыя Желѣзнякомъ, Швачкой, Неживымъ, Бондаренкомъ, и давить загоны, ведшіе, быть можетъ, еще болѣе опасную партизанскую войну. А если еще принять въ разсчетъ враждебныхъ польскому правительству барскихъ конфедератовъ, которыхъ королю надо было также усмирить, то военное ничтожество какихъ-то 700—1000 чел. должно предстать предъ нами съ полной очевидностью.

Въ первое время движенія мы поэтому вовсе не встрѣчаемъ въ документахъ даже упоминаній о польскихъ отрядахъ. Желѣзнякъ, Швачка, Неживый, Бондаренко и всѣ загоны встрѣчаютъ только оборону со стороны поляковъ, но не нападеніе; но и оборона ведется безъ помощи жолнѣровъ. И въ Лисянкѣ, и въ Умани, и въ Бѣлой Церкви, и въ Каневѣ—повсюду сами обыватели, поляки и жиды, ведутъ защиту да еще кой-когда народныя милиціи, которыя вообще представляли для пановъ малонадежный элементъ, о жолнѣрахъ же упоминаній нѣтъ. Волей неволей поэтому польскому правительству оставалось обратиться за помощью къ русскимъ войскамъ, пребывавшимъ въ краѣ для подавленія барской конфедераціи и поддержанія требованій русской дипломатіи въ Варшавѣ.

Только послѣ того, какъ главное дѣло при подавленіи бунта было сдѣлано для поляковъ генераломъ Кречетниковымъ, полковникомъ Протасьевымъ и другими русскими офицерами,—только послѣ этого показываются на свѣтъ божій польскіе подъ-

[1]) Kitowicz. Opys obyczajow i zwyczajow. T. II, стр. 74—84.

язды и становятся опасными для обезсилѣвшаго гайдамачества, но и въ это время, при сколько-нибудь значительной численности ватаги, польскіе отряды обнаруживаютъ всѣ слабыя стороны своей организаціи.

Въ Кодненской книгѣ[1]) есть слѣдствіе объ отступленіи подъязда, отправленнаго на Побережье (такъ называлась юго-западная часть нынѣшней подольской губ., прилегающая къ Днѣстру, внизъ, начиная съ уѣзда могилевскаго) противъ гайдамацкихъ отрядовъ, все еще бродившихъ по краю, хотя главныя силы ихъ и было уже уничтожены русскими войсками. Подъяздъ былъ подъ командой Каминскаго, товарища хоругви панцырной. Каминскій, выйдши изъ Троянова, гдѣ помѣщалась главная квартира войска короннаго партіи украинской и подольской, провелъ свой отрядъ на Побережье къ мѣстечку Бершадѣ и вблизи этого мѣстечка въ селѣ Вербки узналъ отъ людей, что семь гайдамакъ съ возами почуютъ близъ ихъ села. Тотчасъ же распорядился онъ отправить нѣсколькихъ человѣкъ изъ своей команды для захвата этихъ гайдамакъ, что и было, въ виду малочисленности послѣднихъ, исполнено безпрепятственно. Всѣ семь гайдамакъ съ двумя возами были приведены къ Каминскому. Отъ нихъ при распросахъ онъ узналъ, что невдалекѣ стоитъ болѣе значительная гайдамацкая ватага, человѣкъ въ полтараста, и что они сами—только отрядъ этой ватаги. Каминскій при этомъ извѣстіи снялся съ своею хоругвью съ мѣста и прошелъ, не бросая арестованныхъ гайдамакъ и ихъ обоза, въ с. Билый Камень. Туда онъ прибылъ днемъ, часовъ въ 12, и не успѣлъ онъ тамъ остановиться, какъ напали на него гайдамаки, несясь на польскій отрядъ съ страшнымъ крикомъ. Для спасенія своего жолнѣры попрятались въ крестьянскія хаты и изъ нихъ отстрѣливались. Длилось такое положеніе чуть не до захода солнца, пока нападающіе не зажгли хатъ, въ которыхъ засѣли поляки, и сосѣдняго гумна. Весь отрядъ, въ виду численности гайдамакъ, по плану Каминскаго, долженъ былъ отступить къ селу Пятковкѣ. На пути туда была гребля, и Каминскій при отступленіи счелъ нужнымъ воспользоваться ею

[1]) Кодн. кн. стр. 501—513.

для отстрѣливанія отъ непріятеля, пока это было возможно. Но „gdy mnie—приводимъ собственныя слова командира Камінскаго—nieprzyiaceli nacisneli mocno żem się iuż utrczymac nie mogl, umyslilem porządną uczynic reytaradę, i jaka przynależy żolnierzowi, ale gdy zabaczili moiey komędy ludzie wielką liczbe haidomakow wstrzimac onych nie moglem, wzieli się do rospruszki...“. Паническій страхъ напалъ однако не на всѣхъ, бывшихъ въ хоругви: по утвержденію Камінскаго, и онъ самъ, и нѣкоторые изъ товарищей и шереговыхъ, отступая, все же отстрѣливались и давали отпоръ гайдамакамъ. Бѣжавшихъ было, впрочемъ, не мало; впереди всѣхъ были: бывшій стражникъ товарищъ Загоровскій, капралъ Павловскій и шереговый Маковскій. Замѣтя бѣгство Загоровскаго, командиръ Камінскій послалъ къ нему шереговаго Дудкевича съ приказомъ вернуться на помощь, ему, командиру, и вернуть своихъ подначальныхъ шереговыхъ. Загоровскій же, по его собственнымъ показаніямъ, напрасно передавалъ приказъ командира бѣжавшимъ жолнѣрамъ: всѣ они, не оборачиваясь въ его сторону, бѣжали на гору къ с. Пятковкѣ. Самъ же онъ, Загоровскій, потому де не вернулся, что считалъ дѣло вовсе потеряннымъ и думалъ, что самаго командира нѣтъ уже въ живыхъ. Интересно, что и Дудкевичъ, привезшій приказаніе Камінскаго вернуться, самъ присталъ къ бѣжавшимъ, такъ что командиръ его увидѣлъ только въ Пятковкѣ. Загоровскій скакалъ на конѣ такъ поспѣшно, что потерялъ даже свое копье и ни разу не выстрѣлилъ изъ ружья; трусость свою онъ напрасно выгораживалъ тѣмъ, что копье будто бы потерялъ не онъ самъ, а его слуга, и напрасно силился увѣрить, будто не стрѣлялъ онъ потому, что непріятель не приближался къ нему ни разу на разстояніе выстрѣла. Когда же Загоровскій, убѣгая, замѣтилъ товарища Игнатовскаго, мимо котораго онъ ѣхалъ, то прокричалъ, что не можетъ сдержать перепуганнаго коня и потому по неволѣ бѣжитъ. Другой храбрецъ, шереговый Марковскій, убѣгая, не имѣлъ ни карабина, ни сабли, а гдѣ дѣлъ онъ все это—неизвѣстно. Капралъ Мацей Павловскій, бѣжавшій съ Загоровскимъ, утверждалъ, что приказа вернуться Загоровскій ему не передалъ; когда же ему на слѣдствіи напомнили, что онъ самъ не-

посредственно слышалъ переданное Дудкевичемъ приказаніе и что, какъ не подначальный Загоровскому, могъ бы самъ остановить бѣгущихъ и по крайней мѣрѣ лично вернуться къ Каминскому, то капралъ на все это ничего не отвѣтилъ.

Въ томъ, какъ себя держали въ это время и нѣкоторые другіе товарищи и шереговые, тоже лестнаго мало для жолнѣрской храбрости. Во всѣхъ почти показаніяхъ фигурируютъ бурьяны, среди которыхъ прятались опѣшившіе паны товарищи и ихъ слуги. Въ виду этихъ бурьяновъ сомнительными храбрецами представляются и тѣ „товарищи“, которые въ показаніяхъ своихъ выставляютъ себя таковыми. Невольно какъ-то въ разсказываемомъ ими усматриваешь какъ разъ обратное ихъ утвержденію, и серьезныя показанія дѣлаются комичными. Особенно интересны въ этомъ отношеніи росказни Васильковскаго, одного изъ „товарищей“, бывшихъ въ дѣлѣ. Онъ, по его показаніямъ, былъ раненъ „w krzyża“ еще до переправы черезъ греблю, тѣмъ не менѣе продолжалъ де драться и на греблѣ. Когда же тутъ его снова ранили въ руку, то его задержалъ гайдамака, у котораго онъ, Васильковскій, передъ тѣмъ вырвалъ ратище и котораго онъ самъ было задержалъ. Случилась же эта чудесная перемѣна ролей между паномъ Васильковскимъ и гайдамакой только благодаря тому, что гайдамака какимъ то невѣдомымъ образомъ умудрился убѣжать отъ пана, добыть себѣ копье, „nie wiedziec jakim sposobem porzucano“ паномъ Загоровскимъ, и копьемъ этимъ поколоть въ плечи пана Васильковскаго. Панъ Васильковскій при этомъ будто бы оберпулся къ нападающему, схватился за его копье (zlapalem mu za spise), и они вступили въ рукопашную (porwalismy się za barki). Между тѣмъ подошли другіе гайдамаки. Они хотѣли пана Васильковскаго заколоть, но до этого не допустилъ превратившійся неожиданно въ полнаго доброжелателя недавній противникъ его. Гайдамаки тогда прослѣдовали за бѣгущими, оставивъ Васильковскаго съ его гайдамакой. Этотъ же послѣдній ограничился тѣмъ, что ободралъ пана и затѣмъ велѣлъ ему спрятаться въ бурьянъ, что онъ, панъ, и исполнилъ. Въ показаніяхъ это сообщеніе звучитъ такъ: „ten mnie obdarszy roskasal mi się zachowac w burian, com uczynil“

Ночью только панъ Васильковскій выбрался изъ своего убѣжища и, нанявъ въ Пятковкѣ подводу, направился къ м. Бершадѣ, гдѣ собрался весь разбитый отрядъ.

Самъ панъ командиръ, или комендантъ, какъ его величаетъ панъ документъ, панъ Камінскій, по его показаніямъ, несмотря на бѣгство многихъ изъ его отряда, оставался еще на греблѣ, давая отпоръ гайдамакамъ, и двинулся за бѣжавшими по направленію къ с. Пятковкѣ не прежде, какъ отступили гайдамаки. Но иную картину встрѣчаемъ мы въ показаніяхъ шереговаго Витвицкаго. Витвицкаго этого во время атаки гайдамаки сильно де покололи, и онъ уже за греблей упалъ съ коня, который убѣжалъ. Лежа на землѣ и не имѣя силъ встать, Витвицкій видѣлъ, какъ мимо него въ Пятковкѣ на гору неслись отъ гребли „товарищи“ и „шереговые“. Минулъ его и панъ комендантъ Камінскій, „za ktorym haidamaci gonili“. Выходитъ, стало быть, что Камінскій отступленія гайдамакъ отъ гребли не дождался и самъ долженъ былъ послѣдовать примѣру Загоровскаго, Павловскаго и др. Шереговый Витвицкій обезсиленъ былъ, очевидно, не долго. Онъ почувствовалъ необходимость отъ несшихся мимо него гайдамакъ спрятаться опять таки въ тотъ же классическій бурьянъ и перебыть тамъ до ночи, ночью же онъ смогъ дойти до Пятковки и оттуда на подводѣ доѣхать въ Бершаду. Все дѣло представлялось Витвицкому очень жаркимъ. По его словамъ, только въ быстротѣ конскихъ ногъ заключалось спасеніе жолнѣровъ въ пятковской стычкѣ. „Kto mial konia zlego— ten zabity zostal“, и „ten byl na przendzie y bez razu zostal, kto mial konia dobrego“.

Дѣйствительно, было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, но неуязвленныхъ изъ числа бывшихъ въ отрядѣ было больше. Всѣ они собрались въ концѣ концовъ въ Пятковкѣ, а оттуда уже вмѣстѣ съ догнавшимъ ихъ „комендантомъ“ двинулись въ Бершади. Въ это же мѣстечко на отдѣльныхъ подводахъ прибыли отставшіе раненые, скрывавшіеся въ бурьянахъ въ моментъ гайдамацкой погони. Въ Бершадѣ, по словамъ Васильковскаго, „komęda sie ulokowala goiąc się“.

Слишкомъ очевидно изъ всего этого дѣла, что между жолнѣрами господствовала полная роспущенность, что въ нихъ не

было никакого сознанія своихъ обязанностей по отношенію къ соотчичамъ, и что храбрость въ нихъ могла бы быть вызвана только личною опасностью, да и то при условіи, что отъ опасности этой бѣгствомъ нельзя бы было избавиться. Между тѣмъ положеніе ихъ собратій, не успѣвшихъ убѣжать изъ края, было подчасъ поистинѣ отчаянное, и немного нужно бы было польскому солдату патріотическаго сознанія для того, чтобы энергично приняться за ихъ защиту, тѣмъ больше, что вообще поляки, внѣ условій деморализаціи, не трусливы. Въ подтвержденіе и ихъ подчасъ отчаянной храбрости и той бѣды, какую терпѣли паны въ это время, можемъ сослаться, въ дополненіе къ пересказанному раньше, на одинъ изъ эпизодовъ этого возстанія—на нападеніе отряда гайдамакъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ на село Ризану Крыницю возлѣ Умани [1]). Ватага эта отдѣлилась отъ Желѣзняка, направлявшагося къ Умани, и была однимъ изъ многихъ загоновъ, ведшихъ партизанскую войну. При ея нападеніи—въ Ризаной Крыницы оставались: шляхтичъ Янковскій, его братъ, шляхтичъ Гусаковскій и другіе. Женщины ихъ, дѣти и старики попрятались по житамъ близъ села, а три названныя лица засѣли въ хатахъ и оттуда мѣтко стрѣляли по своимъ врагамъ. Многихъ они убили и ранили, убили и того крестьянина, который по порученію гайдамакъ привезъ соломы къ хатамъ для поджога. Но пожаръ заставилъ ихъ оставить мѣсто своей засады: Янковскій былъ убитъ тутъ же, братъ его погибъ въ пламени, а Гусаковскаго схватили, вывели за село и тамъ убили. На другой день не принимавшіе участія въ этомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ крестьянъ Ризаной Крыницы нашли въ житахъ убитыхъ пановъ—Кондрацкаго, жену и дочь Гусаковскаго. Оставшіеся въ живыхъ изъ спрятавшихся, по уходѣ гайдамакъ, вернулись въ село, но на ихъ несчастіе туда подоспѣлъ новый гайдамацкій загонъ изъ 5 человѣкъ съ ватажкомъ изъ села Буки, потомъ повѣшеннымъ. Немедленно были найдены вернувшіяся въ село пани Бачинская и Кондрацкая, послѣдняя съ дѣтьми, и безжалостно убиты. Только дѣти Бачинской, дочь и

---

[1]) Кодн. кн., стр. 93—94.

сынъ, убѣжали къ крестьянину Ивану Шевцу и имъ были спасены отъ смерти.

И вотъ при такихъ то бѣдахъ польскаго населенія края— польскіе жолнѣры не проявляли почти никакой дѣятельности! Между тѣмъ жолнѣры эти были сами и поляки, и католики и не могли, подобно украинскимъ крестьянамъ, возмущаться тѣми несправедливостями, какія чинили польскіе паны-католики, пользуясь защитой законовъ Рѣчи Посполитой, по отношенію къ русскому населенію края. Подвергавшіеся опасностямъ паны были для жолнѣровъ только страдающіе собратья и защищать ихъ они были обязаны, но этого то и не было, и не было въ силу поголовной распущенности, царившей въ польскомъ войскѣ.

Всѣ столь существенные недостатки „украинская партія“ проявляла во время завѣдыванія ею регимментаря Воронича. Подъ конецъ движенія онъ подъ предлогомъ болѣзни и вовсе удалился отъ дѣлъ, уѣхавъ въ свое помѣстье [1]). Для поправленія дѣлъ король отправилъ на Украину короннаго гетмана Браницкаго съ королевскими полками и литовской гвардіей. Тогда же впервые явился на Украину панъ Стемпковскій, числившійся комендантомъ хоругви, состоявшей изъ польскихъ рекрутъ; противъ украинскихъ бунтовщиковъ Стемпковскій велъ гусарскія и панцырныя хоругви, въ которыхъ въ общей сложности было не больше 400 душъ. Появились однако эти силы въ Украинѣ уже послѣ разгрома гайдамакъ Желѣзняка ген.-маіоромъ Кречетниковымъ и поручикомъ Гурьевымъ [2]). Крупныхъ военныхъ дѣйствій въ это время уже не предвидѣлось: противъ гайдамакъ, еще ютившихся въ краѣ и продолжавшихъ свои нападенія, достаточны были такія военныя силы, какъ силы небольшихъ подъяздовъ, вродѣ подъѣзда пана коменданта Камінскаго, о которомъ шла рѣчь выше. Настало время не войны съ возставшими, а суда надъ ними. Коронный гетманъ Браницкій предоставилъ тогда это дѣло суда надъ гайдамаками Стемпковскому, получившему въ то же время назначеніе отъ короля быть регимента-

---

[1]) Скальковскій. Haѣзды гайдамакъ, стр. 123.

[2]) Adam Moszczynski. Pamiętnik do historyi polskiej, стр. 148.

ремъ украинской партіи вмѣсто удалившагося на покой Воронича. Самъ же Брапицкій долженъ былъ, соединясь съ генераломъ Кречетниковымъ, идти атаковать барскихъ конфедератовъ, которые были заперты въ Барѣ и между которыми шли пелады [1]).

При Брапицкомъ совершена была по его приговору только казнь четвертованія надъ Гонтой и то не въ Умани, а въ с. Сербахъ, близъ пограничнаго города Могилева. По мнѣнію Брапицкаго, пролить кровь Гонты тамъ, гдѣ пролилась кровь невинныхъ жертвъ его неистовства было бы унизительно для послѣднихъ [2]).

При Брапицкомъ же былъ совершенъ между поляками и русскими раздѣлъ плѣнныхъ гайдамакъ. Всѣ гайдамаки, состоявшіе подданными Рѣчи Посполитой, должны были подлежать суду польскаго правительства, всѣ же изъ гетманщины, Слободской Украины и Запорожья—суду русскаго правительства. По словамъ автора „Rzezi humanskiey“ [3]), Брапицкій послѣ этого раздѣла отправилъ будто бы во Львовъ 800 плѣнныхъ, въ Броды 500, въ Винницу 300 и по извѣстному числу въ другіе города. По словамъ автора мемуара, всѣхъ плѣнныхъ было нѣсколько тысячъ, причемъ будто бы запорожцевъ было 1500 человѣкъ. Преувеличенность этихъ чиселъ, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. По утвержденію Тучапскаго, напало на Умань съ Желѣзнякомъ 500 гайдамакъ да 700 козаковъ Гонты [4]). Кромѣ того, есть и другое утвержденіе, по которому опять таки подъ Уманью было не нѣсколько десятковъ тысячъ возставшихъ, а всего только 2000 [5]). Изъ всего же этого, конечно, ясно, что Брапицкій не могъ разослать столько плѣнныхъ по разнымъ городамъ, сколько было показано отмѣченнымъ выше мемуаристомъ, скрывшимъ свое имя. Наконецъ есть и прямое утвержденіе г. Скальковскаго на

---

[1]) Adam Moszczynski. Pamiętnik, стр. 152.

[2]) Bunt hajdamakow. Rzez humanska, стр. 114 (изд. Рачинскаго, заключ. въ себѣ мемуары трехъ лицъ).

[3]) Ibidem, стр. 114.

[4]) Bunt haidamakow na Ukrainie. Изд. Рачинскаго, третій мемуаръ, стр. 126. и 127. Въ „Набѣгахъ гайдамакъ“ Скальковскаго приведенъ тотъ же мемуаръ, стр. 213. и 214.

[5]) Скальковскій. Набѣги гайдамакъ, стр. 107.

основаніи данныхъ сѣчеваго архива [1]), что Кречетниковымъ подъ Уманью было схвачено 887 человѣкъ гайдамакъ и 150 запорожцевъ. Считая это послѣднее утвержденіе, какъ основанное на документальныхъ данныхъ, болѣе достовѣрнымъ, нельзя не отнестись скептически и къ увѣренію Вероники Кребсъ (мемуаръ которой при всѣхъ своихъ достоинствахъ заключаетъ въ себѣ и много невѣрностей и неточностей)—будто Стемпковскій изъ подъ Умани для суда увелъ къ Могилеву 2000 человѣкъ [2]). Относительно плѣненныхъ тогда гайдамакъ и ихъ разсылки для казней изъ Умани у Кребсъ есть впрочемъ и одно, очевидно, вѣрное заявленіе, что Стемпковскій увелъ всѣхъ плѣнныхъ гайдамакъ изъ Умани потому, что у него было всего 400 человѣкъ кавалеріи, и онъ боялся крестьянъ, въ рукахъ которыхъ было еще много оружія и которые въ одну минуту могли бы собраться въ большомъ числѣ для освобожденія арестованныхъ [3]). Заявленіе это тѣмъ вѣроятнѣе, что и Браницкій, и Кречетниковъ въ это время уже удалились съ своими войсками къ Бару, имѣя въ виду осадить конфедератовъ.

Каково же было отношеніе польскаго правительства къ плѣннымъ гайдамакамъ на судѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ и у польскихъ мемуаристовъ, и въ документахъ Кодненской книги. Нельзя при этомъ не замѣтить, что матеріалъ о судѣ надъ гайдамаками недостаточно уясненъ, тѣмъ больше, что показанія мемуаристовъ не отличаются пунктуальной опредѣленностью. Тотъ же фактическій матеріалъ, который намъ удалось извлечь изъ Кодненской книги, къ сожалѣнію не совсѣмъ удобно ставить въ одну параллель съ показаніями о томъ же мемуаристовъ, такъ какъ послѣдніе въ большинствѣ случаевъ говорятъ о судѣ надъ гайдамаками тотчасъ по ихъ усмиреніи, Кодненская же книга наша даетъ судебные разборы дѣлъ въ 1769 и даже въ 1770 г. Конечно, спустя годъ—полтора послѣ разгрома гайдамакъ у судей могло быть нѣсколько иное отношеніе

---

[1]) Ibidem, примѣч. на стр. 112 и стр. 109 текста.

[2]) Уманская рѣзня. Записки В. Кребсъ. Изд. г. Рены, стр. 31.

[3]) Тамъ же, стр. 28, 31.

къ судимымъ, чѣмъ тотчасъ же послѣ разгрома. Остается поэтому группировать весь матеріалъ именно соотвѣтственно источникамъ, изъ которыхъ приходится черпать его, и по времени, когда производился разборъ дѣлъ.

Выше мы уже сказали, что тотчасъ же послѣ уманской расправы Кречетникова коронный гетманъ Браницкій передалъ регименгарю украинской партіи Стемпковскому право суда надъ плѣнными гайдамаками. Желчный, обозленный Стемпковскій немедленно послѣ этого приступилъ къ дѣлу. Мемуаристъ Липпоманъ такъ передаетъ о его дѣятельности: „регименгарь Стемпковскій, впослѣдствіи воевода кіевскій (?), прійдя съ своею командою въ Лисянку приказалъ повѣсить шестьдесятъ крестьянъ безъ всякаго соблюденія какихъ бы то не было юридическихъ формъ. Далѣе разосланные по селамъ и малымъ мѣстечкамъ отряды русскаго и польскаго войска повсюду вывѣдывали о причастныхъ къ бунту крестьянахъ, брали ихъ и высылали въ разныя мѣста, а больше всего въ мѣстечко Кодню близъ Житоміра, гдѣ помѣщалась войсковая команда. Тамъ же надъ выкопанной глубокой ямой каждому изъ схваченныхъ, привязанному къ колодѣ, положенной на краю ямы, палачъ топоромъ отсѣкалъ голову и затѣмъ и голову, и тѣло бросалъ въ яму. По наполненіи одной ямы, выкапывали другую. Такимъ путемъ лишено было жизни великое множество крестьянъ. Могли тамъ пасть и невинныя жертвы, подговоренныя къ бунту злостнымъ сбродомъ. Гибель невинныхъ была возможна, такъ какъ было достаточно малѣйшаго предлога къ обвиненію въ причастности къ бунту въ той или иной формѣ“ [1]). Неизвѣстный авторъ другого мемуара—Rzeź humanska, изд. Рачинскимъ въ Познани, такъ объясняетъ образъ дѣйствій Стемпковскаго: „...послѣ того, какъ Стемпковскій насмотрѣлся на экзекуцію надъ Гонтой, онъ сказалъ: „не онъ одинъ вызвалъ бѣду, не онъ одинъ долженъ поэтому и погибнуть“—и началъ ужасный розыскъ“ [2]). Тучапскій также въ своемъ мемуарѣ отмѣчаетъ суровость суда

[1]) Lippomann. Bunt haidamakow (изд. Рачинскаго), стр. 49.

[2]) Тоже изд. Рачинскаго. Второй мемуаръ, стр. 116.

Стемпковскаго: „губили и наказывали тогда гайдамакъ разными способами: то рубили головы, то вѣшали, то лишали одной руки и одной ноги, то драли розгами. Свидѣтелями этихъ наказаній были Каменецъ, Львовъ—тамъ повѣшено 200 гультаевъ,—Кременецъ, Винница, Житоміръ, Летичевъ и иные города, въ которыхъ по 7, 5, 8 гультаевъ было лишено жизни“ [1]). „Нѣкоторыхъ даже, читаемъ еще въ „Наѣздахъ гайдамакъ“ г. Скальковскаго, мучили слишкомъ изысканнымъ образомъ, достойнымъ дикарей американскихъ. У несчастныхъ, обѣ руки обвязавъ паклею, напитанною дегтемъ, зажигали и такъ водили ихъ по селамъ и мѣстечкамъ. Многіе старики, жители западной Россіи, помнятъ еще (г. Скальковскій писалъ свою книгу въ 1845 г.), что въ молодости видѣли такихъ несчастныхъ изувѣченныхъ въ глубокой уже старости, которые, сидя у церквей или на большихъ дорогахъ, просили милостыни. Народъ не отказывалъ имъ въ подаяніи, и на вопросъ любопытныхъ: „что это за люди?“ отвѣчали: „не пытайте—то люде бували“ [2]).

Къ несомнѣнному звѣрству лично Стемпковскаго изъ всѣхъ ужасовъ, отмѣченныхъ мемуаристами надо однако прежде всего отнести только крайнюю поспѣшность при раздаваніи смертей и невыполненіе юридическихъ формъ,—вслѣдствіе чего, конечно, могли быть тяжелыя ошибки. Оправдывать его, хотя бы отчасти, именно въ этомъ тѣмъ, что судъ его и бывшей при немъ коммиссіи былъ судъ военный, нельзя: судъ его былъ скорѣе всякаго возможнаго военнаго суда. Но затѣмъ, быть можетъ, не мѣшаетъ при уясненіи себѣ жестокостей казней надъ гайдамаками вспомнить и мирныя законы того времени, тѣ статьи литовскаго статута, подъ которыя могли бы быть подводимы преступленія гайдамакъ.

Прежде всего возьмемъ въ разсчетъ статьи, относящіяся къ государственнымъ преступленіямъ... Оказывается, что всякій, дѣйствовавшій во вредъ государю или государству, путемъ ли вспомоществованія непріятелю, или инымъ какимъ образомъ, подлежалъ четвертованію. Затѣмъ къ этому непосредственно добав-

---

[1]) Тоже изд. Рачин. Третій мемуаръ Тучапскаго, стр. 143.

[2]) Скальковскій. Наѣзды гайдамакъ, стр. 125.

лено: „равной и тѣ подлежатъ казни, кои таковому преступнику совѣтомъ либо какимъ нибудь дѣломъ вспомоществуютъ или, заподлинно о томъ вѣдая, не донесутъ“. Положенія эти находимъ мы въ литовскомъ статутѣ въ раздѣлѣ 1, артикулѣ 3, параграфѣ 3.

Не трудно видѣть, что всѣ крестьяне, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, и всѣ имъ близкіе, знавшіе о ихъ участіи въ бунтѣ, но не донесшіе о томъ, по закону должны были подвергнуться четвертованію. Если же даже Стемпковскій не ко всѣмъ примѣнялъ именно этотъ родъ казни, то только по недостатку палачей и времени, ибо четвертованіе—казнь наиболѣе длительная.

Далѣе, относительно пособничества бунтовщикамъ всегда съ успѣхомъ могла быть примѣняема статья 3-го раздѣла, артикула 48-го, гдѣ рѣчь идетъ о недоставленіи врагу государства „воинскаго оружія, такожъ желѣза, стрѣлъ, пороху, селитры, свинцу и другихъ военныхъ и кормовыхъ для людей и скота припасовъ“, а также ничего другаго, „изъ чего бы тое дѣлать дерзнулъ, того смертью — усѣченіемъ головы—казнить, а таковыя оружія и припасы и всѣ его пожитки взять въ казну“.

Несомнѣнно, конечно, что и по этой статьѣ въ числѣ жертвъ Стемпковскаго должно было быть не мало „sciątych“.

Смертной же казни черезъ повѣшеніе подлежали, по §§ 1 и 2 артикула 7, раздѣла 14 и воры, на воровствѣ пойманные съ поличнымъ или безъ поличнаго, „если покража явится цѣною выше 20 рублей“ [1]). При похищеніи же на сумму менѣе 20 рублей и при неоднократномъ повтореніи такихъ кражъ даннымъ лицомъ наказывали публично у столпа розгами или плетьми и урѣзывали уха.

Въ раздѣлѣ же 11, артикулѣ тоже 11, сказано и о пособникахъ ворамъ. „Кто бы, читаемъ въ означенной статьѣ, вору помоществовалъ... либо у себя краденныя вещи передерживалъ, продавалъ или бы оными съ ворами дѣлился... тотъ таковой же винѣ и казни, какъ и самъ воръ, подлежать будетъ безъ всякаго послабленія.

---

[1]) Рубль л. литовскаго статута по послѣдованію Чацкаго=35 польскимъ злотымъ и $21^{24}/_{30}$ грошамъ или 5 р. 36 к. на наши деньги Теличенко. Очерки кодиф. малор. пр. „Кіев Стар.“, 1888 г., книга 10-я.

Опять ясно, что и эти статьи закона о ворахъ при желаніи унизить политическаго врага могли быть безъ затрудненія примѣняемы къ судившимся въ Кодненской коммиссіи бунтовщикамъ.

Страшныя наказанія по статуту полагались и за убійства, поранепія, нанесеніе побоевъ, особенно помѣщикамъ.

За убійство посполитымъ владѣльца своего или вообще шляхтича полагалось четвертованіе, за поранепіе—отсѣченіе головы, за нанесеніе удара или просто за угрозу—отнятіе руки (Статутъ, раздѣлъ 11, арт. 9; разд. 11, арт. 29, § 1 и арт. 49, § 1).

По отношенію къ возставшимъ коліямъ статья эта болѣе, чѣмъ предъидущія могла быть примѣняема безъ натяжекъ.

Указавъ такимъ образомъ, что Стемпковскій для оправданія своей жестокости по отношенію къ отданнымъ въ его руки людямъ могъ бы во многихъ случаяхъ сослаться на законъ, мы вовсе однако не имѣемъ въ виду выставлять его человѣкомъ закона. Нѣтъ, Стемпковскій и его коммиссія, конечно, не иначе отнеслись бы къ выпавшему на ихъ долю суду, какъ отнеслись они въ дѣйствительности, и въ томъ случаѣ, если бы законъ не отвѣчалъ ихъ жестокимъ хотѣніямъ. Расправа была бы таже и и при болѣе мягкомъ законѣ, только дѣйствіе закона должно бы было быть пріостановлено.

Переходимъ къ даннымъ о судѣ, доставляемымъ намъ Кодненской книгой. О массовыхъ истребленіяхъ гайдамакъ къ книгѣ этой почти нѣтъ упоминаній, вѣроятно, потому, какъ мы уже сказали, что она заключаетъ въ себѣ разборъ дѣлъ уже въ 1769, 1770 и 1771 годахъ, когда первое ожесточеніе поляковъ прошло. Въ одномъ только документѣ есть указаніе на то, что въ Шаградѣ производилась экзекуція четвертованія надъ 25 гайдамаками изъ Ружина и Каменоватой [1]). Но если нѣтъ въ нашей Кодненской книгѣ упоминаній болѣе частыхъ о массовыхъ истребленіяхъ возставшихъ, то зато довольно отдѣльныхъ казней. Изъ 336 дѣлъ 218 окончилось лишеніемъ жизни подсудимыхъ, 34—сѣченіемъ и только 84 освобожденіемъ. Освобожденныхъ судомъ считать избѣгшими наказанія впрочемъ нельзя: они, во-

[1]) Кодн. кн., стр. 591.

первыхъ, до суда долго бывали содержимы въ предварительномъ заключеніи на мѣстѣ ли ихъ поимки или уже въ кодненской ямѣ, а во-вторыхъ, при допросѣ, для вящшаго выясненія дѣла, кодненская коммиссія нерѣдко прибѣгала къ первой степени пытки — битью плетью. Изъ дѣлъ, кончившихся уродованіемъ подсудимыхъ, въ кодненскихъ документахъ только одно: нѣкто Стефанъ Мысловскій за убійство осадчаго Нагурнаго, виновника смерти родственницы его, а также за убійство четырехъ жидовъ былъ наказанъ отсѣченіемъ руки и ноги [1]). Изъ 218 казненныхъ 9 четвертовано, 151 обезглавленъ, 57 повѣшено и 1 посаженъ на колъ.

Къ четвертованію въ Кодиѣ, какъ видимъ, прибѣгали сравнительно рѣдко въ виду продолжительности этой казни и недостатка въ палачахъ. Къ ней прибѣгали только въ исключительныхъ случаяхъ. Четвертованы были, во-первыхъ, нѣкоторые изъ запорожцевъ, почему то подпавшіе польскому суду, во-вторыхъ — ватажки гайдамацкихъ загоновъ, попавшіеся въ руки, и въ-третьихъ, крестьяне, обнаружившіе большую свирѣпость въ періодъ избіенія шляхты тѣмъ, что выдавали ихъ на смерть и лично убивали часто послѣ того, какъ имъ было куплено себѣ у данныхъ людей повидимому безопасное убѣжище.

Изъ запорожцевъ четвертованію подверглись бывшіе въ загонѣ Савки Плыхаенка—Ѳеодоръ Базарный, Левко Малый, Климъ Билый [2]). Изъ ватажковъ же гайдамацкихъ загоновъ четвертованію подверглись Степанъ Головацкій, дѣйствовавшій съ своимъ загономъ близъ Шполы [3]) и Савка Плыхаенко, имѣвшій небольшой отрядъ изъ запорожцевъ, изъ которыхъ трое выше названы, и дѣйствовавшій близъ Бѣлой Церкви [4]). Другіе ватажки, какъ знаемъ, не попадали на судъ въ Кодню. За выдачу и убійство шляхтичей, купившихъ себѣ золотомъ убѣжище, четвертованы Якимъ Зарудный, Герасимъ, Кирило Романюкъ [5]).

---

[1]) Кодн. кн., стр. 523.
[2]) Кодн. кн., стр. 482.
[3]) Кодн. кн., стр. 539.
[4]) Ibidem., стр. 482.
[5]) Ibidem, стр. 482.

Подъ отмѣченныя выше категоріи не подходитъ одинъ—это Роговскій, бывшій жолнѣръ, участвовавшій въ убійствѣ на дорогѣ какого-то шляхтича [1]). Наконецъ, не менѣе жестокой казни, чѣмъ четвертованіе—посаженію на колъ, подвергся много разъ нами упоминавшійся шляхетскій ренегатъ Николай Чоповскій, бывшій въ наиболѣе дисциплинированной, идейной, гайдамацкой ватагѣ Семена Неживаго [2]).

Изъ дѣлъ, не всегда оканчивавшихся смертной казнью, особенно рѣзко обнаруживаютъ жестокость судившихъ въ Кодиѣ дѣла о преслѣдованіи крестьянъ, у которыхъ находили что бы то ни было изъ награбленнаго при возстаніи 1768 года. Крестьянъ такихъ обыкновенно наказывали плетьми послѣ долгаго держанія въ предварительномъ заключеніи, а иногда даже смертію чрезъ снятіе головы или повѣшеніе [3]). Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обладаніе награбленными вещами могло означать соучастіе въ бунтѣ, но вѣдь обрѣтеніе награбленнаго могло во многихъ случаяхъ производиться при полномъ невѣдѣніи, что обрѣтается добытое нелегальнымъ путемъ; притомъ же мы уже знаемъ, что послѣ грабежей ватаги нерѣдко распродавали все добытое особымъ купцамъ, которые за ними слѣдовали [4]); легко могло поэтому случиться, что попадало затѣмъ награбленное отъ этихъ купцовъ къ людямъ, ни въ чемъ неповинным, путемъ простой купли.

Не мало терпѣли отъ жестокости кодненскаго суда и родственники нерозысканныхъ коліевъ. Отца, дядю, отчима брали нерѣдко взамѣнъ исчезнувшаго за границу сына, племянника, пасынка [5]). Ихъ не всегда наказывали по суду, но самое сидѣніе въ кодненской ямѣ въ предварительномъ заключеніи стоило многаго.

Вообще въ судебномъ процессѣ той ужасной поры поражаетъ полное невниманіе къ отсутствію какихъ бы то ни было

---

[1]) Ibidem, 493.

[2]) Ibidem, 482.

[3]) Ibidem, 447. Дѣло Савки Малаго.

[4]) См. настоящую статью гл. I.

[5]) Кодн. кн., стр. 452.

доказательствъ преступности судимыхъ. Такъ, Мартынъ Швецъ изъ Теплина Уманскаго при дознаніи оказался виновнымъ въ кражѣ вещей и въ конокрадствѣ, между тѣмъ его приговорили къ обезглавленію—за гайдамачество. Мотивомъ для такого осужденія послужило такого рода умозаключеніе кодненскихъ судей: „Martyn Szwiec przez zwerchnost dworska tu w sekwestr odeslany zostal, to iuż nie bez racyi haidamacstwa“ [1]). Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ, положимъ, дѣло съ лицомъ, уличеннымъ въ кражѣ на сумму свыше 20 р., и поэтому одѣлить его въ Коднѣ смертнымъ приговоромъ могли и не по политическому мотиву. Что же, кромѣ политическаго мотива, могло играть роль при осужденіи на смерть черезъ повѣшеніе Панаса Галайковскаго изъ Соколовки, который на судѣ рѣшительно ни въ чемъ виноватымъ не оказался? Политическая преступность этого лица была для судей достаточно доказана тѣмъ только „że (Galaikowsky) przez Ip. Żebrowskiego przysłany“ [2]). Наконецъ не лишеннымъ интереса для уясненія польскаго легкомыслія на судѣ представляется и слѣдующій случай. Жена крестьянина Петра Носенка, жителя уманскаго, донесла на мужа—будто онъ ее хотѣлъ убить. Этого было достаточно, чтобы коммиссія заподозрила Носенка—и въ гайдамачествѣ. Когда же у Носенка при раздѣваніи его оказался поколотый пупъ, то подозрѣніе готово было обратиться въ увѣренность. Но Носенко энергично сталъ утверждать, что жену свою онъ только побилъ и вовсе не грозилъ ей смертію, и что рану подъ пупокъ нанесъ ему козакъ Ященко. Послѣ этого судьи ограничились наказаніемъ розгами, но все же выразили ему свое недовѣріе; ему было сказано: „nie od kozaka ty iestes podkłoty, ale od lacha, ktoregos ty tam pod czas ryzaniny kłuł, a może nie iednego, ale kolo sta — gdyż tam każdy kłuł, chyba ten nie kłuł, co by rąk nie mial, a ty się tu zapierasz“ [3]). Дальше, конечно, судебной подозрительности идти было некуда.

---

[1]) Кодн. кн., стр. 439.
[2]) Ibidem, стр. 491.
[3]) Ibidem, стр. 344.

При такомъ болѣе, чѣмъ строгомъ, примѣненіи жестокаго закона, конечно, изгибла цѣлая масса сперва плѣненныхъ съ оружіемъ, а потомъ просто беззащитныхъ крестьянъ, въ моментъ движенія двинувшихся было также на защиту своей жизни и вѣры отъ невыносимаго польско-уніатскаго гнета. Сколько именно было казнено Стемпковскимъ — сказать трудно. Кодинская книга наша, повторяемъ, не заключаетъ въ себѣ всѣхъ дѣлъ военно-судной коммиссіи и 218 человѣкъ казненныхъ, въ ней означенныхъ, есть только ничтожная часть. Но если даже и въ самомъ дѣлѣ погибло много отъ палачей, то все же не 30000, какъ утверждаетъ, напримѣръ, Адамъ Мощинскій [1]). Думаемъ, что, при слабой тогда населенности края, и всѣхъ возставшихъ, какъ въ ватагахъ, такъ и внѣ ихъ не было такого числа, какъ 30000. Тѣмъ не менѣе, если даже уменьшить число истребленныхъ поляками въ 5—6 разъ, то все же уничтоженіе такого количества людей является актомъ непониманія польскимъ правительствомъ существенныхъ интересовъ собственнаго государства. Даже съ точки зрѣнія наиболѣе потерпѣвшихъ отъ колієвъ шляхтичей-помѣщиковъ, за интересы которыхъ ратуетъ, напримѣръ, Адамъ Мощинскій, громадное количество казней было дѣломъ неблагоразумнымъ, ибо тѣмъ самымъ паны лишались нужныхъ имъ работниковъ. По мнѣнію Мощинскаго, лучше было поступить такъ, какъ поступилъ комендантъ львовскій, полковникъ Корытовскій. Этотъ послѣдній отданныхъ ему 60 молодыхъ, здоровыхъ, сильныхъ гайдамакъ не повѣсилъ, подобно другимъ комендантамъ и Стемпковскому, а оставилъ на своей фабрикѣ въ качествѣ рабочихъ: онъ „wymurował nimi pod owczas jedne z najpiękniejszych kamienic w rynku miasta Lwowa, trzymając ich w miejscu zdrowem i (конечно) bezpiecznem; karmił ich za to i odziewał, że mu służyli do fabryk, aż do czasu zabrania Lwowa przez Austryakow, gdzie w tenczas uwolnieni z aresztu, popowrocali do domow“ [2]). Раздумывая затѣмъ, какъ могло бы еще поступить польское правительство, Мощинскій продолжаетъ: „jeżeli

---

[1]) Adam Moszczynski. Pamiętnik, стр. 150.

([2] Ibidem, 149.

nie można było nasladowac pułkownika Korytowskiego, to należało przynajmniej, potraciwszy naczelnikow, decymowac tylko dla przykladu zwiedziony lud i nie gubic haniebnie młodzieży do 30 tysięcy (!) naizdrowszey i najdorodniejszej, zlem zgorszeniem i smutkiem, że nie było i katów do wieszania ich po miesteczkach, tylko jeden drugiego wieszał bez przygotowania religijnego na smierc [1]) Въ край, нуждавшемся въ населеніи, совершившаяся расправа была верхомъ неразумія, конечно, тѣмъ болѣе, что раньше 1768 г. даже такой неважный человѣкъ, какъ губернаторъ Млодановичъ, поставленный на свою должность Потоцкимъ, считалъ нужнымъ хотя бы только въ интересахъ своего патрона, мало помышляя о государствѣ, всячески увеличивать численность населенія во ввѣренной ему Украйнѣ, и одною изъ его мѣръ было возвращеніе къ мирному труду изловленныхъ имъ и осужденныхъ доминіальнымъ судомъ на смерть цѣлыхъ сотенъ гайдамакъ. Устраивалъ онъ это обыкновенно такъ по утвержденію мемуариста, скрывшаго свое имя: оглашалъ повсюду о лѣтахъ и винахъ заключенныхъ и приговоренныхъ къ смерти гайдамакъ; для осмотра ихъ допускалъ людей въ тюрьму, причемъ всѣмъ видно было, что пойманные люди молодые, бодрые, сильные, здоровые; если же какая дѣвушка (młodzika) при наступленіи времени исполненія смертнаго приговора заявляла, что тотъ или другой изъ видѣнныхъ ею приговоренныхъ милъ ей и что она готова быть его женой, и затѣмъ избраннаго ею выражала готовность увести съ мѣста казни, обнявъ его рукою или зацѣпивъ за шею платкомъ,—то Млодановичъ такихъ счастливцевъ освобождалъ отъ казни и даже надѣлялъ ихъ землей за извѣстныя повинности; такимъ путемъ дано было краю не мало новыхъ семей [2]). Какой-нибудь способъ помилованія, если и не столь романтичный, какъ способъ Млодановича, должно было бы избрать и польское правительство, тѣмъ болѣе что въ компетенцію короля, какъ и всякаго представителя верховной власти въ другихъ странахъ, входило самое широкое право помилованія.

---

[1]) Adam Moszczynski. Pamiętnik, 150.

[2]) Изд. Рачинскаго Bunt haidamakow. 2-ой мемуаръ, стр. 70.

Между тѣмъ, по сознанію самихъ поляковъ, результаты усмиренія оказались ужасными. Цитированный только что мемуаристъ сообщаетъ, что послѣ усмиренія бунта на Украинѣ мало осталось крестьянъ-хозяевъ: уходили въ Волощину, въ Крымъ, въ „Москву“, на Донъ,—и степи вновь запустѣли такъ, что казались чуть не дѣвственно-первобытными [1]). Оставшіеся же на мѣстахъ очень тяготились своимъ положеніемъ, а когда былъ возстановленъ прежній порядокъ съ рѣзкимъ разграниченіемъ всеправной шляхты и безправнаго посполства, то многіе изъ нихъ стали рѣзаться, вѣшаться, топиться [2]).

Этимъ мы кончаемъ нашу характеристику дѣйствій польскаго правительства Рѣчи Посполитой въ разгаръ коліивщины и непосредственно послѣ нея.

ГЛАВА 5-я.

Отношеніе къ коліевщинѣ современныхъ ей русскихъ дѣятелей.

Смыслъ коліевщины въ жизни южнорусскаго украинскихъ населенія не поддавался долго уясненію исторіи, благодаря массѣ недоразумѣній, окутывавшихъ это народное движеніе по многимъ поводамъ—и вслѣдствіе легковѣрія ближайшихъ передатчиковъ фактической его стороны, наконецъ, вслѣдствіе грубой тенденціозности въ ту или другую сторону разныхъ изслѣдователей, которымъ почему-то трудно было взглянуть на событія 1768 г. на Украинѣ, какъ на проявленіе самостоятельно сознаннаго протеста южнорусскаго крестьянства, угнетеннаго поляками въ соціальномъ и религіозномъ отношеніи; всѣмъ имъ казалось, что движеніемъ этимъ непремѣнно должно было руководить русское правительство, причемъ Екатеринѣ II то приписывалась открытая пропаганда возстанія манифестами, то болѣе хитрыя подзадориванія къ нему, напоминавшія таинственные намеки, какіе дѣлалъ Владиславъ IV, король польскій, предъ возстаніемъ Хмельницкаго, говоря съ нимъ объ его обидахъ.

[1]) Bunt haidamakow, стр. 116.

[2]) Ibidem стр. 116, 117.

Но пора иллюзій относительно сочувствія русскаго правительства того времени гайдамацкому движенію 1768 г. прошла безвозвратно. Не стало послѣдователей ни у Шуйскаго съ Моравскимъ, негодовавшихъ на возбужденіе бунта великой державой въ сосѣднемъ государствѣ [1]), ни у русскаго историка, склонявшагося къ мысли, что тайныя подзадориванія противъ поляковъ въ средѣ южно-русскаго крестьянства были слѣдствіемъ искренняго сочувствія Екатерины II къ бѣдамъ этого крестьянства. Явная несостоятельность ходившихъ среди самихъ коліевъ слуховъ о манифестѣ русской царицы, и аляповатость какъ этого манифеста, такъ и манифеста польской работы, приписаннаго Екатеринѣ II тенденціозными польскими публицистами—все это, какъ показано уже нами выше, слишкомъ ярко выступило наружу въ послѣдніе годы, особенно послѣ напечатанія недавно вынырнувшаго на свѣтъ подлиннаго манифеста Екатерины II.

Многое, конечно, послѣ этого при объясненіи колиивщины представляется въ иномъ видѣ, и прежде всего самое движеніе выступаетъ въ глазахъ изслѣдователя самостоятельнымъ бурнымъ порывомъ изнеможенной угнетеніями народной души и неистощенной физической народной мощи, затѣмъ невольно по адресу прежнихъ толкователей интересующей насъ поры является соображеніе: да съ какой бы стати Екатерина II вздумала подстрекать русскихъ крестьянъ Рѣчи Посполитой къ бунту, если несомнѣнно ея войска были потомъ главными усмирителями этого бунта, и если тѣ гайдамаки, россійскіе подданные, которыхъ захватили усмирители, отданы были Екатериной подъ судъ и подверглись серьезнымъ наказаніямъ? Очевидность взаимной исключительности этихъ двухъ фактовъ явная, и невозможность перваго изъ нихъ при второмъ является болѣе чѣмъ доказанной.

Но пытливость наталкиваетъ насъ и послѣ такихъ опредѣленныхъ заключеній на новыя недоумѣнія. Начинаетъ настойчиво требовать разрѣшенія другой существенный для пониманія дѣла вопросъ—почему русскіе дѣятели второй половины XVIII вѣка, графъ Панинъ, князь Репнинъ, графъ Румянцевъ и другіе, сочли

[1]) Morawski. Dzieje polski. V. 87. Ios. Szujski Dzieje polski. IV. 404.

нужнымъ собственными силами задавить гайдамацкое движеніе, разъ оно возникло изъ за тѣхъ же диссидентскихъ правъ, которыя защищали не безъ успѣха въ польскомъ сеймѣ послы Екатерины II?

Думаемъ, что и этому недоумѣнію можетъ быть положенъ конецъ, если привлечь къ уясненію дѣла массу того фактическаго матеріала относительно польскихъ событій второй половины XVIII вѣка, какой мы находимъ у Соловьева въ XXVI и XXVII томахъ его „Исторіи Россіи“, въ „Сборникѣ Имп. Рус. Ист. Общ.“ въ томахъ XX и XXII, въ „Арх. ю.-з. Россіи“ въ томахъ II и III первой части и въ перепискѣ графа Румянцева съ графомъ Панинымъ и другими, напечатанной въ „Кіев. Стар.“ 1882 г., въ книгахъ 9 и 10 и 1883 г. тоже въ книгахъ 9 и 10.

Приступая на основаніи этихъ источниковъ къ разсмотрѣнію поставленнаго выше недоумѣнія, мы по необходимости должны на моментъ оставить чисто украинскія событія и погрузиться въ дебри широкой европейской политики второй половины XVIII вѣка, такъ какъ отъ тѣхъ или иныхъ комбинацій именно въ этой политикѣ зависѣло то или иное отношеніе къ насущнымъ домашнимъ и сосѣднимъ дѣламъ тогдашняго русскаго правительства.

Слишкомъ общеизвѣстнымъ считается тотъ фактъ, что важныя историческія рѣшенія тѣхъ или иныхъ трудныхъ вопросовъ народной и международной жизни далеко не всегда бываютъ слѣдствіемъ плановъ, заранѣе сознанныхъ и обдуманныхъ дѣятелями, дѣйствующими на исторической авансценѣ. Тщетно, напримѣръ, наканунѣ раздѣла Польши, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, стали бы мы искать ясныхъ сколько-нибудь формулировокъ того, что потомъ было совершено совокупными усиліями Пруссіи, Австріи и Россіи. Правда, смутное сознаніе возможности если не раздѣла Польши, то ея соединенія съ Россіей было много разъ высказываемо въ теченіе XVIII в. и даже раньше въ XVII в.; но отъ плановъ, напримѣръ, Алексѣя Михайловича сдѣлаться по избранію польскимъ королемъ послѣ смерти Яна Казиміра и такимъ образомъ соединить Рѣчь Посполитую съ московскимъ государствомъ, до практическаго осу-

ществленія подобнаго союза было безконечно далеко. Не близко было до того же практическаго дѣла и отъ опасеній польскихъ сеймовыхъ пословъ начала XVIII столѣтія, что Петръ I, будучи признанъ ими императоромъ всероссійскимъ, основываясь на этомъ титулѣ, отберетъ у Польши всѣ русскія провинціи. Самъ Фридрихъ II, этотъ политическій прозорливецъ XVIII вѣка, вскорѣ послѣ избранія Станислава Понятовскаго въ польскіе короли мечталъ не о раздѣлѣ Польши, а только о необходимости оставить ее въ той летаргіи, въ какую она впала, благодаря своей конституціи, санкціонировавшей государственную безурядицу, при чемъ существованіе Польши, хотя бы въ летаргическомъ состояніи, онъ считалъ мыслимымъ и послѣ удаленія со сцены Станислава Понятовскаго и вообще въ далекомъ будущемъ [1]). У русскихъ же дѣятелей екатерининскаго времени относительно Польши, вслѣдъ за избраніемъ въ короли ея Станислава Понятовскаго, были планы совсѣмъ иного порядка, чѣмъ планы раздѣла или аннексіи. Но въ этихъ планахъ Польша не занимала центральнаго и исключительнаго положенія. Дѣло шло о поддержаніи пресловутаго политическаго равновѣсія и о сохраненіи за Россіей почетнаго и независимаго положенія въ ряду европейскихъ державъ, а при такихъ цѣляхъ Польша должна была быть только однимъ изъ звеньевъ въ ряду другихъ, входившихъ въ составъ ковавшейся международной цѣпи.

Поводы къ принятію мѣръ для сохраненія за Россіей подобающаго ей мѣста въ ряду другихъ государствъ заключались въ тогдашнихъ дипломатическихъ отношеніяхъ. Франція, униженная Фридрихомъ II въ семилѣтнюю войну, стала ревностно строить свою политическую систему, стала умножать свои морскія силы вмѣстѣ съ Испаніей, утверждая свои союзы съ разными дворами, особенно съ вѣнскимъ и сардинскимъ. Система эта стала даже носить особое названіе—бурбонскаго союза. Въ противовѣсъ ему, въ виду существованія торговыхъ и политиче-

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXVI, стр. 81; т. XXVII, стр. 205. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ. Т. XXII.

скихъ интересовъ, противоположныхъ французскимъ и австрійскимъ, у Пруссіи, Англіи и Россіи, какъ бы самъ собой, намѣчался союзъ сѣверныхъ державъ, и такой союзъ былъ бы, конечно, мыслимъ, если бы и ихъ интересы не были подчасъ достаточно противоположны. Вслѣдствіе же этой противоположности и Англія, и Пруссія считали для себя мыслимымъ заключеніе только частныхъ союзовъ и договоровъ съ Россіей. Но русскій вице-канцлеръ Панинъ никакъ не могъ на этомъ помириться и увлекся системой „сѣвернаго аккорта", унаслѣдованной имъ отъ автора ея, умершаго уже тогда русскаго посла въ Даніи барона Корфа. Въ этотъ сѣверный союзъ должны были войти Россія, Пруссія, Англія, Швеція, Данія, Саксонія, Польша. Что до цѣли союза, то она должна была состоять не только въ противодѣйствіи союзу бурбонскому, но и въ охранѣ сильными членами союза неприкосновенности слабыхъ его членовъ отъ чьихъ бы то ни было посягательствъ. Въ частности для Россіи Панинъ ждалъ отъ этого союза слѣдующихъ выгодъ: во-первыхъ, Россіи должна была быть выдана по его проекту отъ Англіи субсидія въ 500,000 р. на польскія дѣла и такая же субсидія въ случаѣ войны Россіи съ Турціей, не говоря уже о деньгахъ на подкупы въ Швеціи, гдѣ должно было быть искоренено такимъ путемъ французское вліяніе; во-вторыхъ, отъ Пруссіи должны были въ случаѣ надобности идти поддержки дипломатическія и денежныя для устроенія польскихъ дѣлъ; наконецъ, въ третьихъ, Польша должна была при новомъ подручномъ Россіи королѣ замѣнить собою для Россіи Австрію, какъ надежная союзница въ случаѣ разрыва Россіи съ Турціей.

Увлеченный логичною стройностью проекта, Панинъ никакъ не могъ признать возраженій, какія ему дѣлались, по поводу его заявленій, Англіей и Пруссіей. Между тѣмъ англійскіе министры настойчиво твердили ему, что парламентъ ихъ никогда не оправдаетъ кредитовъ на поддержаніе Россіи въ польскихъ дѣлахъ и въ случаѣ войны съ Турціей, что надежда при помощи такихъ субсидій вредить повсюду Франціи, являвшейся главнымъ врагомъ Англіи, не послужила бы въ глазахъ парламента достаточнымъ оправданіемъ требуемыхъ министрами кредитовъ, и что,

наконецъ, поддержка Англіей Россіи противъ Турціи, хотя бы даже тайная, непремѣнно затронула бы слишкомъ значительные торговые интересы Англіи въ этой странѣ. Все это не убѣждало Панина, какъ не убѣждало его и опасеніе Англіи вступить въ тѣсный союзъ съ такимъ членомъ предполагаемаго „сѣвернаго аккорта", какъ король прусскій, склонность котораго къ авантюризму могла бы подвергнуть весь союзъ большому риску. По поводу всего этого Панинъ могъ только раздражаться. Раздражали его и возраженія противъ „сѣвернаго аккорта" самого Фридриха. Послѣдній находилъ, что ему не съ руки вступить въ столь сложный союзъ да еще съ разными пассивными величинами, въ родѣ Даніи или Саксоніи, причемъ съ Саксоніей у него были свои личные счеты, забыть которые онъ не желалъ. Но особенно существенны были возраженія Фридриха противъ плановъ Панина относительно Польши, также члена in spe въ „сѣверномъ аккортѣ".

Чтобы уяснить эти послѣднія, отмѣтимъ, при какихъ условіяхъ Панинъ разсчитывалъ обрѣсти въ польской республикѣ союзницу на случай войны съ Турціей, и какими вслѣдствіе этихъ условій должны были стать давнія традиціонныя отношенія Россіи къ Польшѣ.

Отъ своихъ предшественниковъ, какъ извѣстно, унаслѣдовала Екатерина II два неопорѣшенныхъ вопроса съ Польшей: вопросъ о границахъ и вопросъ диссидентскій. Обращаясь къ этому послѣднему, не можемъ не припомнить, что зарожденіе этого вопроса надо отнести ко времени, слѣдовавшему непосредственно за Андрусовскимъ договоромъ, когда Польша сознала для себя всю опасность отъ существованія въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой большаго числа православныхъ русскихъ, всегда искавшихъ покровительства и защиты у единовѣрнаго московскаго государства. Правительствомъ республики пущенъ былъ въ ходъ именно послѣ Андрусовскаго договора [1]) цѣлый рядъ

[1]) Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи западн. и юго-западной Россіи. Статья: Очеркъ состоянія православной церкви въ юго-зап. Россіи съ полов. XVII до конца XVIII в., стр. 287.

сеймовыхъ постановленій, направленныхъ къ отвлеченію западнорусскаго населенія отъ православія въ унію или же и прямо въ католичество. При такихъ условіяхъ ничего не оставалось гонимымъ православнымъ да и другимъ не-католикамъ Рѣчи Посполитой, какъ обращаться съ просьбами о защитѣ ихъ религіозной свободы и нарушаемыхъ гражданскихъ правъ къ московскому государству, превратившемуся вскорѣ въ россійскую имперію. Къ просьбамъ ихъ въ Россіи не были глухи, но все же поляки тѣмъ удобнѣе могли проводить свои мѣры противъ православія, что Россія была занята другими дѣлами. Петру I, напримѣръ, неудобно было становиться къ Польшѣ въ рѣзкія отношенія въ виду войны со Швеціей; далѣе, у Анны Іоанновны, несмотря на ея вмѣшательство въ польскія дѣла изъ за возведенія въ короли Станислава Лещинскаго и изъ-за замѣны его Августомъ III, несмотря и на опасное столкновеніе съ французами подъ Гданскомъ, не находилось въ сущности времени мѣшать Польшѣ проявлять религіозную нетерпимость; наконецъ, и при Елисаветѣ отношенія къ Пруссіи, семилѣтняя война—все это также не давало возможности ссориться съ поляками [1]). Больше всѣхъ изъ названныхъ государей въ защиту диссидентовъ все же сдѣлалъ Петръ I. Онъ, по жалобѣ епископа бѣлорусскаго Сильвестра Четвертинскаго, обратился къ королю съ требованіемъ назначить коммиссію „для освидѣтельствованія обидъ и полученія за нихъ удовлетворенія“, причемъ въ число коммиссаровъ потребовалъ принять и русскаго переводчика при посольствѣ въ Варшавѣ, Игнатія Рудаковскаго, и монаха изъ Заиконоспасскаго монастыря, учителя Іустина Рудинскаго; на случай отказа короля въ этомъ Петръ велѣлъ своему послу въ Варшавѣ, чтобы онъ объявилъ „сенаторамъ и министрамъ польскимъ всѣмъ съ яснымъ представленіемъ, что если удовлетворенія не послѣдуетъ, то будемъ принуждены сами его искать“ [2]). Но въ короткій срокъ нельзя было добиться многаго этою даже мѣрою, особенно при обиліи другихъ дѣлъ; преемники же Петра, обладавшіе меньшими си-

[1]) Соловьевъ, т. XXVI, стр. 160.

[2]) Соловьевъ, т. XVIII, стр. 80 и 81.

лами, поглощенные, какъ мы видѣли, мелкою злобою дня, не возобновляли его требованій и ограничивались только дипломатическими представленіями, къ которымъ польскіе сеймы относились вполнѣ равнодушно.

Впаче рѣшилась поставить вопросъ о диссидентахъ Екатерина II, сперва имѣя въ виду только исполненіе завѣщаннаго ей исторической традиціей. „Въ защитѣ православныхъ въ Польшѣ, читаемъ мы у Соловьева, была особенно заинтересована слава императрицы, ибо легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести на народъ покровительство, оказанное единовѣрцамъ, и покровительство, увѣнчавшееся небывалымъ успѣхомъ. Выигрывая необыкновенно въ расположеніи собственнаго народа этимъ народнымъ подвигомъ, получая черезъ него, такъ сказать, вторичное, закрѣпляющее всѣ права вѣнчаніе русскою, православною государынею, что для Екатерины было такъ важно, она не могла быть равнодушна и къ той славѣ, которую должны были протрубить вожди общественнаго мнѣнія на западѣ, къ славѣ побѣдительницы фанатизма, нетерпимости, къ славѣ государыни, которая прекратила религіозное гоненіе, возвратила спокойствіе и гражданскія права людямъ, лишеннымъ ихъ вслѣдствіе религіозной нетерпимости народа, живущаго подъ сильнымъ вліяніемъ ненавистнаго католицизма“ [1]). Сама императрица такъ высказалась по поводу диссидентскаго дѣла въ рескриптѣ, данномъ посламъ въ Польшѣ, Кейзерлингу и Репнину, 5 апр. 1764 г., т. е. тотчасъ послѣ смерти Августа III, въ періодъ междуцарствія: „Излишне описывать здѣсь извѣстное вамъ самимъ дѣло утѣсненія въ Польшѣ нашихъ единовѣрныхъ и прочихъ диссидентовъ. Кто не вѣдаетъ, что одни и другіе равно подвержены гоненію римскаго духовенства, которое не только безъ остатка почти похитило всѣ имъ законами и многими привилегіями дозволенныя епархіи, монастыри и церкви, но и до того еще властію и пронырствомъ своимъ довело, что знатная часть согражданъ, такъ сказать, изъ сообщества отринуты за то одно, что исповѣдываютъ законъ другой. Но пока еще сіе зло вовсе не окоренится, то дабы нынѣшній

[1]) Соловьевъ, т. XXVI, стр. 160—161.

междуцарствія случай не упустить вступѣ, повелѣваемъ мы вамъ на основаніи даннаго вамъ обоимъ общаго нашего наставленія, какъ нынѣ при сеймѣ конвокаціи, такъ и впредь при сеймѣ коронаціи, употребить всевозможное стараніе ваше, дабы, какъ собственные наши единовѣрцы, такъ и прочіе диссиденты, обязанные между собою ко взаимной оборонѣ формальнымъ актомъ 1599 г., во всѣ прежнія свои права и преимущества точнымъ и яснымъ закономъ возстановлены, да и для переду какъ въ персонахъ и имѣніяхъ своихъ, такъ и въ принадлежащихъ имъ епархіяхъ, монастыряхъ и церквахъ отъ всякихъ нападковъ римскаго духовенства охранены и прежде отнятыя, сколько возможно, имъ возвращены были". Затѣмъ 17 октября того же 1764 года Екатерина писала Репнину: „мнѣ остается рекомендовать вамъ всего болѣе два дѣла: дѣло о диссидентахъ и дѣло о границахъ; *моя слава* заинтересована въ обоихъ, *помните это*, оба дѣла въ вашихъ рукахъ, дѣйствуйте согласно съ указами и инструкціями". И такое настроеніе императрицы не проходило и въ слѣдующіе затѣмъ годы. Послѣ неудачи диссидентскаго дѣла на сеймѣ 1766 г. она вновь писала Репнину: „достоинство наше и истинные ввѣренной намъ отъ Бога имперіи интересы требуютъ привести единожды къ желаемому окончанію толь явно и торжественно начатое дѣло [1]).

Очевидно, такимъ образомъ, что Екатерина II, руководимая мыслью о славѣ и популярности, считала нужнымъ не останавливаться ни передъ какими средствами для достиженія успѣха по диссидентскому дѣлу, переданному ей исторической традиціей. При такомъ образѣ дѣйствій русскаго правительства и при постановкѣ вышеотмѣченныхъ цѣлей, естественно, всякое сочувствіе Россіи было обезпечено со стороны угнетенныхъ диссидентовъ и особенно со стороны диссидентовъ православныхъ: желанія ихъ совпадали съ желаніями императрицы Екатерины.

Но энергичность мѣръ, какія, на основаніи приведенныхъ указаній императрицы, должны были быть приняты въ Польшѣ княземъ Репнинымъ для оказанія вліянія на польскій сеймъ,

[1]) Соловьевъ, т. XXVII, стр. 195.

была обусловлена еще и цѣлымъ рядомъ другихъ обстоятельствъ и прежде всего, конечно, желаніемъ Панина ввести Польшу въ число державъ которыя должны были пристать по его проекту къ задуманному имъ „сѣверному аккорту“. Это то послѣднее желаніе вице-канцлера по необходимости, какъ увидимъ, должно было нѣсколько видоизмѣнить и характеръ требованій русскаго правительства относительно диссидентовъ да и вообще отношенія его къ польскому правительству.

Такъ какъ прежде всего сѣверный аккортъ, какъ и всякій международный союзъ, предполагался быть вѣчнымъ и непоколебимымъ, то, понятное дѣло, и существованіе всѣхъ государствъ, въ него вступавшихъ, а въ томъ числѣ и Польши, предполагалось вѣчнымъ и непоколебимымъ. Сочлены союза должны бы были поэтому отрѣшиться отъ удерживанія Рѣчи Посполитой на томъ гибельномъ пути, на какомъ она пребывала при сохраненіи не только *liberum veto*, которымъ пріостанавливалось рѣшеніе того или другаго вопроса на сеймѣ, но и при оставленіи *liberum rumpo*, санкціонировавшаго срываніе всего сейма, не исключая рѣшенныхъ уже на немъ единогласно дѣлъ. Другими словами, активнымъ членамъ „аккорта“ надо было думать не объ оставленіи Польши въ летаргическомъ состояніи, на чемъ особенно настаивалъ Фридрихъ II, а о превращеніи ея въ государство, могущее въ случаѣ надобности стать активнымъ союзникомъ. Панинъ полагалъ, что, допустивъ тамъ введеніе большаго порядка въ отправленіи правосудія и въ устройствѣ торговли и внутренней полиціи, а также дозволивъ увеличить численность войска хотя бы на 10,000 человѣкъ, указанная цѣль была бы достигнута. Въ частности, по отношенію къ Россіи Панинъ разсчитывалъ сдѣлать такимъ образомъ Польшу пригодною для того, чтобы она хотя бы отчасти могла возмѣстить, въ случаѣ войны съ Портою, потерю, которую Россія почувствуетъ, лишившись искренней помощи Австріи, приставшей къ бурбонскому союзу. Съ другой стороны ему казалось, что подобныя частичныя реформы не могли бы превратить Польшу въ государство, могущество котораго стало бы грознымъ для ея сосѣдей, такъ какъ послѣдніе своимъ согласнымъ и одинаковымъ образомъ дѣйствій въ отношеніи республ-

лики всегда могли бы сохранить значительную долю участія въ управленіи ею[1]). Сама императрица Екатерина, склонявшаяся къ политическимъ воззрѣніямъ Панина, готова была уже дать согласіе на такое отношеніе къ внутреннимъ дѣламъ Польши. Долго на нее не дѣйствовали никакія внушенія Фридриха II въ противоположномъ духѣ, тѣмъ болѣе, что своимъ согласіемъ на измѣненіе конституціи въ Польшѣ она могла бы привести въ искреннюю радость своего недавняго любимца, короля Станислава Понятовскаго, достигшаго своего высокаго положенія благодаря ей. Но тѣмъ не менѣе вскорѣ императрица взяла назадъ свое согласіе дозволить реформы въ Польшѣ. Къ этому она была склонена Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ, котораго назидалъ стоявшій не у дѣлъ канцлеръ Бестужевъ. Прусскій посолъ въ Петербургѣ, Сольмсъ, державшійся обыкновенно въ сторонѣ отъ Бестужева, по желанію Фридриха II, на время измѣнилъ свои отношенія къ прежнему дипломатическому свѣтилу—и добился относительно Польши того, чего желалъ король[2]).

Послѣ такого рѣшенія вопроса о реформахъ въ Польшѣ, конечно, русскій посолъ въ Варшавѣ, князь Репнинъ, не могъ пропустить ни одной попытки со стороны поляковъ замѣнить единогласныя рѣшенія дѣлъ на сеймѣ рѣшеніями по большинству голосовъ, разъ только эти попытки касались чего-нибудь существеннаго. Такъ, когда Чарторыйскіе, дяди короля, на сеймѣ 1766 г. прочли проектъ относительно рѣшенія на сеймахъ финансовыхъ дѣлъ, причемъ въ проектѣ было сказано, что всѣ финансовыя дѣла должны всегда рѣшаться большинствомъ голосовъ, не исключая изъ финансовыхъ дѣлъ и наложенія новыхъ податей, то Репнинъ вмѣстѣ съ прусскимъ посломъ Бенуа заявилъ лично Чарторыйскимъ, что большинство голосовъ можетъ быть допущено только при распоряженіи опредѣленными уже доходами, а не при наложеніи новыхъ. Тогда же заявилъ онъ, что и изъ дѣлъ военной коммиссіи только текущія по управле-

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXII. Дипломат. переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ.

[2]) Ibidem.

нію войскомъ могутъ быть рѣшаемы большинствомъ, но никакъ не вопросы объ увеличеніи войска [1]). Вообще такимъ образомъ Репнинымъ была подавлена всякая мысль о возможности сколько нибудь серьезнаго улучшенія польской конституціи.

Какъ ни тяжело было Панину, что не удалось придать „сѣверному аккорту“ in spe падлежащую округлость путемъ усиленія Польши, но все же онъ не отказался отъ мысли о союзѣ и рѣшилъ воспользоваться Польшей для цѣлей этого союза, хотя бы и въ томъ разслабленномъ видѣ, въ какой ее ввергло ея liberum rumpo. Онъ задумалъ только еще болѣе поднять значеніе Россіи въ Польшѣ для того, чтобы въ случаѣ надобности собрать разрозненныя силы ея и средства и двинуть ее туда, куда заблагоразсудитъ императрица. И вотъ тутъ-то удобнымъ средствомъ для достиженія подобной цѣли показался диссидентскій вопросъ. Панинъ счелъ нужнымъ при заявленіи полякамъ русскихъ требованій по этому вопросу наибольшее вниманіе обращать на возстановленіе гражданскихъ правъ диссидентовъ, какъ въ видѣ участія въ сеймахъ, такъ и въ видѣ занятія различныхъ должностей въ государствѣ,—сторона же чисто религіозная, защита диссидентовъ отъ притѣсненій католиковъ и уніатовъ, свободное заявленіе ими своихъ вѣрованій—все это хотя и не было вовсе стушевано, однако видного значенія въ препирательствахъ русскаго посла съ поляками не занимало; притомъ же на уступки русскому правительству въ дѣлѣ признанія свободы исповѣданій диссидентовъ склонялись, правда въ силу необходимости, самыя различныя партіи въ краѣ, на возвращеніе же гражданскихъ правъ диссидентамъ согласныхъ между поляками не находилось—и оттого дѣло требовало со стороны русскаго посла не только убѣжденій словомъ, но и угрозъ арестами депутатовъ, введенія въ частныя имѣнія непокорныхъ изъ нихъ русскихъ войскъ, вступившихъ въ край еще при избраніи Станислава Понятовскаго въ короли. Смыслъ такихъ настоятельныхъ домогательствъ русскаго правительства относительно гражданскихъ правъ диссидентовъ прекрасно въ

[1]) Соловьевъ, т. XXVII, стр. 186, 187.

Польшѣ понимали. Самъ король писалъ польскому послу въ Петербургѣ, Ржевусскому: „если Россія непремѣнно захочетъ ввести диссидентовъ въ законодательство, то хотя бы ихъ было не много, 10 или 12, все же это будетъ 10 или 12 вождей законно существующей партіи, смотрящей на государство и правительство польское, какъ на врага, противъ котораго она должна необходимо и постоянно искать помощи извнѣ. Я знаю, что это дѣло можетъ мнѣ стоить короны и жизни, я это знаю, но повторяю, что не могу измѣнить отечеству“ [1]). У Екатерины, когда ей было пересказано мнѣніе Попятовскаго, нашлось, конечно, что ему возразить, но не въ духѣ ея возраженія въ то же время въ письмахъ къ Репнину высказывался Паниинъ. Императрица велѣла отвѣчать Станиславу Августу, что она рѣшительно не понимаетъ, какимъ это образомъ диссиденты, допущенные къ законодательной дѣятельности, будутъ вслѣдствіе этого болѣе враждебно относиться къ государству и правительству польскому, чѣмъ относятся теперь; не понимаетъ она и того, какимъ образомъ король считаетъ себя измѣнникомъ отечеству за то, чего требуетъ справедливость, что составитъ его славу и твердое благо государства [2]). Между тѣмъ Паниинъ, ни на мгновеніе не забывавшій „сѣвернаго аккорта“, совершенно иначе опредѣлялъ, чего онъ ждетъ отъ предоставленія гражданскихъ правъ диссидентамъ въ Польшѣ. Настаивая на мысли, что, благодаря ихъ присутствію въ сеймѣ, Россія всегда будетъ имѣть въ Польшѣ извѣстное число голосовъ за собою при отстаиваніи своихъ интересовъ, онъ въ то же время не рекомендовалъ Репнину ставить ихъ въ положеніе вполнѣ независимое и мотивировалъ такое свое желаніе тѣмъ, что „при свободѣ вѣры, соединенной съ выгодами свободнаго во всемъ народа“, усилятся частые и безъ того побѣги изъ пограничныхъ провинцій нашихъ, да и вообще тѣмъ, что тогда можно будетъ опасаться на счетъ этихъ провинцій, „сходныхъ съ Польшею правами и обычаями народа“. Мысли эти высказаны Панинымъ такъ рельефно въ его письмѣ, которымъ

[1]) Соловьевъ, т. XXVII, стр. 181.

[2]) Ibidem, стр. 182.

опредѣлялась непосредственно вся дѣятельность русскаго посла въ Польшѣ, и притомъ письмо это заключаетъ въ себѣ столько существеннаго по отношенію къ вопросу о религіозной свободѣ диссидентовъ, что для большей наглядности считаемъ нужнымъ привести его здѣсь цѣликомъ. „Надобно совершить диссидентское дѣло, читаемъ въ этомъ письмѣ защитника „сѣвернаго аккорта“, не для распространенія въ Польшѣ нашей и протестантской вѣръ, но для пріобрѣтенія себѣ посредствомъ нашихъ единовѣрцевъ и протестантовъ однажды навсегда твердой и надежной партіи съ законнымъ правомъ участвовать во всѣхъ польскихъ дѣлахъ, не по одному теперь испрашиваемому республикой ручательству ея императорскаго величества въ цѣлости конституціи польской, но и вслѣдствіе покровительства диссидентамъ, которое мы себѣ присваиваемъ на вѣчныя времена: какъ слабѣйшая часть въ будущемъ правительствѣ польскомъ, диссиденты будутъ имѣть возможность удерживаться въ немъ только съ нашею помощью. Протестантская религія, обуздывая суевѣрія и сокращая власть духовенства, легко можетъ излишнимъ своимъ въ Польшѣ распространеніемъ вывесть поляковъ изъ невѣжества, въ которомъ они теперь большею частью погружены, и освобожденіемъ отъ невѣжества довести ихъ по ступенямъ до учрежденія новыхъ порядковъ, которые, сосредоточивая въ одно мѣсто всю внутреннюю польскую силу и приведя ее въ большую предъ нынѣшнимъ дѣйствительность, могли бы скоро обратиться въ предосужденіе Россіи, покровительницы протестантовъ въ настоящее время и главной соперницы въ будущее, ибо между политическими обществами ни злоба за претерпѣнный вредъ, ни благодарность за одолженіе мѣста имѣть не могутъ. Относительно нашихъ единовѣрцевъ этого неудобства быть не можетъ; но съ другой стороны, излишне усиливая ихъ такъ, чтобы они сами собой независимо отъ насъ могли держаться въ республикѣ и раздѣлять ея правленіе, подвергаемъ мы себя неудобству въ разсужденіи и безъ того столь частыхъ и великихъ побѣговъ, которые тогда еще болѣе усилятся при свободѣ вѣры, соединенной съ выгодами свободнаго во всемъ народа; тогда можно будетъ

опасаться и на счетъ нашихъ пограничныхъ провинцій, сходныхъ съ Польшею правами и обычаями народа [1]).

Репнину, какъ извѣстно, не малыхъ хлопотъ стоило проведеніе этихъ требованій русскаго правительства. Кромѣ того, что ему приходилось считаться съ крайнимъ фанатизмомъ поляковъ, затрудненія его увеличивались еще положеніемъ православныхъ въ Рѣчи Посполитой. Представительство тамъ, какъ извѣстно, принадлежало одной шляхтѣ, а гоненія цѣлаго столѣтія или, вѣрнѣе, полутора столѣтія истребили православныхъ шляхтичей или оставили самыхъ бѣдныхъ и по воспитанію неспособныхъ занимать видныя мѣста. Всѣ диссиденты вообще подали Репнину даже просьбу не вводить ихъ въ правительственныя должности опредѣленнымъ числомъ, ибо они не въ состояніи будутъ выносить этихъ должностей, православное же шляхетство не могло выставить ни одного человѣка, котораго можно было бы назначить въ какую нибудь должность. „Я, писалъ Репнинъ, уже нѣсколько времени ищу и нарочныхъ разсылаю, чтобъ ко мнѣ привезли кого-нибудь хотя нѣсколько способнаго, но до сихъ поръ никого не нашелъ, ибо всѣ они сами землю пашутъ и безъ всякаго воспитанія.“ И вотъ Репнинъ оказывается въ нѣсколько комичномъ положеніи искателя людей шляхетскаго происхожденія, которые бы имѣли право воспользоваться гражданскими правами диссидентовъ, съ такимъ трудомъ отстаиваемыми русскимъ правительствомъ. Въ виду предположенія, что епископу бѣлорусскому даровано будетъ право участвовать въ сеймѣ, Репнинъ сталъ искать въ православныхъ монастыряхъ монаха шляхетской породы, котораго въ случаѣ успѣха въ дѣлѣ добыванія гражданскихъ правъ можно было бы возвести въ санъ бѣлорусскаго епископа вмѣсто не шляхтича Конисскаго. Сперва исканіе это шло по монастырямъ западной Руси, а потомъ, когда сказали Репнину, что шляхтичи Рѣчи Посполитой могутъ находиться въ монастыряхъ гетманщины и Слободской Украины, онъ и туда направилъ свои поиски [2]).

---

[1]) Ibidem, стр. 245—246.

[2]) Ibidem, т. XXVII, стр. 254.

Въ 1767 году гражданскія права диссидентамъ и религіозная свобода были наконецъ Репнинымъ добыты. На сеймѣ означеннаго года принятъ былъ между прочимъ актъ сепаратный, содержавшій въ себѣ вольности и преимущества грековъ оріентальныхъ (т. е. уніатовъ), дизунитовъ (православныхъ) и иныхъ диссидентовъ. По этому акту вѣра католическая сохраняла титулъ *господствующей*; король и королева должны быть непремѣнно римскими католиками, переходъ отъ римско-католической церкви въ иную вѣру есть уголовное преступленіе; всѣ пункты противъ грековъ неунитовъ и диссидентовъ, находящіеся въ конфедераціяхъ и конституціяхъ, отвергаются; церкви греческія неунитскія и костелы диссидентскіе, кладбища, школы, госпитали и всякія строенія, церквамъ и духовенству принадлежащія, вольно чинить, а въ случаѣ обветшанія и пожара, вновь строить, не испрашивая позволенія, и отправлять въ тѣхъ церквяхъ богослуженіе съ публичными ходами, не дѣлая однако препятствія римскому богослуженію и процессіямъ. Епископъ мстиславскій, оршанскій, могилевскій, подъ именемъ епископа бѣлорусскаго, управляетъ своею епархіею, какъ римскіе епископы управляютъ своими—безъ всякаго препятствія. Неуниты и диссиденты имѣютъ право заводить типографіи и печатать въ нихъ богослужебныя книги, съ тѣмъ однако, чтобъ не печатали книгъ еретическихъ и въ спорныхъ пунктахъ язвительныхъ и остростью штиля наполненныхъ изображеній оберегались. Браки между людьми разной вѣры позволяются; дѣти отъ такихъ браковъ—сыновья воспитываются въ вѣрѣ отцовской, а дочери въ материнской, но дворянству позволяется дѣлать по этому предмету договоръ передъ бракомъ. Греки неуниты и диссиденты не принуждаются къ празднованію католическихъ праздниковъ и къ участію въ католическихъ процессіяхъ. Всѣ церкви и монастыри, неправильно отобранные у грековъ неунитовъ, должны быть имъ возвращены. Для суда въ обидахъ религіозныхъ учреждается обоюдоронній судъ изъ 17 лицъ: 8 свѣтскихъ римско-католической вѣры и 8 диссидентовъ или грековъ-неунитовъ, а 17-й епископъ бѣлорусскій. Такъ какъ равенство дворянское есть основаніе вольности польской и надежнѣйшее подкрѣпленіе правъ отечества, то гре-

камъ неуніатамъ и диссидентамъ возвращаются всѣ давнія права и преимущества, объявляются они способными ко всѣмъ чинамъ, достоинствамъ сенаторскимъ и министерскимъ, урядамъ коронымъ и земскимъ, должностямъ трибунальскимъ и коммиссарскимъ, посольствамъ заграничнымъ и сеймовымъ, къ полученію награжденій отъ короля: однимъ словомъ возвращается грекамъ-неуніатамъ и диссидентамъ совершенный активитетъ какъ въ гражданскихъ, такъ и воинскихъ чинахъ; также вѣра не можетъ быть препятствіемъ людямъ неуніатской и диссидентской религій къ пріобрѣтенію индигената и дворянства. И этотъ актъ, какъ и другія сеймовыя постановленія, былъ утвержденъ и подписанъ $^{13}/_{24}$ февраля уже 1768 года [1]).

Какъ видимъ, диссидентамъ, на основаніи этого постановленія, гражданскія права были возвращены въ довольно широкомъ объемѣ; религіозная свобода ихъ также возстановлялась, хотя хлопоты о ней, очевидно, велись только попутно и Репнинымъ, и Панинымъ. Оставалось, казалось бы, послѣ такихъ благихъ результатовъ почить дипломатамъ на лаврахъ близившагося, по ихъ предположенію, къ осуществленію желаннаго введенія въ „сѣверный аккортъ“ польской республики, обезвреженной для Россіи допущеніемъ къ ея законодательству, суду и администраціи православныхъ и иныхъ диссидентовъ. То обстоятельство, что означеннымъ допущеніемъ не могли воспользоваться даже немногіе диссиденты—на первыхъ порахъ ускользало изъ вида людей, занимавшихся бумажными комбинаціями.

Въ виду послѣдняго обстоятельства неудивительно, что всѣ такія легкія построенія сокрушались, по словамъ Соловьева, подъ тяжелыми стопами исторіи.

Панину и другимъ не только не довелось почить отъ дѣлъ послѣ проведенія на польскомъ сеймѣ льготъ для диссидентовъ, но пришлось даже принять участіе въ вершеніи дѣлъ, вовсе ими непредвидѣнныхъ и далеко неудобныхъ по тѣмъ qui pro quo, которыя изъ нихъ вытекали по крайней мѣрѣ для русскаго правительства.

[1]) Соловьевъ, т. XXVII.

Въ томъ же письмѣ, въ которомъ Репнинъ извѣщалъ Панина о достигнутомъ успѣхѣ по диссидентскому дѣлу, въ постскриптумѣ стояло извѣщеніе о возникшей въ Барѣ враждебной королю конфедераціи, избравшей своимъ девизомъ „за вѣру и свободу“ и опредѣленно требовавшей уничтоженія недавняго постановленія сейма о диссидентахъ. Чрезъ нѣсколько же дней Репнинъ, вдумавшись въ дѣло, уже съ тревогой писалъ Панину: „трактатъ вновь заключенный и ручательство ея и. в., многимъ трудомъ россійской имперіи добытое, оставимъ ли мы теперь безъ дѣйствія, и не коснулось бы то до чести, достоинства и славы Россіи, если бы мы при самомъ заключеніи сего трактата смотрѣли спокойно на предпріятія, чинящіяся противъ всѣхъ сихъ нашихъ положеній“ [1]). О необходимости „разсыпать собирающуюся въ Барѣ тучу“ употребленіемъ на то стоящихъ въ Польшѣ войскъ твердилъ и Панинъ. Наконецъ и перепуганный конфедераціей польскій сенатъ 27 марта рѣшилъ просить всероссійскую императрицу, какъ поручительницу за свободу, законы и права республики, обратить свои войска, находящіяся въ Польшѣ, на укрощеніе мятежниковъ. Послѣ этого войска русскія двинулись противъ конфедератовъ—но усмиреніе достигнуто было очень не скоро.

Къ неожиданному для Репнина и Панина бунту конфедератовъ-католиковъ, которыхъ надо было усмирять, чтобы поддержать въ цѣлости предполагаемую союзницу Россіи противъ Турціи,—Польшу, при столь деликатныхъ обстоятельствахъ для судьбы сѣвернаго аккорта, вдругъ присоединяется коліивщина. Изувѣрившіеся въ силу польскихъ сеймовыхъ постановленій и даже мало ихъ знавшіе крестьяне Кіевщины открыто подняли знамя бунта, не разбирая разницы между барскими конфедератами и поляками, стоявшими за постановленія сейма и короля. Крайнія неистовства конфедератовъ надъ православными были тѣми искрами, которыя зажгли это пламя. Имѣя предъ собой это неожиданное проявленіе со стороны только что защищенныхъ „диссидентовъ“, Репнинъ приходилъ въ страшное негодованіе—

[1]) Соловьевъ, т. XXVII.

и по мысли его Россія должна была усмирить и этихъ враговъ республики, тѣмъ болѣе, что своимъ бунтомъ какъ разъ послѣ установленія новаго закона по отношенію къ диссидентамъ они нѣкоторымъ образомъ дискредитировали его дѣло и шли путемъ очень прямымъ и перекомендованнымъ къ защитѣ своихъ правъ. Отсюда-то и участіе русскихъ войскъ въ усмиреніи гайдамацкаго движенія 1768 года, несмотря на то, что „дѣло это имѣло видъ, по словамъ мемуариста Мощинскаго, какъ будто бы оно произошло по наущенію русскаго правительства“ [1]).

Такимъ то образомъ разъясняется поставленный нами въ началѣ главы вопросъ—почему русскіе дѣятели второй половины XVIII в. сочли нужнымъ собственными силами задавить гайдамацкое движеніе, разъ оно возникло изъ за тѣхъ же диссидентскихъ правъ, которыя защищало не безъ успѣха въ польскомъ сеймѣ правительство Екатерины II.

Мы видимъ, что тогдашніе руководители русской политики разсматривали отношенія западно-русскаго населенія къ Рѣчи Посполитой сквозь призму теоріи „сѣвернаго аккорта“, при осуществленіи котораго диссиденты должны выступить не бунтовщиками противъ польскаго правительства, а дѣятелями въ легальныхъ условіяхъ государства, въ составъ котораго входили. Видимъ мы далѣе также и то, что даже въ 1768 году казалось возможнымъ Панину, Репнину и др. ради всякихъ цѣлей поддерживать Польшу, какъ государство, что мысль о раздѣлѣ ея вовсе не была еще формулирована и не обрѣла надлежащей конкретности. При такихъ же условіяхъ у названныхъ дѣятелей не могли вызывать сочувствія стремленія коліевъ, ненавидѣвшихъ Польшу и думавшихъ, если не о ея разгромленіи, то, по крайней мѣрѣ, о вызволеніи себя и своего края изъ ея государственныхъ рамокъ.

Уяснивъ такимъ образомъ взгляды, которыми руководились русскіе дѣятели въ Петербургѣ и Варшавѣ по отношенію къ диссидентамъ и коліивщинѣ, мы должны отмѣтить еще отношеніе

---

[1]) Adam Moszczinski. Pamiętnik, стр. 135.

къ тому же другихъ русскихъ людей, которымъ по ихъ положенію пришлось столкнуться съ коліями въ непосредственной близи, и прежде всего намъ важно отмѣтить отношеніе къ коліивщинѣ графа П. А. Румянцева, малороссійскаго генералъ-губернатора и президента малороссійской коллегіи.

Графу Румянцеву, какъ правителю лѣвобережной Украины и Запорожья, нельзя было остаться вполнѣ безразличнымъ къ происходившему въ пограничныхъ польскихъ провинціяхъ, тѣмъ больше, что въ значительной части провинціи эти въ церковномъ отношеніи были подвѣдомственны переяславскому епископу, съ которымъ имѣли непрестанныя сношенія. Сносится по дѣламъ вѣры православному населенію Кіевщины съ ихъ духовнымъ пастыремъ Румянцевъ не имѣлъ основаній препятствовать, даже въ годы усиленнаго преслѣдованія такихъ сношеній уніатскимъ митрополитомъ Володкевичемъ и его офиціалами, Мокрицкимъ и др. Не считалъ генералъ-губернаторъ нужнымъ въ чемъ бы то ни было мѣшать и игумену Матроницкаго монастыря Мельхиседеку Значко-Яворскому (русскому подданному) быть дѣятельнымъ правителемъ украинскихъ православныхъ церквей и даже возстановителемъ тамъ православія. Но вотъ буря коліивщины охватила Украину и Румянцеву пришлось прежде всего столкнуться съ польскими панами, бѣжавшими на лѣвый берегъ Днѣпра отъ преслѣдованій коліевъ. Румянцеву пришлось тогда дать убѣжище этимъ людямъ, какъ подданнымъ сосѣдняго дружественнаго государства [1]). Но вскорѣ онъ былъ смущенъ слухами о царскомъ указѣ, на основаніи котораго будто бы коліи поднялись на защиту вѣры, и хотя онъ и отправилъ противъ гайдамакъ, дѣйствовавшихъ вблизи границы, командира карабинернаго полка, Протасьева, съ значительнымъ отрядомъ, но сомнѣвался въ соотвѣтствіи своего распоряженія съ волею императрицы, что и выразилъ въ особомъ донесеніи въ Петербургъ, прося разъясненій на счетъ слуховъ о царскомъ указѣ [2]). Когда же Екатерина издала свой манифестъ отъ 12 іюля 1768 г. въ

[1]) Переписка Румянцева. „К. Ст." 1882 г., кн. 9-я, стр. 539.

[2]) Ibidem, стр. 541.

опроверженіе мнимой царской или золотой грамоты, сомнѣнія Румянцева окончились. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ счелъ уже нужнымъ дозволить подвѣдомственному ему карабинерному полку дѣйствовать не только на границѣ, но и далеко отъ послѣдней уже въ цѣляхъ усмиренія бунта въ чужой странѣ. Но это послѣднее могло быть допущено Румянцевымъ, очевидно, только въ силу особыхъ инструкцій изъ Петербурга. Тѣ или другія мѣры Румянцевъ, какъ видимъ, принималъ, или сообразуясь съ общимъ смысломъ полученныхъ имъ полномочій, или по непосредственнымъ указаніямъ изъ Петербурга. Самостоятельнаго взгляда на все дѣло движенія въ Украинѣ онъ не высказывалъ да, быть можетъ, и не имѣлъ. Только послѣ того, какъ ради смотра подвѣдомственныхъ ему войскъ онъ побывалъ въ Переяславѣ и свидѣлся тамъ съ епископомъ Гервасіемъ Линцевскимъ и съ игуменомъ Мельхиседекомъ Значко-Яворскимъ, а сверхъ того, когда онъ ближе ознакомился и съ гайдамацкимъ движеніемъ, онъ рѣшился высказать Панину свои воззрѣнія на все дѣло усмиренія коліевъ. Въ письмѣ своемъ къ вице-канцлеру онъ между прочимъ писалъ: „Опубликованный манифестъ (9 іюля 1768) хотя произвелъ въ жителяхъ желаемое дѣйствіе, но гайдамаковъ не престаютъ они признавать за прямыхъ своихъ избавителей отъ несноснаго имъ ига польскаго, въ разсужденіи принужденія вѣры, и жидовскаго, по тягостнымъ ихъ сборамъ, истощающимъ силы ихъ и, какъ они говорятъ, самою изъ нихъ выжатою кровію обогащавшихся. Та и другая тягость, удручавшая ихъ несказанно, отмщевалась рукою ихъ полякамъ и жидамъ при настоящемъ случаѣ. Въ такомъ ихъ жителей положеніи, когда въ сердцахъ ихъ распространилась и усилилась горячность къ благочестію (православію), если отнять ихъ въ томъ свободу и, удаливъ надежду, которую они полагаютъ въ покровительствѣ высочайшемъ ея императорскаго величества, подвергнуть ихъ состоянію тому жъ, что и были, то я ваше сіятельство предувѣряю о слѣдствіяхъ непріятныхъ.... Я не ручаюсь и за всѣхъ здѣшнихъ жителей, чтобъ нѣкоторые изъ толпы на сіи, по ихъ разумѣнію законные, подвиги въ томъ случаѣ себя не опредѣлили; я примѣтилъ уже тайную молву, будучи въ Переяславѣ,

въ живущихъ близъ границы, что они равно польскимъ жителямъ думаютъ о гайдамакахъ“ [1]).

Конечно, такой взглядъ на дѣло не могъ вызвать сочувствія Панина, проникнутаго идеями европейскаго равновѣсія и въ частности идеей сѣвернаго аккорта. Отвѣтъ Панина на приведенное письмо Румянцева не дошелъ до насъ, но изъ слѣдовавшаго за нимъ новаго письма Румянцева мы видимъ, что вице-канцлеръ раскрылъ предъ Румянцевымъ всю ширь своихъ идей, которымъ послѣдній обязательно долженъ былъ подчиниться. „Ваше сіятельство, писалъ Румянцевъ, въ особѣ государственныхъ дѣлъ правителя показали мнѣ верховность своего просвѣщенія содѣяніями, относящимися къ наибольшимъ между великими, столько же и превосходства въ дружеской для меня откровенности, снисходительности и усердія. Я сіи начертанія сохраню какъ поученія мудрости, которыя тѣмъ драгоцѣннѣе для меня, что я, оными слѣдуя, безпечнымъ останусь отъ всякаго преткновенія“. Отъ высказаннаго же раньше мнѣнія своего Румянцевъ безъ затрудненія отдѣлался нѣсколькими словами. „Изъясню я вашему сіятельству, что мои примѣчанія, на которыя мнѣ отвѣтствуете, касательно до религіи и состоянія взволновавшихся польскихъ крестьянъ, были только гадательныя, а не положительныя; смѣшанная тамъ моя идея простиралась токмо по воззрѣнію на обстоятельства наружныя такъ пограничныхъ жителей польскихъ, яко и изъ предосторожности сосѣда другаго, который явно уже обнажается теперь въ своихъ намѣреніяхъ“ [2]).

Склониться впрочемъ къ образу дѣйствій, вытекавшему изъ идей Панина, было тѣмъ легче для Румянцева, что съ главными силами гайдамакъ къ тому времени было уже покончено и исправить дѣла прекращеніемъ преслѣдованія остатковъ уже было нельзя. Что же касается до наказаній, опредѣлявшихся тѣмъ гайдамакамъ, которые, какъ русскіе подданные, были судимы въ Кіевѣ, то наказанія эти, особенно сравнительно

---

[1]) Переписка Румянцева. „К. Стар.“, 1882 г., кн. 10, стр. 112.

[2]) Ibidem, стр. 116.

съ наказаніями, выпадавшими на долю гайдамакъ польскаго подданства, были по тому времени довольно умѣрены. Въ указѣ отъ 24 іюля 1768 г., присланномъ и Румянцеву, и въ кіевскую губернскую канцелярію изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, читаемъ: „I. Тотчасъ по полученіи сего указа произвесть надъ помянутыми (въ началѣ указа) запорожцами [1]) надлежащій судъ, который однакожъ весьма скоро окончень быть должень. II. Въ судѣ положивъ на мѣрѣ формальный приговоръ на основаніи законовъ,—ибо колодники, будучи взяты съ ружьемъ въ рукахъ противъ войскъ ея императорскаго величества, не могутъ, конечно, оправдаться ни въ бунтовщическомъ супротивленіи волѣ и оружію ея величества, ни въ разнообразныхъ въ Польшѣ произведенныхъ варварствахъ, когда они на самомъ дѣлѣ пойманы и слѣдовательно судимы быть должны, яко бунтовщики, нарушители общаго покоя, разбойники и убійцы. III. Когда по симъ уваженіямъ, велѣдствіе всѣхъ на свѣтѣ законовъ, опредѣлена будетъ смертная казнь, перемѣнить ее, при самомъ исполненіи, въ тѣлесное наказаніе кнутомъ, клеймомъ и вырваніемъ ноздрей, ссылкою въ Нерчинскъ, оковавши на мѣстѣ въ кандалы“ [2]).

Изъ Коденской книги видно, что далеко не всѣ захваченные русскими войсками, даже съ оружіемъ, подвергались клейменію, вырыванію ноздрей, ссылкѣ и проч. Выше нами уже приведены показанія Олексы Яхименка и Осипа Мытинскаго, взятыхъ въ плѣнъ полковникомъ Протасьевымъ послѣ дѣлъ подъ Богуславомъ и Блощинцами. Въ показаніяхъ этихъ значится, что изъ 500 человѣкъ, уведенныхъ тогда въ Кіевъ, только немногихъ „покнутовали“ и „пошарпавши имъ носы“, отправили въ ссылку, большинство же послѣ годоваго заключенія было отпущено назадъ въ Украину, особенно же если это были не русскіе подданные. Относительно именно такого образа дѣйствій по отношенію къ послѣднимъ гр. Румянцевъ писалъ переяславской кан-

[1]) Гайдамакъ смѣшивали съ запорожцами.

[2]) Матеріалы для исторіи колиивщины, Н. И. Костомарова. „Кіев. Стар.“, кн. 8-я, стр. 320 (1882 г.).

целяріи слѣдующее отъ 27 сент. 1768 года: „Всѣхъ преданныхъ къ содержанію при оной полковой канцеляріи польскихъ жителей, взятыхъ вмѣстѣ съ гайдамаками по возмущеніямъ, отъ нихъ въ Польшѣ происходившимъ, та канцелярія имѣетъ нынѣ *освободивъ отправить въ ихъ домы*, но со взятіемъ однакожъ напередъ отъ нихъ присяги, что они, чувствуя сію милость, прямо въ оные возвратятся и будутъ тамъ жить въ тишинѣ и повиновеніи властямъ своимъ; а чтобы ихъ при семъ отпускѣ охранить отъ истязаній помѣщиковъ, кои бы иногда и надъ раскаявшимися прежнее возмущеніе мстить захотѣли, то полковая канцелярія на сей случай дать имъ имѣетъ урядогое отъ себя письменное препровожденіе къ ихъ помѣщикамъ, склоняя послѣднихъ въ ономъ къ прощенію въ преступленіи, отъ буйства и слѣпоты происшедшемъ, въ которомъ отпущаемые признательно раскаиваются и дали клятвенныя предъ Богомъ по себѣ обязательства о всякой отселѣ покорности: *инако же своею мстительностью противиться они будутъ собственному своему интересу, тѣмъ паче, что на отпускъ помянутыхъ сихъ людей не инако, какъ съ сей надежды приступлено*[1]).

Слишкомъ откровенно, конечно, выступаетъ мотивъ приведенной мѣры—желаніе вернуть польскимъ помѣщикамъ Украины утраченныхъ ими рабочихъ и слишкомъ мало, конечно, сдѣлано для охраны отъ истязаній раскаявшихся крестьянъ ихъ помѣщиками. Неудивительно поэтому, что при возвращеніи на Украину бывшіе плѣнные всячески скрывали свою прикосновенность къ бунту, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, не разъ нами помянутый Іосифъ Мытницкій, но это не всегда удавалось и тогда прощеннымъ въ Кіевѣ приходилось идти искупать свои вины въ ужасной Кодиѣ.

Въ виду этого можно, кажется, утверждать, что Румянцевъ не проявлялъ большой заботы объ облегченіи участи коліевъ, смыслъ возстанія которыхъ онъ, какъ мы видѣли, такъ прекрасно уразумѣлъ. Уклоненіе отъ суровыхъ мѣръ въ данномъ случаѣ у него было такое же, какъ и у начальниковъ разныхъ

---

[1]) Переписка гр. Румянцева, „К. Ст.“ 1882 г., кн. 10-я, стр. 117—118.

русскихъ отрядовъ, разсѣянныхъ въ Польшѣ. Когда къ этимъ начальникамъ присылались на судъ тѣ или другіе изъ коліевъ пойманныхъ польскими подъѣздами, то они большею частью или освобождали схваченныхъ, какъ это было, напр., съ Мытинскимъ, или ограничивались какою-либо скоропалительностью, не влекшей за собой по тогдашнимъ правамъ серьезныхъ послѣдствій. Генералъ, напр., стоявшій въ Тульчинѣ, когда привели къ нему, какъ русскаго поддапнаго, Никиту Москаля,—прослушавъ о его нападеніи на с. Малинки и о его женитьбѣ на панѣ Грабовской, ограничился тѣмъ, что собственноручно три раза ударилъ его по лицу. „General, сказано въ документѣ, uderzył Moskalia w gembe razy trzy y na tym się zakonczilo“. Польскія власти однако этимъ не удовольствовались и оставили Москаля до лучшаго суда подъ арестомъ у себя [1]).

Въ концѣ концовъ, впрочемъ, Румянцевъ, увидѣвъ, что и послѣ подавленія главныхъ гайдамацкихъ силъ все таки оказывалось много плѣнныхъ коліевъ и что возвращать имъ всѣмъ призрачную волю при отсылкѣ помѣщикамъ ни къ чему не ведетъ, вошелъ съ предложеніемъ къ Панину употреблять изловляемыхъ къ работамъ или разсылать ихъ въ гарнизоны во внутрь государства россійскаго, въ отдаленныя мѣста, „ибо въ Малороссіи употреблять ихъ непрочно“ [2]).

Отказавшись отъ самостоятельныхъ мнѣній о коліивщинѣ и дѣйствуя по указаніямъ Панина, Румянцевъ не съумѣлъ и защитить отъ отдачи подъ судъ переяславскаго архіерея Гервасія Линцевскаго и игумена Матроninскаго монастыря Мельхиседека Значко-Яворскаго, пребывавшаго съ іюля 1766 г. не въ названномъ монастырѣ, а въ Переяславѣ. Извѣстна многотрудная дѣятельность названныхъ лицъ по поддержанію православія въ Украинѣ, по возвращенію изъ уніи многихъ, обращенныхъ въ нее насильно—міряпъ и духовныхъ лицъ. Когда въ періодъ силы коліевъ множество поповъ стало изъ уніи переходить въ православіе, то это послужило поводомъ къ упрекамъ Мельхи-

---

[1]) Кодн. кн., стр. 590.

[2]) Переписка Румянцева. „К. Ст.“ 1883 г., книга 9 и 10, стр. 269.

седеку и Гервасію въ поддержаніи бунта и въ захватѣ уніатскихъ церквей. Упреки эти были дѣлаемы въ Варшавѣ Репнину, а онъ въ свою очередь, ради поддержанія акта о диссидентахъ, счелъ нужнымъ написать Панину о безправномъ будто бы захватѣ уніатскихъ приходовъ православными попами и о томъ, что Гервасій незаконно привлекаетъ къ себѣ массу уніатскихъ поповъ.

Когда обо всемъ этомъ свѣдалъ Румянцевъ, онъ, еще до уясненія ему Панинымъ общаго хода дипломатическихъ сношеній съ Польшей, счелъ своимъ долгомъ по поводу обвиненій архіерея Гервасія и игумена Мельхиседека отозваться такимъ образомъ: „....какъ всѣмъ вещамъ въ отдаленности можно виды придѣлать иные, совсѣмъ отъ существенныхъ разные, то паче же при настоящемъ случаѣ употребить могли поляки, преобразивъ всякія извѣстія въ пользу своей стороны, ища тѣмъ способомъ удержать въ сей странѣ людей, къ крайнему ихъ неудовольству обращающихся къ вѣрѣ, прежде ими исповѣданной и отъ которой они отведены однимъ насильствомъ и принужденіемъ властей, то потому предразсужденіе ведетъ мысль, что и нашъ посолъ иногда не столь удобно обозрѣть можетъ настоящія дѣйствія, какъ въ отдаленности отъ его пребыванія происходящія [1]). Въ частности объ обвиненномъ Гервасіи Румянцевъ писалъ, что „сей старецъ поведенія свои противъ прибѣгающихъ къ нему уніатскихъ поповъ основывалъ на должности своего пастырства, на правѣ бытія древняго во всей странѣ сей благочестія“. О Мельхиседекѣ же заявилъ, что подстрекателемъ коліевъ онъ не могъ быть уже потому, что оставилъ Матроницкій монастырь и поселился въ Переяславѣ еще въ маѣ 1766 г., управляя монастыремъ издали [2]).

Но послѣ возраженій Панина Румянцевъ отказался какъ отъ своего взгляда на колиивщину, такъ и отъ защиты невинно обвиненныхъ Гервасія и Мельхиседека. „Я, писалъ онъ Панину, немедленно начну исполнять прибавленныя мнѣ теперь повелѣ-

[1]) Переп. Румянцева. „К. Ст.“, 82 г., кн. 10 я, стр. 111.

[2]) Ibidem., стр. 114.

нія о польскомъ шляхетствѣ и крестьянахъ, и столько же наблюденіе имѣть и за поступками архіерея переяславскаго, если бы его не воздержало одно уже повелѣніе ваше, которому сообщеніе противное съ уніатскими попами вовсе пресѣкчись можетъ, если ваше сіятельство изволите согласиться, чтобы ихъ ни единаго чрезъ границу въ Переяславъ не пропускать такъ, какъ и пришедшихъ назадъ выслать“ [1]).

Утративъ такого защитника, какъ гр. Румянцевъ, Гервасій и Мельхиседекъ очутились въ крайней опасности подвергнуться осужденію за то, что могло быть неудобно только полякамъ,— за усердное поддержаніе православія въ украинской части переяславской епархіи. Репнину могло казаться особенно нелегальнымъ возвращеніе этими дѣятелями въ лоно православной церкви тѣхъ, что были католиками или уніатами въ моментъ утвержденія польскимъ сеймомъ 1767 г. названнаго выше сепаратнаго акта о диссидентахъ. Въ силу этого акта, несмотря на всѣ льготы, имъ обѣщанныя, именно не давалось дозволенія свободнаго перехода къ православію тѣмъ, которые *до* этого времени принуждены были насиліемъ къ уніи или католичеству [2]). Недовольство Репнина такими обращеніями не смягчалось, повидимому, даже тѣмъ, что всѣ или большая ихъ часть были сдѣланы до ратификаціи трактата, послѣдовавшей, какъ мы знаемъ, въ началѣ 1768 г. [3]). Между тѣмъ и архіерей Гервасій, и игуменъ Мельхиседекъ, дѣйствуя такимъ образомъ, никакъ не могли предположить, что идутъ врозь съ русскимъ посломъ. Имъ, не вѣдавшимъ широкихъ проектовъ „сѣвернаго аккорта“ и проч., казалось необходимымъ въ виду усилившихся послѣ сейма 1767 г. преслѣдованій православныхъ на Украинѣ со стороны уніатовъ и католиковъ [4]) просить у Репнина еще и вооруженной защиты православному народу, и было имъ очень удивительно, когда и послѣ непосредственныхъ обращеній съ тѣми же просьбами въ Петербургъ, ожидаемыя военныя „команды“ не являлись въ

[1]) Ibidem, стр. 117.

[2]) Архивъ ю.-з. Россіи. Ч. I. Т. II. Предисловіе Лебединцева, стр. CXVI.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem, стр. CC—CCII.

Украинѣ [1]). Приписывая задержку въ вооруженной помощи случайностямъ, архіерей, когда въ началѣ мая 1768 г. крестьяне с. Жаботина, испуганные движеніемъ на нихъ лютыхъ конфедератовъ, обратились къ нему съ мольбою исходатайствовать имъ у русскихъ властей защиту, счелъ возможнымъ вновь обратиться за этой защитой, но уже не въ Петербургъ, а къ тогдашнему кіевскому генералъ-губернатору Ѳ. М. Воейкову, управлявшему небольшою частью нынѣшней кіевской губерніи по Васильковъ и такъ называемою Ново-Сербіею, т. е. поселенными между границей польской Украины и Запорожья пикинерными и компанейскими полками и вѣдавшему всѣ пограничныя сношенія съ Польшей [2]). Считая дѣло, о которомъ приходилось просить, до очевидности подлежащимъ вниманію Ѳ. М. Воейкова, архіерей вновь былъ крайне изумленъ отвѣтомъ, какого требовалъ однако отъ отвѣчавшаго долгъ службы. „Хотя охотно,—значится между прочимъ въ письмѣ кіевскаго генералъ-губернатора архіерею,—желалъ бы я въ томъ (въ защитѣ жаботинцевъ) показать вашему преосвященству удовольствіе, но какъ обстоятельства сего дѣла принадлежатъ до разсмотрѣнія вышнихъ правительствъ, то вразсужденіи того за пристойно нахожу вашему преосвященству представить мой совѣтъ: не соизволите ль по сему дѣлу адресоваться по командѣ въ святѣйшій правительствующій синодъ или въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ“ [3]). Но вся очевидность прекраснодушія почтенныхъ пастырей за шумомъ дипломатіи не вызвала отчетливыхъ представленій у многихъ. Не мало содѣйствовало этому исключительное положеніе Матроницкаго монастыря, находившагося въ ихъ вѣдѣніи. Будучи до 1766 года резиденціей игумена Мельхиседека, состоявшаго по назначенію переяславскаго архіерея правителемъ украинскихъ церквей, монастырь этотъ въ періодъ гоненій на православныхъ не могъ не давать у себя пріюта православнымъ попамъ, лишеннымъ „презенты“ и вовсе изгнанным уніатами изъ своихъ приходовъ.

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р. Ч. I. Т. III. №№ CIV и CVI автовъ.

[2]) Ibidem. № CXVI.

[3]) Ibidem. CXVII.

Трудно было бы монастырской братіи затворять двери своей обители и запорожцамъ, нерѣдко являвшимся на Украину для свиданія съ близкими родичами; никакъ не приходилось разбирать, какими политическими цѣлями могли руководиться приходившіе въ обитель, повидимому, ради религіозныхъ цѣлей; не во власти было братіи устранять и сговоры о защитѣ православія, какіе могли происходить и дѣйствительно иногда происходили между лишенными приходовъ іереями и запорожцами или выдававшими себя за запорожцевъ. Между тѣмъ польскія власти и уніатскіе офиціалы иначе смотрѣли на всѣ указанныя обстоятельства, обвиняя Матронинскаго игумена просто въ организаціи гайдамацкихъ сборищъ въ Матронинскомъ лѣсу, окружавшемъ монастырь, тѣмъ болѣе, что одинъ случай указанныхъ выше сговоровъ въ Матронинской обители, именно сговоръ въ началѣ 1767 года, сталъ даже извѣстенъ при разслѣдованіи дѣла священника Гавріила Царика, за православіе лишеннаго прихода и проживавшаго одно время въ Матронинской обители [1]). Репнину, которому доносили польскія власти обо всемъ происходившемъ въ Матронинской обители, казались простымъ отводомъ глазъ заявленія переяславскаго архіерея о несочувствіи насильственнымъ дѣйствіямъ гайдамакъ. Хотя разслѣдованія и обыски, произведенные „осмотрительно“ въ Матронинской обители по распоряженію Румянцева и Воейкова и въ іюнѣ 1768 г. [2]) и затѣмъ въ сентябрѣ того же года [3]) не дали никакихъ подтвержденій обвиненію, тѣмъ больше, что и сама обитель пострадала однажды отъ какихъ то невѣдомыхъ разбойниковъ, тѣмъ не менѣе все же дѣло названныхъ духовныхъ лицъ было доведено до суда. А разъ это случилось, то у обвинителей нашлась и такая улика противъ Герасія, какъ погребеніе имъ при торжественной обстановкѣ въ переяславской каѳедральной церкви головы сожженнаго поляками и уніатами жителя мѣстечка Мліева Даніила Кушнира, который не хотѣлъ когда то отдать уніатамъ и ихъ свя-

[1]) А. Ю.-З. Рос., ч. I, т. II. Предисловіе Лебединцева, стр. CXCI.

[2]) Арх. Ю.-З. Россіи. Ч. I, Т. III. №№ CXXVI и CXXVII.

[3]) Переписка Румянцева. „К. Ст.“ 1883 г., кн. 9 и 10, стр. 262.

щенникамъ священной гробницы, хранившейся сперва въ мліевской церкви и спрятанной имъ Кушниромъ у себя [1]). Въ означенномъ религіозномъ торжествѣ усмотрѣна была поддержка людей, возставшихъ противъ своихъ властей, а не желаніе поддержать падавшій духъ простыхъ немудрепыхъ защитниковъ своей вѣры.

Судъ, конечно, не могъ повести къ признанію обвиненій, взведенныхъ на досточтимыхъ духовныхъ дѣятелей, но все же оба они—и игуменъ Мельхиседекъ, и архіерей Гервасій—были „пристойнымъ образомъ“ устранены—первый съ игуменства въ Матроницкомъ монастырѣ, а второй — отъ управленія переяславскою епархіею. Гервасій послѣ этого прожилъ нѣкоторое время на покоѣ въ кіевскомъ Михайловскомъ монастырѣ, гдѣ и умеръ въ концѣ 1769 года, Мельхиседекъ же сперва былъ игуменомъ въ переяславскомъ монастырѣ, потомъ въ кіевскомъ Выдубецкомъ, далѣе въ лубенскомъ Мгарскомъ, гдѣ получилъ санъ архимандрита, и наконецъ въ глуховскомъ, причемъ одно время состоялъ Кіево-Софіевскимъ каѳедральнымъ намѣстникомъ (то же, что нынѣ каѳедральный протоіерей); умеръ онъ въ 1809 г. [2]). Удаленіе отъ мѣста кипучей дѣятельности, хотя бы даже „пристойнымъ образомъ“ для такихъ насадителей духовной нивы, каковы были архіерей Гервасій и игуменъ Мельхиседекъ, являлось тяжелымъ ударомъ судьбы.

Но если такъ трудно было избѣжать недоразумѣній высокопоставленнымъ духовнымъ дѣятелямъ Гервасію и Мельхиседеку, то для людей, вовсе лишенныхъ свѣдѣній о планахъ и намѣреніяхъ дипломатіи, а между тѣмъ стремившихся отдавать себѣ отчетъ во всемъ происходившемъ вокругъ нихъ, почти немыслимо было при искренности душевной не впасть въ рядъ ошибокъ sui generis. И вотъ мы видимъ, что капитанъ русской службы Станкевичъ, состоявшій въ черномъ гусарскомъ полку, подъ предлогомъ вербовки въ гусары людей, набралъ въ Смѣлянщинѣ

[1]) Арх. Ю.-З. Р. Ч. I. Т. II. Акты CXII и CXIX.

[2]) А. Ю.-З. Р. ч. I, т. III, №№ CLIX и CLX, а также въ т. II. Предисл. Ѳ. Г. Лебединцева, стр. CCVIII и № CLXX.

отрядъ въ 1000 человѣкъ и сталъ дѣйствовать въ духѣ коліевъ недавней поры. Когда же противъ него былъ посланъ отрядъ поручика ямбургскаго полка Вепрейскаго, то на его выручку двинулась было очень значительная гайдамацкая ватага; только съ большимъ трудомъ удалось Вепрейскому захватить и самого Станкевича, и 200 человѣкъ изъ его отряда [1]). Сочувствіе къ Станкевичу между бродившими вблизи границы гайдамаками было такъ велико, что кіевскій генералъ-губернаторъ торопилъ воинское начальство препроводить Станкевича подъ крѣпкимъ карауломъ въ Кременчугъ изъ опасенія, чтобы не вздумали гайдамаки освободить изъ менѣе укрѣпленной Смѣлы столь важнаго преступника... [2]).

Не стремленіемъ-ли оказать поддержку боровшимся за православіе можетъ быть объяснено и данный случай и случай съ оберъ-офицеромъ того же чернаго гусарскаго полка Марьяновичемъ, который также готовился стать въ ряды гайдамакъ, причемъ только неосторожнымъ письмомъ къ одному изъ гайдамацкихъ ватажковъ разоблачилъ случайно свои планы двинуться съ гайдамаками къ Могилеву на Днѣстрѣ? Не будь ватажокъ, къ которому онъ писалъ, убитъ въ одной изъ стычекъ съ русскими войсками и не попадись найденное при немъ письмо Марьяновича въ руки русскихъ властей, быть можетъ, послѣдній съигралъ бы ту же роль, что и Станкевичъ.

Наконецъ, не тѣмъ ли же стремленіемъ помочь коліямъ отстоять отъ поляковъ свою вѣру могутъ быть объяснены и частыя удаленія въ ряды бунтовавшихъ русскихъ солдатъ? При этомъ поражаетъ тотъ фактъ, что уходившихъ въ гайдамаки солдатъ бывало очень много, такъ что изъ нихъ исключительно составлялись цѣлыя ватаги. Въ письмѣ къ Панину отъ 19 октября уже 1770 г. Румянцевъ писалъ объ этомъ такъ: „изъ приложеннаго въ копіи репорта ко мнѣ отъ генералъ-поручика фонъ-Эссена ваше сіятельство узнаете, сколько новые злодѣи изъ са-

---

[1]) Переписка Румянцева. К. Ст. 1883 г., книжки 9 и 10, стр. 266.

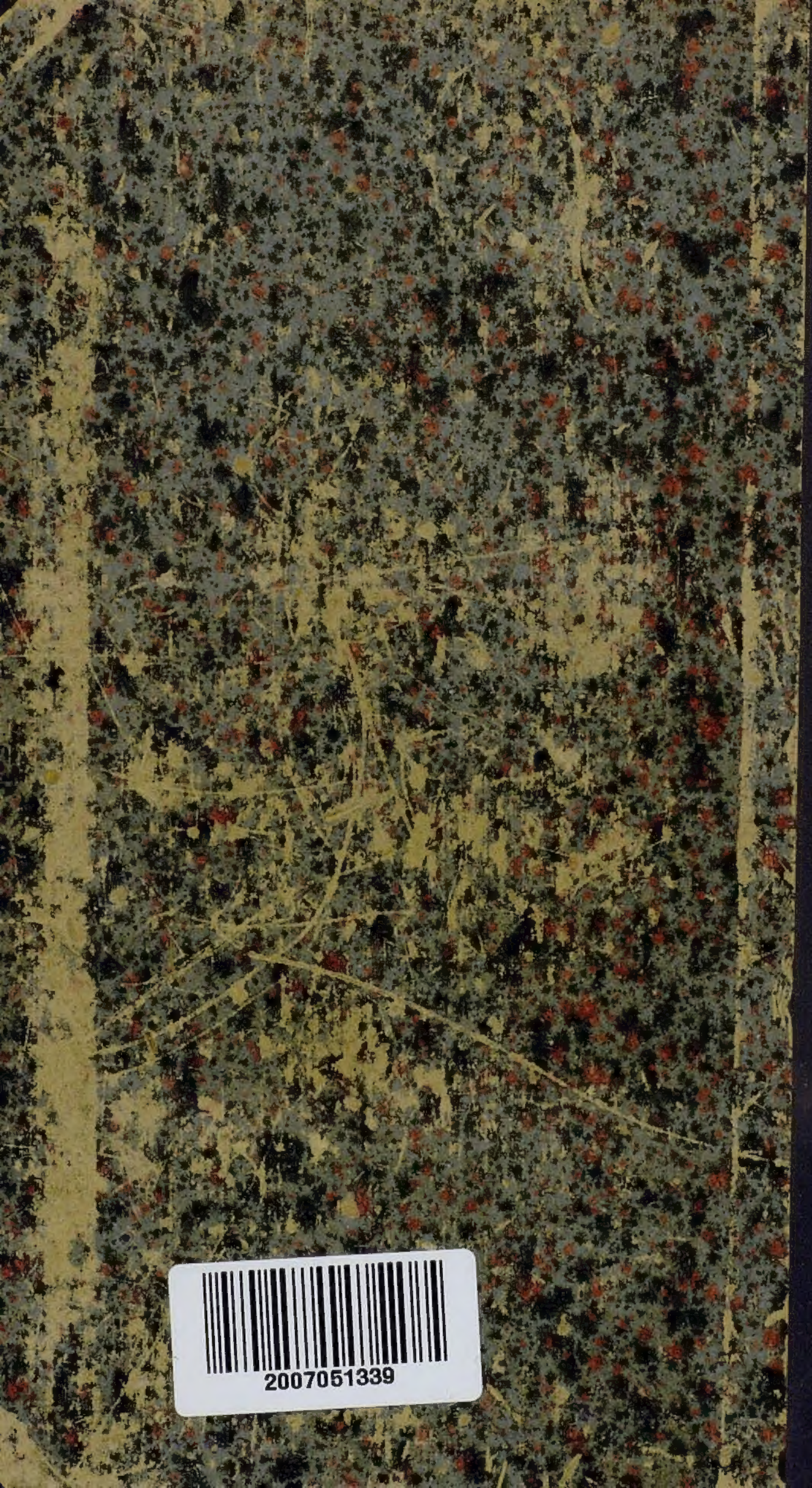
[2]) Матеріалы для исторіи коліивщины, Костомарова, Кіев. Ст. 1882 г, книга 8-я стр. 321.

михъ вашихъ войскъ на Побережьѣ (?) польскомъ возстаютъ; сіи грабители опаснѣе быть могутъ самого непріятеля, ибо они, подъ именемъ своихъ вездѣ пройтить могутъ и разорять..." [1]).

Но если планы Панина о „сѣверномъ аккортѣ", съ которыми были сопряжены и мысли о поддержаніи Польши, оказались причиной невзгодъ для многихъ русскихъ людей, иначе, чѣмъ Панинъ, понимавшихъ отношенія свои и къ Польшѣ, и къ ея православному южно-русскому населенію, то не привели они къ удачѣ и къ широкой сферѣ международныхъ отношеній. Турція не думала, конечно, дожидаться, пока изъ Польши, поддержанной и укрѣпленной, Панинъ создастъ надежную союзницу Россіи, и, сочтя гайдамакъ Желѣзняка, налетѣвшихъ въ іюнѣ 1768 г. на Балту и ограбившихъ турецкихъ подданныхъ, за людей, поддерживаемыхъ Россіей, посадила русскаго посла при своемъ дворѣ, Обрѣзкова, въ семибашенный замокъ и тѣмъ объявила Россіи войну, которою давно грозила, боясь захвата ею безсильной Польши.

[1]) Переписка Румянцева, „К. Ст." 1883 г., кн. 9 и 10, стр. 778.

Цѣна 1 руб.


2007051339